

Russian Academy of Sciences
Department of Historical and Philological Studies
Scientific Council for the Problems of Agrarian History
of Eastern Europe
The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
Bryansk State Academician I.G.Petrovsky University

The Agrarian History
of Eastern Europe
Yearbook
2018

Studies of Agrarian History of Russia, X-XXI Centuries
Results and Prospects

Moscow – Bryansk
2018

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет по проблемам аграрной истории
Восточной Европы
Институт славяноведения Российской академии наук
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского

Ежегодник
по аграрной истории
Восточной Европы
2018 год

Итоги и перспективы исследования
аграрной истории России X–XXI вв.

Москва – Брянск
2018

ББК 63.3

Е-36

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы»

издание Научного совета по проблемам аграрной истории Восточной Европы
при Отделении историко-филологических наук РАН

Издание основано в 1959 г. и восстановлено под прежним названием в 2012 г.

Редакционная коллегия

Е.Н. Швейковская (ответственный редактор), В.А. Ильиных,
М.Д. Карпачев, А.И. Комиссаренко, В.В. Кондрашин, В.Н. Никулин,
В.Д. Назаров, Н.В. Соколова (ответственный секретарь), Д.А. Хитров
Ответственный за выпуск – С.И. Михальченко

Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-20036

Е-36 Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.

2018 год: Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв. / Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при ОИФН РАН; Отв. ред. Е.Н. Швейковская. – М., Брянск: РИО БГУ 2018. – 291 с.

ISSN: 2305-5057

ISBN 978-5-9734-0309-6

В очередной том «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» включены статьи, написанные на основе докладов и сообщений, представленных на XXXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы «Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.». В исследованиях выявлены характерные черты, присущие аграрно-историческим студиям второй половины XX – начала XXI в., показаны гибкие организационные формы в работе Симпозиума. Рассматриваются проблемы аграрной и социальной истории России в их тематическом многообразии, в том числе методологические, историографические, источниковедческие.

ISSN: 2305-5057

ISBN 978-5-9734-09-6

© Коллектив авторов, 2018

Предисловие

В томе «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» публикуются статьи переработанных докладов и сообщений по проблеме «Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.». Она обсуждалась на очередной XXXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в сентябре 2018 г. Организаторами сессии выступили Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы и Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского. Сессия была приурочена к 60-летию деятельности Симпозиума, одной из старейших научных институций в области отечественной истории, существующей с 1958 г. при Отделении историко-филологических наук РАН (ранее при Отделении истории АН СССР). На ней обсуждались проблемы аграрной и социальной истории России в их тематическом многообразии с X по XXI вв. Среди них – общезначимые для каждой из действующих секций – методологические, историографические, источниковедческие и конкретные темы. В статьях выявлены характерные черты, присущие аграрно-историческим штудиям второй половины XX – начала XXI в., показаны гибкие организационные формы в работе Симпозиума.

По периоду с X по первую половину XIX в. были рассмотрены несколько общезначимых вопросов. В частности, представлена координирующая роль Симпозиума в изучении писцовых книг Московского государства, постепенная установка на обработку больших массивов их сведений в сочетании с составлением электронных карт, что открывает возможность этих источников для системного изучения разных регионов России. Сопоставление сведений писцового материала последней четверти XVI – первой четверти XVII в. позволило определить разные принципы раздач дворцовых земель частным владельцам, менявших структуру землевладения. Впервые изучен вопрос о влиянии демографических факторов на развитие родовой собственности правящей элиты России в первой половине XVIII в., установлена взаимозависимость численности дворянских фамилий и размеров земельной собственности.

На основе параллельного анализа данных археологических раскопок и письменных текстов – летописных известий, статей Русской Правды – выяснено становление боярской вотчины в Северских землях Черниговского великого княжения в XII в. С историей земельной собственности неразрывно связана эволюция системы налогообложения. В таком аспекте рассмотрены изменение основного принципа фискальной системы, происходившее на протяжении второй половины XVI – первой четверти XVII в., когда посешное обложение постепенно заменя-

лось подворным; складывание церковного землевладения на южной окраине России в первой половине XVII в. в ходе колонизации региона; формирование источниковой базы по истории переселений в Самарское Поволжье на основе фондов разных архивохранилищ.

Статьи по периоду второй половины XIX в. затрагивают актуальные темы современной историографии аграрных отношений в пореформенное время. В них дается оценка изученности вопросов о формировании хлебных рынков, кредитной и иных форм кооперации, изучена роль экономики помещичьих хозяйств с присущими ей особенностями, промысловые занятия крестьян в разных регионах Европейской части страны. Уделено специальное внимание деятельности правительственных и общественных учреждений по предотвращению голода после неурожаев 1891 и 1892 гг., а также обеспеченности продовольственными ресурсами экономики России в годы Первой мировой войны.

Статьи по периоду после 1917 г. сосредоточены на дискуссионных темах современной методологии и историографии аграрной истории: реконструировано становление крестьяноведения как метода и его внутренние противоречия; основательно рассмотрены современные методологические концепции аграрного развития России в XX в.; выявлены параметры крестьянского движения, имеющиеся в постсоветской историографии; проанализировано изучение тем сельской советской и постсоветской повседневности, а также освоения целинных и залежных земель. Особого внимания заслуживает характеристика вклада выдающегося российского историка-аграрника В.П. Данилова и возглавляемого им подразделения Института российской истории РАН в развитие отечественной аграрной историографии на постсоветском этапе.

В конкретно-исторических статьях по советскому периоду изучены: причины создания сельскохозяйственных коммун в 1917 – начале 1930-х гг., категории коммунаров и основные мотивы их вступления в коллективы; эволюция роли и значимости сельских советов в 1920–1930-х гг. и сфера их компетенции; кампании по внедрению севооборотов в центрально-черноземной деревне во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг., модели поведения председателей колхозов Татарской АССР в послевоенные годы.

Следует подчеркнуть, что статьям по всем названным периодам присуще повышенное внимание к разнovidовым и разновременным источникам, принципам и методикам их исследования.

Редколлегия

**Проблемы аграрной и социальной истории России
в трудах Симпозиума по аграрной истории
Восточной Европы: к 60-летию деятельности**

В статье характеризуется проблематика сессий Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы с середины 1990-х гг. по 2018 г., прослеживаются принципы его работы.

Ключевые слова: Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, исследуемые темы, сессии, секции.

Текущий 2018 год – знаменательный для Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Эта научно-организационная институция шагнула в седьмое десятилетие своей деятельности. Подчеркну, что вопрос о необходимости изучения аграрных отношений в рамках социально-экономических штудий в самом конце 1950-х гг. был поставлен историками, которые исследовали период феодализма в России и Европе. Инициаторами создания Симпозиума были выдающиеся историки академики АН СССР Н.М. Дружинин, С.В. Сказкин, доктор исторических наук В.К. Яцунский, а также эстонские коллеги во главе с чл.-корр. АН СССР, акад. АН Эстонской ССР Х.Х. Круусом. Откликаясь на инициативу ученых, Отделение исторических наук АН СССР поддержало новое начинание, и в декабре 1958 г. в Таллине состоялась первая конференция, положившая начало Межреспубликанскому симпозиуму по аграрной истории Восточной Европы. Сессии проводились республиканскими Академиями наук совместно с ведущими университетами и педвузами страны ежегодно по 1972 г. (кроме 1967 г.), а с 1974 г. – 1 раз в 2 года; таким же образом они собираются и в настоящее время. В 1975 г. Бюро Отделения истории АН СССР утвердило Симпозиум в качестве постоянно действующего Центра по изучению аграрной истории, а в 1991 г. он был преобразован в Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы.

Первоначально тематика Симпозиума ограничивалась хронологическими рамками XVI–XIX вв., затем она углубилась до древ-

---

¹ *Швейковская Елена Николаевна*, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, inslav@inslav.ru, Россия, г. Москва.

нейших времен. И только с 1965 г. начала работать секция истории сельского хозяйства и крестьянства СССР (сначала не регулярно), а общая хронология выступлений значительно расширилась. На сессиях 1990-х гг. действовали следующие хронологические секции: 1-я с древнейших времен по XVII в., 2-я XVIII в.; 3-я первая половина XIX в. (в ней даты 1870-е, 1880-е гг., 1861–1917 гг. варьируют как конечные); 4-я с середины XIX в. по 1917 г.; 5-я 1917–1990-е гг. Хронологический принцип, положенный в основание секционного деления, остается ведущим, однако не является жестко закрепленным. Он корректируется в зависимости от объективных обстоятельств, периода, внутрисекционной тематики и числа участников секции. На сессии в Калуге 2002 г. в 1-ю секцию был включен XVIII в., а 2-я охватила первую половину XIX в. На следующей Орловской сессии 2004 г. Оргкомитет был вынужден расширить хронологические рамки 1-ой секции вплоть до середины XIX в. Причина этого состояла в сокращении числа участников – специалистов по аграрной истории не только XVI–XVIII вв., но и первой половины XIX в. Осознавая столь неудовлетворительный факт, не зависящий от Оргкомитета, участники признали, что вынужденное расширение секционной хронологии позволило проследить развитие схожих процессов в их эволюции, а это способствует углубленному изучению основной проблемы.

Наряду с удлинением секционной хронологии происходит противоположная трансформация в рамках большого периода. На Тульской сессии 2006 г. единая секция XX в. разделилась на две самостоятельные по периодам: 1917–1940 гг. и 1940 г. – современность. Такое деление существовало на сессиях Вологодской 2008 г., Брянской 2012 г. На Самарской же сессии 2014 г. 3-я секция «1917 г. – современность» работала по двум подсекциям: 1917 г. – конец 1920-х гг. и конец 1920-х гг. – современность, что сохранилось и на сессии в Уфе. Схожее изменение произошло в 1-ой секции на Уфимской сессии 2016 г., когда она поделилась на 2 подсекции: Киевская Русь – XVII в. и XVIII – первая половина XIX в. На Уфимской же сессии в 1-ой и 3-ей секциях Оргкомитет опробовал новацию – были выделены самостоятельные заседания (одно или два), общие для подсекций. На них были вынесены выступления, наиболее значимые по существу тематики, используемым методам исследования. Такой способ применен и на данной сессии 2018 г. Подоб-

ные общесекционные заседания можно оценивать как микропленарные. Я задержала внимание на данном пассаже не случайно. Ведь компоновка докладываемых тем в рамках большого хронологического периода и его этапов позволяет рельефно показать многогранность изучаемых событий и явлений, избежать прямолинейных трактовок и оценок.

К 1990 г. в рамках Симпозиума было проведено XXII сессии. К этому времени их тематика исподволь освобождалась от методологически жесткого классово-формационного подхода в изучении социально-экономических отношений, а именно они доминировали в аграрных штудиях. Приоритетными тогда считались темы о сущности и эволюции феодальной земельной собственности, особенностях закрепощения крестьян, о генезисе капитализма в сельском хозяйстве, о социальном расслоении деревни, классовой борьбе крестьян. Постепенно все большее место занимали аграрные сюжеты о производительных силах в сельском хозяйстве, географии земледельческих культур, их урожайности, товарности, о складывании и функционировании аграрного рынка.

Именно тема «Аграрный рынок в его историческом развитии» сделалась основной на XXIII сессии Симпозиума. Она готовилась в течение 1990–1991 гг. совместно с Институтом истории и археологии Уральского отделения АН СССР и состоялась в Екатеринбурге 24–27 сентября 1991 г. уже после августовских событий. Так XXIII сессия стала своеобразным рубежом, до некоторой степени формальным, между этапами советской и постсоветской историографии аграрной истории. На этой сессии по ряду вопросов истории сельского хозяйства и крестьянства советского периода уже отчетливо обозначились иные оценки, чем догматические, доминировавшие ранее. Среди таких – темы о государственном регулировании рыночных связей и политике цен на хлебно-зерновые и другие сельскохозяйственные продукты в условиях нэпа, соотношении плана и рынка в годы коллективизации, о директивном вмешательстве государства в аграрные отношения в период 1917–1940-х гг. Эту трансформацию отразил Л.В. Милов в своем предисловии к сборнику по итогам сессии, вышедшем в 1996 г., следующим образом: «Необходимо отметить, что исследования по аграрной истории советского периода носят вполне объективный, а подчас и остро критический характер» [1, с. 5].

Естественно, Симпозиуму как корпорации историков-аграрников пришлось пережить организационные и финансовые трудности 1990-х гг., тем не менее, он выстоял. Следующая XXIV сессия прошла в 1994 г. в Москве в Московском педагогическом государственном университете им. В.И. Ленина по проблеме «Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование» (Сб. М., 1995). С этой сессии вернулись к порядковому обозначению секций в соответствии с хронологией, идя от древности к современности, а не наоборот, как установилось с середины 1970-х гг.

С XXV сессии 1996 г. в Арзамасе по проблеме «Аграрные технологии в России IX–XX вв.» Симпозиум прочно встал на ноги и по настоящее время проводит регулярно свои совещания в четные годы. В итоге с 1994 по 2018 г., т.е. почти за 25 лет, проведено 13 сессий и опубликовано 13 выпусков Тезисов и 13 томов Ежегодников.

Стоит отметить, что в 2000-е годы совершенствовался принцип выбора ведущей проблемы, которая ставилась для обсуждения на сессиях. На XXIX сессии 2004 г. в Орле при подведении итогов на заключительном заседании первой секции было предложено для придания большей конструктивности обсуждениям докладов конкретизировать главную тему, определяя наиболее значимые вопросы в соответствии с профилем каждого хронологического периода, положенного в основу деления на секции. Это пожелание Оргкомитет счел рациональным и реализует его с сессии 2006 г. в Туле по настоящее время, стремясь сосредоточить усилия ученых на наиболее важных подтемах и сюжетах в рамках ведущей проблемы. Выработка главной проблемы на сессию 2010-го и следующих годов стимулировалась вопросами, которые ставились в ходе дискуссий по докладом в разных секциях на предыдущих сессиях. Возникнув органично, проблема в результате обсуждений Оргкомитетом получала окончательную формулировку и принималась для очередного рассмотрения.

На сессии в Вологде в 2008 г. участники разных секций высказались за продолжение практики штудирования научного наследия известных историков – организаторов и участников Симпозиума. Такие доклады постоянно звучат на пленарном и/или секционных заседаниях на разных сессиях, объединенные общей рубрикой «Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в лицах». Их

присутствие в повестке свидетельствует о глубоком уважении к ученым, основателям и активным организаторам сессий, а также к их масштабному вкладу в исследование фундаментальных проблем аграрной и социально-экономической истории России в разные периоды ее эволюции. Подобные выступления неизменно вызывают неподдельный интерес присутствующих.

Так, на юбилейной вологодской сессии 2008 г., посвященной актуальным проблемам историографии, методологии, методам исследования, состоялись доклады о руководителях Симпозиума: Н.В. Козловой об акад. Л.В. Милове – участнике сессий с 1961 г., председателе Оргкомитета с 1991 по 2007 г., Э.Г. Истоминой о д.и.н. В.К. Яцунском – одном из инициаторов Симпозиума, В.Д. Назарова о д.и.н. Н.А. Горской – ученом секретаре и руководителе секции, заместителе председателя Оргкомитета, А.И. Комисаренко о д.и.н. Н.В. Устогове – активном участнике первых сессий 1958–1963 гг., Теодора Шанина о д.и.н. В.П. Данилове – зам. председателя Оргкомитета, председателе секции, В.И. Зайдинера и С.А. Ковыневой о д.и.н. И.Е. Зеленине, сопредседателе секции и сподвижнике В.П. Данилова.

На XXXII сессии 2010 г. в Рязани прозвучали доклады: И.С. Филиппова об акад. С.Д. Сказкине, который в конце 1950-х гг. стал одним из главных организаторов Симпозиума, Е.Н. Швейковской о д.и.н. В.А. Александрове, видном специалисте по проблемам колонизации новых территорий России (Юга, Сибири), сельской общины, обычного права в XVI – первой половине XIX в.; К.М. Ячменихин и Т.Н. Кандаурова оценили вклад одного из старейших участников (с 1959 по 2002 гг.) симпозиума д.и.н. В.А. Федорова в развитие аграрной истории России первой половины XIX в., много лет возглавлявшего секцию первой половины XIX в., а И.Н. Слепнев показал роль д.и.н. А.М. Анфимова, который на протяжении 1960–1980-х гг. руководил секцией второй половины XIX в. На этой же сессии А.И. Комисаренко доложил об участии в сессиях 1960–1970-х гг. д.и.н. А.А. Преображенского и его позиции сторонника раннего генезиса капиталистических отношений с XVII в. На следующей XXXIII сессии 2012 г. в Брянске А.И. Комисаренко сообщил о д.и.н. Е.И. Индовой, которая была в Оргкомитете и сопредседателем секции истории XVIII в., участвовала в организации и деятельности ряда региональных историко-аграрных объеди-

нений. Е.Н. Швейковская на XXXIV сессии 2014 г. в Самаре посвятила свой пленарный доклад акад. Н.Н. Покровскому, многогранному ученому второй половины XX – начала XXI в. – историку, археографу, источниковеду.

Вкупе выступления этого направления характеризуют роль Симпозиума по аграрной истории как значимой институции в развитии проблемного и персонифицированного аспектов отечественной историографии.

Я скомпоновала проблематику сессий за период с 1994 по 2016 г. в несколько блоков по взаимосвязи, как она мне видится, главных проблем.

I.

XXIV – 1994 г. Москва. «Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование».

XXXIV – 2014 г. Самара. «Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.».

II.

XXVII – 2000 г. Вологда. «Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет)».

XXVIII – 2002 г. Калуга. «Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты)».

III.

XXVI – 1998 г. Тамбов. «Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв.».

XXV – 1996 г. Арзамас. «Аграрные технологии в России IX–XX вв.»

XXX – 2006 г. Тула «Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума».

IV.

XXIX – 2004 г. Орел. «Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок».

XXXIII – 2012 г. Брянск. «Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв.».

XXXV – 2016 г. Уфа. «Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв.».

V.

XXXI – 2008 г. Вологда. «Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы».

XXXII – 2010 г. Рязань. «Актуальные проблемы аграрной истории X–XXI вв.: Источники и методы исследования».

XXXVI – 2018 г. Брянск. «Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.».

Характеристика сессий за период с 1990 по 2002 гг. с большей или меньшей степенью подробности содержится в ряде публикаций [2, 3, 4]. Отсылаю к этим изданиям и, конечно, к трудам самого Симпозиума.

Блоки проблем, которые предложены, требуют отдельной характеристики, причем на уровне обобщения, что сделать в рамках статьи затруднительно из-за ограниченности объема. Остановлюсь все же на некоторых из них.

Соединение проблем, стоявших на сессиях 1994 г. (Москва) и 2014 г. (Самара), в первый блок связывает ведущая и регулирующая роль власти и ее структур. Именно этот признак в каждый определенный период развития страны является результативным или мало эффективным и обуславливает до некоторой степени как сельскохозяйственное производство и рыночные отношения, так и наиболее важные принципы и этапы в области фиска – введение сохи как единой окладной единицы, подворного обложения, подушной подати и др., а также внедрение введенного налогового способа в практику жизни.

Общим стержнем для второго блока, который составили проблемы сессий 2000 г. (Вологда) и 2002 г. (Калуга), является исследование важнейших компонентов аграрного и социального развития – землевладения и землепользования. Внимание было сосредоточено, во-первых, на самих сельских тружениках – крестьянах и их хозяйствах как главных ресурсах сельскохозяйственного производства, и, во-вторых, на объекте приложения их труда – земле, причем в обоих случаях в нетривиальных аспектах. В этом плане особое значение имеет Вологодская сессия 2000 г., так как на ней впервые более чем за сорокалетнюю работу Симпозиума ведущей стала проблема о зажиточном крестьянстве на всех этапах общественного развития России. Столь масштабный подход дал возможность характеризовать процессы социальной дифференциации и имущественного расчленения крестьян не только через призму становления капиталистических отношений и классовой борьбы, как это практиковалось и прочно держалось в советской историографии на протяжении вто-

рой половины XX в. Участники сессии сосредоточили внимание на вопросах о важности и необходимости установления критериев, признаков и типов зажиточности, об уровне социальной и имущественной дифференциации в деревне в разные периоды и в многообразных региональных условиях зернового земледелия, об экономической силе и поколенческой прочности зажиточного крестьянства при традиционной аграрной экономике с ее производственными ресурсами, о формах перехода крестьян из одной имущественной группы в другую в условиях экономической трансформации деревни во второй половине XIX в., о приспособлении и выживании зажиточного хозяйства в периоды 1917–1920 гг., нэпа, коллективизации и при последующих трансформациях сельского хозяйства страны. Н.А. Горская позже подчеркнула отличительную особенность подхода к исследованию данной проблемы, при котором зажиточное крестьянство характеризовалось как самостоятельный объект. По периоду до начала XVIII в. она для определения «условно “зажиточных”» крестьян предложила три параметра имущественной группировки дворов: 1) по величине запашки надельной и по возможности вненадельной земли; 2) по величине дворовой раскладки тягла; 3) по обеспеченности дворов рабочей силой и людскими ресурсами. Первоочередным она считала «вопрос о методической правомерности соотнесения этих показателей между собой, прежде всего, о достоверности имущественных группировок по величине дворовой раскладки тягла» [2, с.334-335]. Полагаю, что предложенные Н.А. Горской показатели могут послужить основой, естественно с необходимыми дополнениями и корректировкой, для изучения зажиточности крестьянских хозяйств в XVIII – начале XX вв.

Темы о землевладении в их увязке с вопросами собственности, неоднократно присутствовали на сессиях Симпозиума. Однако на Калужской сессии 2002 г. во главу угла проблемы землевладения и землепользования был поставлен социально-правовой аспект, новый в практике симпозиума. Исследование этих основополагающих и взаимно обусловленных тем аграрной истории в предложенном на сессии ракурсе позволило обнаружить трансформации, которые происходили как во времени и в региональном пространстве, так и в социально противостоящих страдах и сообществах.

Сессии 2008 г. (Вологда), 2010 г. (Рязань), составившие пятый блок, посвящены проблемам историографии и источниковедения,

методам исследования в аграрной истории. Сосредоточу свое внимание на сессии в Рязани. Подчеркну, что сессии периода 1990-х – 2016 гг. вообще отличает повышенное внимание к источниковой базе. Разновидовые источники, принципы и методики их исследования постоянно находятся в сфере научного интереса участников Симпозиума. Однако эта наиважнейшая тема, относящаяся к исследовательскому арсеналу всех историков, специально никогда не была ключевым предметом разговора на Симпозиуме. Впервые она была поставлена как раз на рязанской XXXII сессии. Ведь вопросы источниковедческого анализа актуальны как для известных, но мало привлекаемых источников, так и для новых их видов, вводимых в изучение.

Особенно это важно для исследований о судьбах российской деревни XX в., тем более что открываются недоступные прежде архивные фонды, включаются в исследования массивы ранее засекреченных документов. Специалисты по советскому периоду анализировали источники различных видов за разные периоды XX в., например, сельскохозяйственные переписи конца 1910-х – 1920-х г. в сопоставлении с показателями бюджетных обследований крестьянских хозяйств, что позволило скорректировать статистическую динамику изменений крестьянских посевных площадей 1920-х гг.; оценивали репрезентативность данных сельскохозяйственной статистики о миграции населения, полноту и достоверность бюджетных обследований крестьянских хозяйств. В том же ракурсе характеризовались рассекреченные источники, опубликованные в многотомных изданиях «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД», статистические материалы о голоде 1932–1933 гг. для оценки демографических потерь сельского населения, такие разновидности как крестьянские «письма во власть», информативные документы, фиксировавшие слухи, аудиовизуальные источники.

Повышенное внимание специалистов по истории второй половины XIX в. вызвали материалы земской статистики конца XIX в. В этом, я бы сказала, разряде источников М.Д. Карпачев выделил 3 основные группы материалов, отличающиеся по своей типологии 1) единовременные подворные переписи крестьянских и частновладельческих хозяйств, полученные экспедиционным путем; 2) текущая статистика по посевам, урожайности и сбору главных культур,

по поголовью скота; 3) данные эпизодических, выборочных и повторяющихся бюджетных хозяйственных обследований. Эти разновые документы рассматривались сквозь призму репрезентативности и полноты содержания, степени достоверности тех показателей, которые извлекаются из статистических сведений. Характеризовались также приговоры волостных судов, документы земельной переписи 1877–1878 гг., первичные данные (подворные карточки) сельскохозяйственных переписей конца XIX – начала XX в.

Если докладчики 3-ей секции концентрировались на документах, ставших доступными сравнительно недавно, а 2-ой секции – на известных, но слабо изученных, то участники 1-ой секции имеют дело с источниками, видовой и типологическая принадлежность которых в основном определена. Ученые, особенно изучающие более или менее массовые материалы XVI–XVIII вв., совершенствуют исследовательские приемы при извлечении и обработке источниковой информации, обращаясь к новым эффективным методикам. Среди них корреляционный анализ, примененный для характеристики, например, землевладения правящей элиты XVIII в., метод электронного картографирования. Использование геоинформационных систем (т.е. специальных программ) позволяет совмещать и сопоставлять данные таких разновидовых и разновременных источников, как археологический материал, акты феодального землевладения конца XV – XVI в., сведения писцовых книг XVII в. и Экономических примечаний к Генеральному межеванию второй половины XVIII в. для локализации и картографирования административных границ уездов, станов, волостей. Использование новых технологий дает новое и более совершенное представление о поселенческой структуре, хозяйственном ареале, степени освоения земель в разных регионах средневековой Руси и России.

Резюмируя результаты работы XXXII сессии Симпозиума, следует отметить следующее. В центре внимания докладчиков находились: разновидности и типы одного вида источников как в их отдельной, так и совокупной характеристике; один из видов источников с включением первичных документов, служащих его основой; разные виды источников, нацеленные на раскрытие одной темы; один вид или тип источника с содержательно сопутствующими ему иными документами. Были продемонстрированы практически все приемы анализа источников при рассмотрении того или иного

вопроса – репрезентативность, полнота, достоверность сведений и т.д.; обозначены методики в изучении отдельных видов источников, в том числе вновь вводимых в науку; реализованы новые подходы к анализу известных источниковых типов; обращено внимание на источники, несущие как бы негативную информацию и потому находившиеся ранее вне поля зрения ученых.

На рязанской же сессии 2010 г. была возобновлена такая организационная форма как тематическая секция, замечу, после длительного перерыва с 1970-х гг. Именно тогда на сессиях: XII-й в Риге-Сигулде работали 2 секции: «Общинные институты сельского населения» и «Социальная психология сельского населения»; на XIV-й в Гродно 1972 г. и XV-й в Вологде 1974 г. «Общинные организации сельского населения» на обеих.

В Рязани в подобной секции обсуждалась тема «Современные информационные методы и технологии в исследованиях по аграрной истории» под руководством д.и.н. С.З. Чернова и д.и.н. В.В. Канищева и состоялись 9 выступлений с весьма активной дискуссией. Наряду с секцией был проведен круглый стол под кураторством д.и.н. Г.Е. Корнилова по теме «Российская деревня и проблемы продовольственной безопасности», вызвавшей живую реакцию участников.

На XXXIII сессии 2012 г. в Брянске по проблеме «Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв.» была сформирована секция «Модернизация аграрного строя в XX – начале XXI в.: общие тенденции и региональные особенности» под руководством Г.Е. Корнилова, О.В. Горбачева и И.Е. Козновой (все д.и.н.), в которой участвовало 18 ученых. При обсуждении докладов и сообщений развернулась дискуссия об определении термина «сельская модернизация», о границах научной модели, в рамках которой возможно оптимально изучать этот исторический процесс. Точка зрения о сельской урбанизации не получила поддержки, так как в условиях модернизации XX в. лишь усиливалось влияние города и городской культуры на село. Обсуждение проблем аграрной модернизации оказалось плодотворным, оно показало, что имеется достаточно широкое поле для историко-аграрных исследований как в теоретико-методологическом плане, так и в изучении конкретно-исторических проблем российской деревни.

На XXXIV самарской сессии 2014 г. работал круглый стол по теме «Первая мировая война и аграрное развитие Российской империи», на котором в докладах Н.Ф. Тагировой, М.В. Оськина и М.Д. Карпачева проанализированы вопросы продовольственного положения страны в годы войны, экономического и финансового состояния русского крестьянства, а также правительственная политика в области продовольственного снабжения армии и городов.

Концентрированное сосредоточение на характеристике четко поставленной темы в специальной секции или на круглом столе, безусловно, полезно, так как выступающие на них ученые не только представляют результаты своих конкретных изысканий, но и определяют перспективы дальнейшего исследования. Уверена, что практику использования всех названных форм сотрудничества на следующих сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы необходимо продолжить.

Литература

1. Аграрный рынок в историческом развитии. Екатеринбург, 1996.
2. Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006.
3. К пятидесятилетию Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. Кн.1. Вологда, 2009.
4. Проблемы социально-экономической истории в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1958–2003 гг.) // Отечественная история. 2003. № 6.

Изучение писцовых и переписных книг Московского государства на сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы²

В статье дается краткий обзор основных работ, посвященных анализу писцовых и переписных книг Московского государства XVI–XVII вв., представленных на сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы с его основания (1959) до настоящего времени. Показано, что во все периоды своей истории Симпозиум являлся важнейшей площадкой, на которой обсуждались все наиболее заметные события в этой области исторического знания.

Ключевые слова. Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы; писцовые книги; историография.

Не нуждается в доказательствах мысль, что писцовые и переписные книги являются ключевыми источниками для аграрной истории России XVI–XVII вв. Характер имеющейся у нас источниковой базы таков, что изучение вопросов численности населения, его состава, истории землевладения и землепользования эпохи Московского государства практически невозможно без обращения к ним. Кроме того, для XVII в. ученые располагают цельными комплексами описаний, охватывающих всю территорию страны и достаточно хорошо сохранившимися, что дает возможность для изучения явлений аграрной истории в динамике. С другой стороны, объем и внутреннее единство этих документальных комплексов требовало координации усилий многих специалистов, а следовательно – существования общей площадки, в рамках которой обсуждались бы подходы к работе и ее результаты.

Такой площадкой, вполне закономерно, с самого своего основания стал Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, и в его материалах остались следы подавляющего большинства заметных исследовательских проектов за более чем полстолетия. В частности, на каждой сессии было по несколько докладов, так или иначе связанных с использованием данных писцового делопроизводства.

---

¹ Хитров Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, dkhitr@yandex.ru, Россия, г. Москва.

² Работа выполнена в рамках проекта Фонда президентских грантов на развитие институтов гражданского общества № 17-01-0123457.

Их систематический обзор представляет, таким образом, значительный историографический интерес.

В 60-летней истории Симпозиума ясно выделяются несколько этапов. На первом из них (1959–1971) он собирался ежегодно, итоги сессий подводились во влиятельном «Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы». Советская наука этого времени переживала подъем, число исследований и их общий уровень сильно выросли, а исследование проблем социально-экономической истории относилось к числу приоритетных. Хотя Симпозиум в это время был широким форумом, а большинство сессий были проведены за пределами РСФСР, число работ, использовавших писцовые материалы, было весьма значительным. В то же время базовая парадигма советской науки, фокусирующая внимание на противоречиях общественного развития, а не на достигаемых в его ходе результатах, ставила в центр внимания такие проблемы, как история крепостнического режима, земельной ренты (В.И. Корецкий, Н.А. Бакланова, Ю.А. Тихонов, И.М. Скляр, А.Я. Дегтярев), социального расслоения (Я.Е. Водарский, А.Л. Шапиро, Р.Б. Мюллер, Л.Г. Дубинская), формы протеста. Большое внимание уделялось также вопросам истории урожайности, определению общей продуктивности сельского хозяйства (Н.А. Горская, Л.В. Милов, В.Д. Назаров и Ю.А. Тихонов). С точки зрения этой проблематики данные писцовых книг представляются достаточно бедными, и во многих работах этого времени они находятся на втором плане, дополняя вотчинную документацию и узко специализированные государственные учетные документы (такие, как сыски беглых или отписные книги). Второй заметной группой исследований стали работы по истории окраин, территорий со специфическим землевладением и сложным в национальном и социальном отношении составом населения (Н.Ф. Демидова, В.П. Загоровский, И.Г. Акманов, Е.А. Швецова, Л.Г. Заничева и др.).

На втором этапе (1972–1991) Симпозиум стал собираться один раз в два года, Ежегодник был заменен публикацией материалов сессий под разными названиями, а тематика сессий формулировалась очень обобщенно. Характерной чертой этого этапа стало обсуждение и публикация целым рядом ученых серий статей, которые позже легли в основание монографий. К ним следует отнести исследования группы ленинградских ученых под руководством А.Л. Шапиро, обсуждавшей в рамках Симпозиума многие проблем-

ные аспекты будущей «Аграрной истории Северо-Запада России»; труды П.А. Колесникова, Я.Е. Водарского, Л.В. Милова и его соавторов (М.Б. Булгакова и И.М. Гарсковой), Е.Н. Швейковской, М.С. Черкасовой, З.В. Дмитриевой и других. Обращение исследователей к систематической, с помощью количественных методов разработке писцовой документации привело к активной дискуссии, призванной уточнить источниковедческие особенности этих документов.

Начиная с 1991 г., когда Симпозиум возглавил Л.В. Милов, сессии снова стали остро проблемными, что позволяло постепенно нащупать общие очертания новых подходов к аграрной истории, пути преодоления кризиса, в котором оказалась историческая наука. Некоторые из проблем, ставших центральными на сессиях этого десятилетия, не предполагали широкого привлечения писцовых материалов – например, сессии, посвященные аграрному рынку в его историческом развитии (Свердловск, 1991), формам сельскохозяйственного производства и государственному регулированию (Москва, 1994), истории зажиточного крестьянства в исторической ретроспективе (Вологда, 2000) или неземледельческой деятельности крестьян и особенностям российского социума (Тула, 2006). Другие, напротив, прямо ориентировали авторов на широкое привлечение данных массовых источников – это собрания Симпозиума, посвященные истории аграрных технологий в России (Арзамас, 1996), особенностям российского земледелия и проблемам расселения (Тамбов, 1998), социально-правовым аспектам землевладения и землепользования (Калуга, 2002), развитию сельскохозяйственной инфраструктуры и ее влиянию на динамику и темпы аграрного развития России (Орел, 2004). Серия крупных проектов, связанных с исследованием писцовых книг, была представлена на тамбовской сессии в 2000 г. [5].

Несмотря на сложные условия последнего десятилетия XX века, Л.В. Милов существенно расширил контакты с научными школами в региональных университетах, что позволило сохранить широкий, представительный состав форума в условиях ослабления связей с республиками бывшего СССР. Новой тенденцией становится обработка больших массивов писцовых книг, разработка электронных карт, сопоставление данных по различным регионам. Эта работа впервые охватывает центральные густонаселенные уезды,

причем тематическая направленность секций позволила показать, что статистический подход дает возможность пользоваться материалом писцовых книг для решения тех новых вопросов, которые встают перед историками. Среди работ, основанных, в частности, на писцовых материалах, которые обсуждались на сессиях и затем превратились в крупные исследования – серии докладов Е.Н. Швейковской о положении северного крестьянства в конце XVII – начале XVIII вв., М.С. Черкасовой и А.Е. Чекуновой о внутренних процессах в вотчинах крупных монастырей, Г.В. Демчук о поморских уездах в XVII в., А.Г. Иванова о марийском крестьянстве, Н.В. Соколовой о монастырских вотчинах Нижегородского края, Л.Г. Степановой о хозяйстве крестьянства Новгородской земли в XIV–XVI вв., Н.В. Пиотух о динамике расселения и землевладения в Северо-Западном крае, И.Л. Маньковой об Урале, Д.А. Черненко и Д.А. Хитрова – о долговременных тенденциях в аграрной эволюции уездов центра страны. Масштабные серии работ, в той или иной степени опирающиеся на материалы писцового делопроизводства, были представлены крупными региональными школами, такими, как самарская (работы Э.Л. Дубмана, Ю.Н. Смирнова и др.) и тамбовская (работы В.В. Канищева, Ю.А. Мизиса, С.А. Есикова и др.).

В течение последнего десятилетия, когда возглавила Оргкомитет Е.Н. Швейковская, эти тенденции получили дальнейшее развитие. На сессии 2008 г. (Вологда), в значительной степени посвященной обобщению достигнутых результатов, была представлена целая серия докладов, в которых подводились итоги работы Симпозиума на определенных направлениях. В некоторых из них специально рассматривался вопрос об использовании писцовых материалов, источниковедческих проблемах и дискуссиях, связанных с ними. Это доклады З.В. Дмитриевой о роли исследований А.Л. Шапиро, связанных с разработкой аграрной истории Северо-Запада, в развитии Симпозиума, В.Д. Назарова о вкладе Н.А. Горской и П.В. Советова. Важные историографические наблюдения, показывающие суть дискуссий о закреплении, которые происходили на сессиях конца 1960-х – начала 1980-х гг., были сделаны в докладе В.А. Аракчеева [2].

На сессиях 2010–2016 гг. число участников пополнилось исследователями, работающими с писцовыми материалами различных

районов страны, это А.А. Фролов (новгородские пятины), П.В. Чеченков (Нижний Новгород), А.В. Беляков (территория Мещеры), Н.В. Башнин (Вологодский уезд), Е.В. Камараули (Воронежский уезд) и другие специалисты. На Симпозиуме снова, после некоторого сокращения в 1990-е гг., увеличилось представительство ведущих научных учреждений Москвы и Петербурга. Практически на каждой сессии в последние годы делается несколько докладов на материале писцовых или переписных книг, что говорит о том, что работающие с ними ученые ценят эти регулярные встречи как важнейшую площадку для обмена опытом и обсуждения возникающих проблем [1, 3, 4, 6, 7].

Во многом благодаря этому в последние годы наблюдается тенденция к постепенной унификации подходов к названным материалам. Есть основания думать, что мы движемся в сторону системного исследования огромных комплексов писцовых и переписных книг как цельных массивов данных. Для этого, конечно, необходим соответствующий инструментарий и координация усилий многих ученых и групп, работающих в разных регионах. Один из проектов, направленных на координацию усилий исследователей, выработку единого протокола обработки писцовых данных и систематической публикацией баз данных, созданных на основе книг валового описания 1620-х гг. – сайт soshnoepismo.ru, в создании которого принял ряд постоянных участников Симпозиума. Роль Симпозиума, как традиционной площадки для взаимодействия историков-аграрников, в этом деле трудно переоценить.

Литература

1. Аграрное освоение и демографические процессы в России X – XXI вв. XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ.: Уфа, 20-23 сентября 2016. М. ИСл РАН, 2016.
2. Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы // Тезисы докладов и сообщений XXXI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 23-26 сентября 2008 г. М., 2008.
3. Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования // Тезисы докладов и сообщений XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. Москва, 2010.
4. Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X – XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : Тезисы докладов и сообщений: Брянск, 24-28 сентября 2018 г.

- М., ИСл РАН, 2018.
5. Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000.
  6. Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв.: Тезисы докладов и сообщений XXXIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Брянск, 19–22 сентября 2012 г. Москва, 2012.
  7. Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Самара, 23–26 сентября 2014 г. М.: ИСл РАН, 2014.

Способы пополнения численности зависимого населения Среднего Подесенья в древнерусский период: комплексный анализ источников²

Статья посвящена одной из главных объективных проблем в социально-аграрной истории Древней Руси – демографической. Когда стали в массовом порядке возникать боярские вотчины, они частично заселялись людьми, попавшими в зависимость за долги, частично (но вначале только у князей) – смердами. Археологические материалы Среднего Подесенья свидетельствуют еще об одном пути – переселения в княжеские и боярские «села» пленников из Балтийского региона.

Ключевые слова: демография, археологические источники, Среднее Подесенье, Прибалтика, пленные.

Главной демографической проблемой Древней Руси была нехватка населения, точнее, некоторых его категорий, при достаточном количестве земли, особенно на первоначальных «междукняжеских» пограничьях. Вопрос этот решался по-разному: первоначально, пока частновладельческими были только села правящей династии, причем неподалеку от столиц – как государства в целом, так и отдельных его «земель» – было достаточно естественного прироста населения, дополняемого периодическими поступлениями военнопленных – «челядинов», которые, скорее всего, выполняли роль слуг, а не землепашцев.

Однако с развитием боярского землевладения, начавшегося во второй половине XI в., и впервые отраженного, как считается, в «Житии Феодосия Печерского», причем для степной окраины Руси – Курской волости, потребность в зависимых земледельцах стала возрастать, достигнув максимума в середине XII в., по крайней мере, по данным археологии, в Среднем Подесенье [12; 14].

Точные причины этого не ясны, скорее всего, они были результатом стечения комплекса факторов. Первым фактором, явно недооцененным в историографии и, предположительно, ранее всего действовавшим, мог стать приток болгарской военно-служилой знати – «боляр», появившийся после византийской оккупации страны и особенно – в результате подавления двух болгарских восста-

---

¹ Шинаков Евгений Александрович, доктор исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, shinakov@mail.ru; Россия, г. Брянск.

² Статья частично выполнена при поддержке РФФИ, грант №18-45-320001.

ний – 40-х и 70-х гг. XI в. Для Подесенья он зафиксирован археологией и эмблематикой [16]. Отмечают и болгарское религиозное влияние (богомилы) во второй половине XI в. [2]. «Боляре» могли оказать влияние как на верхи русской дружины, так и на самих князей, которым с этим слоем надо было по-новому выстраивать отношения, в т.ч. и финансово-экономические.

Второй фактор – развитие товарно-денежных отношений, отмечаемое как так называемым «Введением к Начальному Своду» и летописной статьей 1093 г., посвященной осуждению Всеволода Святославича³, так и «Уставом Владимира Мономаха» 1113 г. и летописными известиями о причинах его приглашения на киевский стол⁴. О возросшей товарности хозяйства, дальнейшем развитии «монетарной» экономики свидетельствует и археология, и нумизматика – в XII в. наступает «безмонетный», но отнюдь не «безденежный» период – просто монеты заменяются гривнами – слитками, причем их клады концентрируются не на торговых путях, как раньше, не в городах (но и не в деревнях – «весах»), а в княжеских и боярских «селах». Ранее также клады, причем часто сопровождаемые золотыми византийскими солидами, встречались только в княжеских селах округи городов – центров «земель» и «волостей» (например, Стародуба: Shinakov, Zaytcev, 2017 [20]).

Вопрос о том, откуда взялись деньги (тогда – фактически – запасы серебра) у той части населения, которая вначале давала деньги в рост, затем приобретала вотчины и изыскивала любые средства (против части которых создал «Устав» Владимир Мономах), дабы обеспечивать их рабочими руками – вопрос интересный, решаемый, но отдельный.

В данном случае важнее источники и способы пополнения населения частновладельческих сельских поселений – вотчин, сел. Конечно, вроде бы мог быть задействован «старый» источник и способ – «полон», в данном случае половецкий. Первое десятилетие XII в. – период серии регулярных походов объединенных русских войск в степи, взятия, разграбления и разгрома нескольких половецких городов. Однако кочевники непригодны для землевладельческого труда: часть из них («ковуи» Черниговского, торки Переяславского, «берендеи» Киевского княжеств) были превращены в

---

³ НПЛ. С. 104; ПСРЛ. Т.1. Л. 72, 72 об.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Л. 102 об.

«своих поганых» – контингенты военных поселенцев-федератов Руси. Часть, возможно, стала источником тех самых средств для военно-политической элиты Руси: женщин и детей тюркских кочевников могли продавать мусульманам для пополнения гаремов и войск рабов-мамелюков. Упоминаний об этом в летописях быть не могло в эпоху общехристианских походов мусульман, когда «рекламировать» контакты с ними было нежелательно. Именно в эти годы (1106–1108 гг.) игумен Даниил посетил короля Иерусалимского Балдуина I, был ласково принят им, поставил в храме Гроба Господнего свечу за «всю Русскую землю». Б.А. Рыбаков даже называл вышеупомянутые походы в Степь «крестовыми», сравнивая их с походами в Палестину и Сирию.

Первые имели даже большой успех – половецкая угроза Руси была ликвидирована надолго, а могла бы – навсегда, если бы в середине XII в. князья вновь не стали приглашать «диких половцев» для участия в своих внутренних «разборках».

Однако полная ликвидация беспокойной «степной границы», даже временная, имела, по мнению того же Рыбакова, важные последствия для социальной структуры Руси. И это было чрезвычайно важно из-за господствующего общинного уклада.

Основную массу населения составляли лично свободные земледельцы – «люди», объединенные в «верви», являвшиеся верховным собственником всех земельных угодий на своей территории, и жившие в «весях» (деревнях). Поставить всю общину в зависимость от отдельному русскому «феодалу» (в данном случае не будем дискутировать о терминах) было более затруднительно, чем западному, имевшему дело с отдельно взятым крестьянином. Отдельно взятый «людин» не мог ни разориться, ни продать свой участок земли, целиком же захватить «вервь» и закабалить ее «людей» – плательщиков дани князю, для отдельного боярина было затруднительно.

Не очень-то «щедрым» на обращение к русской истории Ф. Энгельс обратил внимание именно на данную особенность феодализма на Руси, который развивался при условии сохранения общины [5, с. 400], и в итоге обходился без собственно классических «феодов» (если они и были, то состояли из «даней», т.е. госналогов, а не ренты [3]). Хотя сейчас ни сам Ф. Энгельс, не термин «феодализм» применительно к Древней Руси не в моде, однако, суть вопроса это не меняет.

В последнее время появились взгляды, отрицающие всеобщность общины, восходящей к «первобытным» формам организации хозяйства и общества [1], в т.ч. и для Древней Руси. Однако, по-видимому, это в большей степени связано с отрицанием марксистской доктрины, чем с отсутствием отражения общины в источниках по раннеклассовому обществу, ибо отрицать наличие «верви» и «мира» в Русской Правде вряд ли получится.

Это вновь возвращает нас хоть и к «одиноким стоящим» в историографии, но в данном случае достаточно убедительным взглядам Рыбакова на вопрос о возникновении и трансформации такой социальной категории, как смерды. Нет возможности здесь привести посвященную им весьма противоречивую историографию, в конечном итоге также восходящую к нескольким статьям «Русской Правды», содержание которых воспринимается не просто поразному, а зачастую с диаметрально противоположных точек зрения. Концепция Б.А. Рыбакова [10] данное противоречие снимает.

Дело как раз в ликвидации в начале XII в. половецкой опасности, позволившей и заставившей (по финансовым соображениям) сократить дружину. И, по мнению Рыбакова, смерды первоначально, в XI в., составляли самую «младшую» ее часть – крестьян – военных поселенцев типа византийских акритов. Вряд ли это был «изначально славянский» или «русский» слой – в «Правде Ярослава» их нет. Вероятнее византийское влияние после нового налаживания отношений в середине XI в. (договор 1052 г., женитьба Всеволода, сына Ярослава Мудрого на Марии Мономах, «цесарский» титул самого Ярослава). Экономный, если не сказать жадный, Всеволод и его сын-воитель Владимир Мономах могли воспользоваться «опытом» мудрых наставников, создали бесплатный, хотя и не платящей дани, слой воинов-поселенцев, особенно необходимый на степной границе. Об этом периоде истории смердов может свидетельствовать ст. 26, 28 Краткой редакции «Русской Правды» или ст. 16 Пространной редакции, свидетельствующие о наличии у них верховых коней, сохранность которых охраняется княжеской властью, и даже холопов (в прочтении «за смердии холопа» – ст. 16 ПР).

После ликвидации опасности со стороны Степи необходимость в военных повинностях смердов отпала, зато с наступлением относительно мирного и «богатого» периода резко возросла потребность в землепашцах. Результат – смерды, как князья люди, просто поменяли вид повинностей, оставшись жить в «селах», население

которых хоть и было «зависимым» (в отличие от свободных «людей», в деревнях-весьях), но, по данным археологии, гораздо точнее последних. Это было «компенсацией» за ограничение в свободе и понижение общественного статуса. «Чистое» принуждение в силу специфики Руси и этапа ее развития было действительно только по отношению к бывшим военнопленным – «челядинам», которым местные жители не рисковали оказывать содействие в случае бегства. При этом князь сохранял за собой исключительные права на «допросы с пристрастием» («аще кто умучит смерда без княжьего слова» – ст. 33 КР, 78 ПР) и право на выморочное имущество (если нет сыновей) при оставлении доли дочерям (ст. 90 ПР).

Скорее всего, по крайней мере в XII в., во время создания и действия Пространной редакции «РП», ни бояре, ни дружинники, не, тем более, купцы прав на смердов не имели: недаром в Новгороде и Пскове смерды имели «государственно-зависимый» статус и ведал ими князь. Вероятно, князь имел право жаловать села вместе с «изгоями» (не смердами), но монастырям и Церкви, как Ростислав Смоленский. Кем же обходились в 1136 г. остальные для обеспечения приобретенных земель работниками?

О возможном составе сельского зависимого населения свидетельствуют различные части и редакции «Русской Правды» – и это ранее всего, «ролейные холопы», купленные или иным способом приобретенные рабы, занимавшиеся обработкой земли.

«Похолопливание» за долги и иные «прегрешения» перед хозяевами временно зависимых работников – закупов, рядовичей, наймитов, изгоев – стало, вероятно, на рубеже XI–XII вв. основным источником пополнения категории зависимого населения частновладельческих «сел». Владимир Мономах в «Уставе» ограничил эти возможности как из-за социального протеста (восстание 1113 г.), так, возможно, и по меркантильно-фискальным соображениям (сокращение количества «налогоплательщиков», ибо холопы таковыми уже не являлись).

В связи с такими ограничениями в боярских селах могли использоваться вольнонаемные работники (наймиты, возможно, изгой), временно зависимые (закупы, рядовичи), рабы наследственные, купленные или ставшие таковыми добровольно (продавшие себя) или за долги (в случае нарушения долговых обязательств даже с учетом сокращения таковых в соответствии с «Уставом» 1113 г.).

Третьим источником продолжали оставаться «полонянки»,

однако не бывшие кочевники, а, как показывает сочетание данных письменных источников (не только русских, но и немецких и польских), археологии и топонимики – выходцы из Прибалтики: галинды, «литва», латгалы, ятвяги. Они были привычны к тяжелому труду земледельцев и, как пленные, не имели, по «варварскому» обычаю никаких прав: их и так не убили, принеся в жертву богам. С другой стороны, для начала XIII в. это могли быть и те жители Прибалтики (прежде всего, в Латгалии), которые предпочли спастись на Руси от немецкой агрессии. Обо всем этом свидетельствуют как топонимы сел Подесенья – Голяжье, Голешовка, Глаженка, Глажево (впрочем, есть и иные версии их появления, см.: Шинаков, 2009 [11]), так и находки украшений XI в. из Прибалтики в княжеских загородных резиденциях (Кветунь), а в XII–XIII вв. – не только в княжеских (Кветунь), но и в боярских селах (Яковск, Любожичи) Трубчевской волости [15; 17; 18; 19].

Их появление связано как с пленением литовцев в ходе их походов на Русь, в т.ч. даже в Черниговскую землю (в т.ч. в 1263 г. – конкретно в Подесенья, под Брянск), но и в целенаправленных походах русских князей в Прибалтику с целью угона населения. Наиболее показательны и масштабны два из них: 1057/58 и 1131 гг., возглавляемые великими киевскими князьями. В последнем из них достоверно принимали участие и представители Подесенья – Черниговские Ольговичи⁵. На этнокультурном облике Подесенья (как писалось выше, по данным топонимики) отразился и поход Изяслава Киевского на балтские племена Прибалтики в 1057/58 гг.

Впрочем, «одиссея» голяди (если это все прибалтийские галинды 1057/58 гг.) на этом не закончилась. Поселенная первоначально на границе Смоленской земли с Ростовской и Черниговской (р. Протва), в 1147 г. она была переселена в Подесенья Святославом Ольговичем⁶ и пополнила население частновладельческих сел, «отразившись» в топонимике. Последний раз брянские и другие «Заднепрейские» князья участвовали, на этот раз «по заданию» Орды и совместно с татарами в походе на Литву в 1274/1275 и, возможно, 1283 гг., [12, с. 29–32] и также «ополонисаша». Однако в плен с целью переселения брали не только «иноплеменников».

Летопись фиксирует, по крайней мере, еще один факт крупно-

---

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Л. 109 об.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Л. 125.

го целенаправленного увеличения населения Подесенья за счет «полюнянников» – на этот раз русских, хотя и не «своих» – за счет Смоленского княжества. В 1160 г. базировавшийся во Вщиже князь Изяслав Давидович с половцами ходил на соседние Смоленские волости и привел оттуда «боле тмы» (10000 – *Е.Ш.*)⁷, причем сделал это «зимой», и не только из-за пути по льду рек, но и, вероятно, с целью не нарушать цикличности земледельческих работ, да и забрать готовые их плоды.

Судя по многим летописным сообщениям, пленные превращались, прежде всего в «челядь», которая редко использовалась для полевых работ. Но вряд ли это возможно и рационально при переселении целого поселения, есть точка зрения, что в этом случае «полон» превращали в «государственных смердов», которыми распоряжались князья, причем иногда это были даже половцы [4, с. 461–462]. Могли, вероятно, в виде исключения переселять и целые общины – «верви», сохраняя их целостность и представляя новые земли для освоения с последующей их эксплуатацией в форме дани, либо передачи в вотчинную собственность.

В целом формирование зависимого сельскохозяйственного населения частновладельческих поселений Руси конца XI – XII вв. носило многофакторный, гетерогенный характер, что полностью соответствовало многоукладности и товарному, «монетарному» характеру ее экономики в это время. Внешние источники пополнения населения играли при этом немаловажную роль при социально-юридической ограниченности внутренних (в эпоху «феодальной раздробленности» внутрикняжеских) демографических ресурсов.

Литература

1. *Алаев Л.Б.* Вышли мы все из общины?//Клиодинамика: комплексный системный анализ и математическое моделирование глобальной, региональной и страновой динамики / Материалы VII междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.В.Корогаев. Л.М.Исаев. М.: НИУ ВШЭ, 2014, С.42-45.
2. *Казачкова Д.А.* Към вопроса за богомилската ерес в древна Русия през XI в. // Исторически преглед. 1957. Т. 13. № 4.
3. *Мавродин В.В., Фроянов И.Я.* Ф. Энгельс и некоторые вопросы общинного землевладения на Руси IX-XIII вв.//Советская этнография. 1972 №1
4. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период: князь, бояре и городская община. СПб., 2001.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т.19.

---

⁷ ПСРЛ. Т.2. Л. 91, 91 об.

6. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.- Л., 1950;
7. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962.
8. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
9. Русская правда «Краткой» и «Пространной» редакций // Материалы по истории СССР. Русская феодальная деревня XI – XVI вв. / Под ред. А.А. Горского. М., 1987.
10. Рыбаков Б.А. Смерды // История СССР. 1979. № 1, 2.
11. Шинаков Е.А. Балто-славянские связи: галинды – голядь // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Сборник статей Центра славяноведения / Отв. ред. С.И. Михальченко, В.Н. Гурьянов. Брянск: РИО БГУ, 2009. С.169–173
12. Шинаков Е.А. Древнерусские села и загородные резиденции Брянского ополья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Изд-во РАН, 2014. С. 194–197.
13. Шинаков Е.А. Монголо-татары и Подесенье в XIII в. // Studia Internationalia. Материалы III Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.» / Ред. С.И. Михальченко, А.А. Чубур. Брянск, 2014. С. 24–34.
14. Шинаков Е.А. Сельская округа средневекового города (на примере Брянского ополья) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. С. 37–47
15. Шинаков Е.А. Три «села» в Трубчевском ополье // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2015 г. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 122–129.
16. Шинаков Е.А., Джамбов И.Х. Болгарские тамги из средневековых сел на р. Десна // Труды совместной музейно-археологической экспедиции. Вып. 2. Ред. Е.А. Шинаков, И. Джамбов. Брянск–Пловдив, 2014. С.20-27.
17. Шинаков Е.А., Пискунов В.О. Балтский этнический компонент населения владельческих сел середины XI -XIII вв. Среднего Подесенья // Ежегодник НИИ фундаментальных прикладных исследований за 2013 год. / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск: РИО БГУ, 2014. С. 121–127.
18. Шинаков Е.А., Пискунов В.О. Находки украшений балтского происхождения на древнерусских поселениях Трубчевского ополья // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 г.: Ежегодник. Отв. ред. Е.А. Шинаков. Брянск: РИО БГУ, 2015. С.126-133.
19. Шинаков Е.А., Поляков Г.П. Этнический и социальный состав предгородских центров Среднего Подесенья в период сложения, расцвета и кризиса Древнерусского государства (середина X – середина XII вв.) (по материалам статистико-комбинаторного анализа 1986 года Кветуньского некрополя) // Вестник БГУ. 2012. № 2. С. 156–164.
20. *Shinakov E., Zaytcev V. The Byzantine Coins of the Xth Century in Desna – Bryansk Rus. Abstracts of 15th Annual International Conference on History & Archaeology: from Ancient to Modern (26–29 June, Athens, Greece) // <http://www.atiner.gr/2017conferences> (or “panels”).*

От посошного к подворному налогообложению: трансформация фиска в Московском государстве XVI–XVII вв.²

В статье рассмотрены основные этапы развития российской налоговой системы и влияние геополитических, экономических и социальных факторов на ее трансформацию.

Ключевые слова: система налогообложения в XVI–XVII вв.; Россия; единицы налогообложения: соха, выть, обжа; крестьянская община; мирская раскладка налогов.

Налогообложение в России в течение длительного времени определяли две тенденции: с одной стороны государственная власть пыталась максимально увеличить налоговые поступления в казну, а с другой – население (землевладельцы, крестьяне, посадские люди) стремились сократить налоговое бремя, уйти от налогов.

В выявлении факторов, оказавших воздействие на эволюцию системы налогообложения в России на протяжении XVI–XVII вв., я опираюсь на положение С.Б. Веселовского, который определил посильность основным принципом посошного обложения и мирского оклада, «посильность в смысле соответствия тягла всем важнейшим обстоятельствам, влиявшим на зажиточность и тяглоспособность людей» [8, с. 361].

Как известно, посошная система налогообложения в России сложилась в начале 1550-х гг., когда властями вводилась новая единица обложения – большая соха, величина которой зависела от качества земли и социальной принадлежности землевладельца. Составной частью сохи выступала фиксированная обжа (выть), мелкая единица обложения и мирской раскладки повинностей на местах, равная, как правило, 10–12 четвертям земли. Однако введение нормированной сохи не исключало колебаний ее размеров в разных уездах. Так, в Новгородской земле соха включала 30 обеж, обжа (выть) – 10 четвертей, тем самым величина новгородской сохи была в три и более раз меньше большой московской сохи [1, с. 65-84].

---

¹ Дмитриева Зоя Васильевна, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, zvdmitr@rambler.ru, Россия, г. Санкт-Петербург.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Налоги и войны в истории России XVI–XVIII вв.» № 16-01-00066.

До 1570-х гг. население должно было платить налоги со всех пашенных земель, включенных в государственные кадастры. В условиях кризиса, проявившегося в запустении больших массивов ранее обрабатываемых земель и резком сокращении численности тяглого населения, московские власти с целью облегчения налогового пресса пошли на исключение пустых земель из сошного обложения и обеление господской пашни. Это были первые шаги в изменении системы посошного обложения. Под влиянием политических и социально-экономических факторов государство вынуждено было вывести из обложения пустые земли. При этом, как показали авторы «Аграрной истории Северо-Запада России», в 1580-е гг. население сознательно забрасывало тяглые земли, включенные в писцовые книги, и стремилось обрабатывать запереложённые пашни наездом («на суках»), брать пустую землю в аренду на льготных условиях [32, с. 267-269].

Серьезный удар посошной системе налогообложения нанесла Смута начала XVII в. На «воеванных» территориях происходило дальнейшее сокращение площадей обрабатываемой земли и измельчание крестьянских тяглых наделов, что приводило к снижению объемов собранных налогов. Польско-литовские и казацкие отряды грабили и разоряли население центральных и северо-западных уездов, а после 1613 г. – города, села, деревни и монастыри Русского Севера.

Власти для выяснения посильности хозяйств проводили частые переписи крестьян и тяглых земель. Материалы архива Новгорода показали, что во время шведской оккупации (1611–1615 гг.) в новгородских пятинах были проведены десятки ревизий земельного фонда. Дозирали и обыскивали пятины, уезды, погосты и села. По челобитью землевладельцев могли описывать отдельные поместья. В настоящее время выявлено более 40 дозорных и обыскных книг³. Важно отметить, что более половины дозоров и обысков проводилось при активном участии крестьянской общины. Дозорщики «спрашивали священника по

---

³ Рукописи хранятся в Стокгольме в Государственном архиве Швеции (Svenska Riksarkivet) в составе первой и второй серий коллекции: Ockupationsarkivet från Novgorod; далее — RA. NOA. Описание документов осуществлено Элизабет Лёфстранд и Лайлой Норджквист при участии А.А. Селина: Accounts of the occupied city. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. 2 vol. Stockholm, 2005; 2009.

священству, а старосту, и целовальников, и волостных людей по крестному целованью, сколько в том погосте <...> сел, и деревень, и починков, и в них дворов, и во дворах крестьян и бобылей по имени, и кто на каком участке ныне живет и подати платить <...>»⁴. Приведенный формуляр характерен для дозорных и обыскных книг, составленных при участии общины [14, с. 78–86; 15, с. 69–77; 29, с. 49–62].

В состав понятых входили священники, старосты, целовальники и волостные крестьяне. Мир определял обежный (вытный) оклад каждого крестьянского двора и волости в целом. Священники скрепляли написанные мирскими дьячками дозорные и обыскные книги. Участие населения в составлении государственных кадастров влияло на учет крестьянских наделов и общей площади тяглой земли, а также способствовало равному распределению тягла внутри мира. Как явствует из сохранившихся дозорных и обыскных книг, тяглые наделы часто составляли менее половины четверти пашни (1/12 обжи – 0,833 четверти в одном поле или 1,25 десятины в трех полях; 1/24 обжи – 0,417 четверти или 0,625 десятины в трех полях; 1/16 обжи – 0,626 четверти или 0,938 десятины в трех полях; 1/32 обжи – 0,313 четверти или 0,469 десятины в трех полях). Напомним, что в первой половине XVI в. новгородские крестьяне чаще всего держали целую обжу, в 1580-е гг. в разоренной Деревской пятине на двор приходилось 0,32–0,42 обжи, в Порховском уезде Шелонской пятинны – 0,21–0,31 обжи, в Шелонской пятине Залесской половины на поместных землях – 0,28 обжи, на монастырских и владычных – 0,78 обжи, в Водской пятине – 0,4 обжи [3, с. 75, табл. 43; с. 105, табл. 70; с. 130, табл. 100; с. 171, табл. 136]. Наглядное изменение соотношения обжи и двора на землях Новгородского уезда Шелонской пятинны на протяжении ста лет (по восьми горизонтальным срезам) привел А.Я. Дегтярев: в 1498 г. на обжу приходилось 0,80 двора, в 1539 г. – 1,15 двора, в 1588 г. – 6,50 двора, а в 1612 г. – 22,61 [3, с. 115, табл. 78]. Несомненно, убыль населения и резкое сокращение тяглых земель были вызваны политической ситуацией, сложившейся в регионе. Можно привести типичную запись о причинах запустения: «... двор пуст Гришки Иванова, жил на пол-пол-полтрети обжи. И по скаски попа

---

⁴ RA. NO. Serie 2:84. P. 4.

и волостных людей Иванко да Спирко оскудали от воровских людей разаренья и от немецких кормов и податей <...> А Гришка Иванов во 122-м году умер з голоду, а участок его лежит впусе не пахан. Да три двора люцких пустых да четыре двора бобыльских пусты. А тех дворов люди и бобыли розбрелись безвестно, а иных побили немецкие люди, а иные з голоду померли...»⁵.

В эти же годы на новгородских землях власти, стремясь «польготить» отдельных землевладельцев, начинают разрушать помещельно-посошную систему обложения и класть на обжу не 10 четвертей земли, а 20 и более крестьянских дворов. В октябре 1612 г. в поместьях Ивана Якушкина, Смирного Отрепьева и кн. Федора Михайловича Оболенского в Чертицком погосте Шелонской пятины по дозору подьячего Михаила Нефедьева крестьяне были положены в новые обжи из расчета 25 человек на обжу. Причем бобыли были переписаны, но не учтены в обложении. Вместе с тем, в дозорных книгах зафиксировано значительное их число, в поместье Ивана Якушкина – более 50 человек. Введение льготного обложения было ответом правительства на челобитную Федора Оболенского «с товарищи». Как явствует из челобитной, практика определять размеры обожного обложения числом крестьян мужского пола, существовала на новгородских землях и была им известна. Льготу предоставили этим людям за их поддержку шведского присутствия в Новгороде и избрания шведского короля на московский престол. Льготное обложение также было введено в мае 1613 г. в вотчине Звадского Спасского монастыря в Чертицком и в Рамышевском погостах Старорусского уезда. Крестьяне здесь были положены в обжи «против Спаского монастыря, что в Русе на погосте, и помещицких крестьян по дватцати по пяти человек на обжу...»⁶. Как видим, шведско-русская администрация практику обложения по 25 человек на одну обжу применяла на разных категориях земельных владений [12, с.105-110].

Предоставление налоговых льгот в «смутное время» можно наблюдать и в Заонежских погостах. По данным писцовой книги 1582 г., в этом регионе в живущем значилось более половины пашни, в некоторых погостах ее размеры составляли 70 и более

---

⁵ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины 1615 г. // RA. NOA. Serie 1:6. P. 4, 5.

⁶ RA. NOA. 1:113. С. 714, 715.

процентов (в Андомском, Пудожском, Шальском, Веницком, Олонецком и др.) [3, с. 246, табл. 192]. В 1610-е гг. в условиях дальнейшего запустения, вероятно, с целью облегчения тяжести налогообложения большая часть ранее обрабатываемых земель (более 50 %) была включена «впусто» и переведена на оброк, размер которого был значительно ниже тяглых платежей (в 10 и более раз) [13, с. 43, табл. 3].

Разоренные «нестроением» первого десятилетия XVII в. налогоплательщики разными способами уходили от обложения: пахали заброшенные земли «наездом», продолжали брать пашню в аренду; при проведении дозоров «списывали» живущую пашню «впусто». Так, в Кирилло-Белозерском монастыре государевы писцы трижды дозировали вотчинные земли Белозерского уезда, в 1613, 1615 и 1618 гг. Переписывали крестьян и пашенные угодья до тех пор, пока большую часть тяглых земель не записали «впусто» и не исключили из обложения. По письму 1618 г. монастырь должен был платить с чети и пол-полчети сохи (0,313) и 3 чети с полутретником⁷ (3,084), всего 222,184 четверти тяглой земли из расчета в сохе 700 четвертей средней земли. Таким образом, размер сошного письма в белозерских вотчинах Кириллова монастыря с 1613 г. до 1618 г. сократился более чем в 24 раза [11, с. 278]. Перевод тяглых пашен в перелог после Смуты отмечен и на других землях [2, с. 31–42; 6, 170–174; 31, с. 25].

В 1613–1619 гг. правительство, учитывая масштабы разорения населения в условиях острой нехватки финансовых средств, разрушенной в годы Смуты посошной системы обложения, пытались восполнить недостаток денег в казне экстраординарными сборами: прибегали к «порче монеты», сбору «запросных» («пятинных») денег, организовывали денежные займы у «знаменитых» людей⁸ [7, с. 7–11; 17, с. 67–70; 21, с. 199]. Однако этих мер было недостаточно для ликвидации дефицита государственного бюджета [19, с. 11, 15, 16].

Для восстановления поземельной (посошной) системы обложения и выявления реальной платежеспособности населения власти проводят ревизии (дозоры) земельного фонда. Дозорные

---

⁷ Третник осминный составлял 0,167 четверти.

⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 3. С. 2–3.

книги 1610-х–1620-х гг. фиксировали сокращение тяглых земель (даже по сравнению с 1580-ми гг.). Крестьянская запашка на двор часто не достигала 0,5 десятины [33, с. 65]. Огромные массивы ранее обрабатываемых земель были заброшены, деревни превратились в пустоши. Запустение охватило не только северо-западные территории, но и центральные уезды [16, с. 441; 4, с. 10–12, табл. 1, 3; с. 179–184; 30, с. 141].

Резкое сокращения размеров тяглых земель к началу 1620-х гг., а следовательно, и денежных поступлений в государственную казну, вынудило правительство первых Романовых пересмотреть организацию налоговых сборов и идти по пути облегчения налогового пресса населения. В 1620–1630-е гг. государство вводит новую единицу взимания платежей – «живущую («дворовую») четь», в ряде регионов – «живущую выть». Можно ли говорить, что новые единицы обложения пришли из новгородских пятин? Вероятнее всего, сама идея переложить обложение с земли, которую можно записать «впусто» и пахать наездом, на двор и мужскую душу зародилась в условиях хаоса и разорения, нанесенного «смутными временами».

Сохранив соху как единицу налогообложения (на помещно-вотчинных землях), правительство изменило принцип определения ее размера: отныне в соху клали не количество обрабатываемой земли, а определенное число крестьянских и бобыльских дворов: 2 – 2, 2 – 3, 4 – 2, 5 – 3, 8 – 4 и другие сочетания⁹. При расчетах величины сошного оклада 2 бобыльских двора приравнивались в одному крестьянскому. Это новшество не было переходом от посошного к подворному обложению, но, изменив систему в ее основе, сделало процесс отказа от поземельного обложения необратимым [34, с. 94–96]. Эту соху можно обозначить как подворно-посошную. Хронология введения «живущей чети» в отдельных

---

⁹ Например, «живущая четверть» в белозерских вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря, введенная писцовым описанием кн. Никиты Леонидовича Шаховского и подьячего Максима Козлова в 1626–1627 гг. включала 8 бобыльских и 8 крестьянских дворов. Подсчет проведен по спискам писцовой книги Белозерского уезда (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. СПбДА. А/16. Л. 346, 347, 442, 505 об.–506, 551 об., 576 и др.). В тех селах, где не было бобылей, «живущая четверть» включала 12 крестьянских дворов (например, в с. Елизарово Раменье) (Там же. Л. 527). Л.В. Милов со ссылкой на С.Б. Веселовского приводит норму «живущей чети» в Белозерском уезде в 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов [9, с. 600–601; 23, с. 162].

уездах, а также нормы оклада на одну выть на поместных и вотчинных землях обстоятельно рассмотрены в российской историографии [9, с. 481–555, 660; 17, с. 76–80; 18, с. 251–255, 529–530; 22, с. 6–56; 24, с. 202–231; 34, с. 103–117]. В целом, оценивая нововведение, историки неоднократно отмечали отсутствие общих для страны и даже в рамках одного уезда норм «живущей четверти». Писцовые книги, фиксировавшие новую систему обложения, резко отличаются по уездам по формуляру описания и составу сведений [23, с. 56–155; 34, с. 104–115].

В Заонежских погостах была введена «живущая выть». Количество вытей определялось числом крестьянских дворов (бобыльские дворы не учитывались). Обложение происходило по следующей схеме. Первоначально писцы фиксировали общий размер пригодных для обработки земель; далее определяли число тяглых вытей из расчета 15 крестьянских дворов на одну выть. В других регионах это число могло быть иным. Например, в Сольвычегодском уезде по писцовой книге 1625 г. на выть положили 6, 8, 10 и 12 крестьянских дворов [34, с. 116]. Число тяглых вытей умножали (в зависимости от качества земли) на 12 четвертей «доброй», 14 четвертей средней или 16 четвертей «худой» и полученную величину отнимали от зафиксированного размера общей площади земель, оставшиеся земли вновь клали в выти по указной норме 12–16 четвертей. Эти выти числились «за указным числом», с них платили почти в 10 раз меньше, чем с «живущей выти» [34, с. 114–115]. «Живущая выть», «приказная шарада» по определению С.Б. Веселовского, своими корнями, по нашему мнению, восходит к обложению крестьян «смутного времени» [9, с. 475]. Если сравнить принцип обложения Заонежских погостов по новому обложению с сошным письмом начала XVII в., то налицо явная преемственность. В 1610–1611 гг. значительные площади обрабатываемых земель были переведены на оброк. Тяглая пашня составляла немного более половины вытей (53,9%), с них платили данные деньги в размере 10 руб. с выти, а оброк с пуста в среднем был менее одного рубля, т.е в 10 и более раз (в некоторых уездах эта величина снижалась почти до полтины: в Вытегорском – 107,8 деньги, в Мегорском – 109,4 деньги с выти) [13, с. 41–42, табл. 1, 2].

По замыслу властей введение «живущей чети» должно было упорядочить систему налогообложения и повысить эффективность

сбора налогов. Однако землевладельцы, прежде всего монастыри, используя сложившуюся ситуацию, при составлении новых писцовых книг часть крестьянских дворов записывали бобылями (два бобыльских двора приравнивались к одному крестьянскому), тем самым резко сокращалось число сох [6, с. 201; 11, с. 279–283; 28, с. 38–39; 30, с. 143–145]. Так, белозерская вотчина Кирилло-Белозерского монастыря по писцовой книге кн. Никиты Шеховского и подьячего Максима Козлова 1626–1627 гг. была положена в 93 «живущие четверти». По сравнению с обложением 1618 г., число облагаемых четвертей сократилось более чем в 2 раза. Эти размеры сошного письма существовали до подворного обложения.

Введением новой системы обложения в 1620-е гг. государство не могло решить проблему сбора денежных средств, необходимых для содержания армии. Пополнение государственной казны шло, прежде всего, за счет таможенных и кабацких сборов, которые собирались, как и прямые налоги с населения. По подсчетам Е.Н. Швейковской, в платежах крестьян Поморья в Устюжскую четверть 51 % составляли таможенные, кабацкие и неокладные сборы [35, с. 204]. Необходимо также отметить, что чернососшные крестьяне Поморья по-прежнему платили со «старой» пространственной сохи, а выты и обжи включали 12–16 четвертей земли в зависимости от качества. Поморские города в 1620-е – 1630-е гг. на 80–90 % обеспечивали налоговые поступления в Устюжскую четверть [25, с. 96–98].

Смоленская война, начавшаяся в 1632 г., потребовала значительных денежных средств и вновь введения чрезвычайных сборов, запросных и пятинных денег на содержание армии. Значительные суммы государство брало в долг у монастырей. Масштабы государственного долга можно показать на нескольких примерах. Так, в 1632 г. у Кирилло-Белозерского монастыря в казну в долг было взято 630 руб.¹⁰; в 1642/43 г. у Троице-Сергиева монастыря – 10 тыс. руб., у Чудова монастыря – 9600 руб. [20, с. 25]. Однако денег в казне не хватало, недоимки тяглого населения росли [20, с. 3–25; 26, с. 110]. Меры, предпринимаемые властями для ликвидации недоимок, не решили проблему пополнения казны, сбор «доимочных денег» растягивался на десятилетия. Государство вынуж-

---

¹⁰ РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 223. Л. 2 об., 3.

дено было, исходя из принципа «посильности», предоставлять рассрочку в платежах налогов или списывать недоимки [26, с. 117].

Учитывая постоянный дефицит государственного «бюджета» государство идет на следующий виток разрушения посошной системы налогообложения и делает дальнейший упор на сбор косвенных налогов – вводит в феврале 1646 г. двугривенную пошлину на продажу соли (20 копеек с пуда вместо 5)¹¹. Однако соляной налог просуществовал в России недолго и был отменен в декабре 1647 г. Сбор стрелецких и ямских денег восстановили, налогоплательщики должны были их уплатить за пропущенные годы.

Сложившаяся к середине XVII в. система сбора прямых налогов не могла обеспечить растущие затраты на военные нужды. Правительство Алексея Михайловича для решения финансовых проблем проводит денежную реформу и в 1655 г. начинает чеканку медных денег, в результате которой увеличились поступления в казну [5, с. 14]. Введение в оборот медных денег вызвал резкий рост цен на основные продукты потребления [5, с. 40; 17, с. 112–117; 27, с. 104–113]. Медные деньги ходили на рынке, «медью» выплачивали жалованье служилым людям, но серебром население платило государственные налоги. Сложившаяся ситуация вновь привела к беспорядкам в Москве и отмене в июне 1663 г. хождения медных денег.

Правительство вновь делает акцент на сбор прямых налогов. Однако система сбора налогов требовала кардинальных изменений, что и было проведено в 1679 г. введением подворного налогообложения. Для этой цели в 1678–1679 гг. провели первую общероссийскую перепись населения. В тягло были включены не только крестьянские и посадские, но и бобыльские, холопы и прочие дворы. Одновременно вводился единый прямой налог – стрелецкие деньги [17, с. 117–119]. Тяглое население быстро отреагировало на реформу: начало «сводить» в один двор несколько семей, что уменьшало число единиц обложения [10, с. 162].

При изучении трансформации посошной системы налогообложения необходимо учитывать, что соха уже вскоре после ее введения не была единой единицей сбора прямых налогов. Со второй половины XVI в. «полоняничные деньги» (полоняникам на окуп,

---

¹¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века / Подготовка текста Р.Б. Мюллер. Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986. С. 212–213.

немцам на корм) собирали подворно, а в XVII в. этот вид налога вносили не только тяглецы, но и другие категории населения – бояры, монастырские люди (слуги, служебники, мастеровые), священники, церковные причетники и др. До перехода к подворному обложению (1670-е гг.) с сохи взимали «стрелецкий хлеб», с «живущей чети» – стрелецкие и ямские деньги. На жалованье служилым людям деньги также могли брать с «живущей чети», а в годы русско-польской войны (1654–1667) – с дворов (крестьян и бобылей)¹². В начале правления Михаила Федоровича даточных людей брали с сохи, а в 1650–1660-е гг. крестьянский мир собирал деньги и довольствие на содержание даточных людей с определенного числа дворов.

Как видим, на протяжении почти двух столетий московские власти искали пути эффективного пополнения казны, но были вынуждены учитывать противодействие крестьянской и посадской общин сборам налогов в полном объеме. Таким образом, посильность несения государева тягла в России была важнейшим рычагом регулирования налогово-финансовых отношений. Принципиальные изменения (введение подворного, затем подушного обложения) произошли после Соборного уложения 1649 г. и прикрепления населения к государеву тяглу.

Литература

1. *Абрамович Г.В.* Государственные повинности владельческих крестьян северо-западной Руси в XVI – первой четверти XVII в. // История СССР. М., 1972. № 3. С. 65–84.
2. *Абрамович Г.В.* К вопросу о степени достоверности писцовых книг XVI в. и методике ее установления // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1971 г. Вильнюс, 1974. С. 31–42.
3. Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины / Отв. ред. А.Л. Шапиро. Л., 1974.
4. Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / Отв. ред. А.Л. Шапиро. Л., 1989.
5. *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936.
6. *Бащин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв.: Исследование и тексты. СПб., 2016.

---

¹² До введения подворного обложения налоги с дворов собирали по переписным книгам 1640-х гг.

7. *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908.
8. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1.
9. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2.
10. *Воробьев В.М., Дягтерев А.Я.* Борьба русского крестьянства с податной политикой феодального государства в XVI–XVII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 145–164.
11. *Дмитриева З.В.* Выгные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003.
12. *Дмитриева З.В.* К вопросу о появлении новой налоговой единицы в Русском государстве — «живущей чети» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 105–110.
13. *Дмитриева З.В.* Налоги и повинности крестьян новгородских пятин в «смутное время» (1611–1617) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Самара, 2015. С. 38–46.
14. *Дмитриева З.В., Селин А.А.* Klassificering av revisionsböcker från Novgorod-området 1611–1615 – Классификация дозорных книг новгородских пятин 1611–1615 гг. // Novgorodiana Stockholmiensia – Стокгольмская Новгородика. Stockholm, 2012. P. 65–72 (текст на шведском языке). С. 78–86 (текст на русском языке).
15. *Дмитриева З.В., Селин А.А.* О публикации новгородских дозорных и обыскных книг 1611–1616 гг. // Материалы XVIII Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв.». Нижний Новгород, 2015. С. 69–77.
16. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 2.
17. *Козлов С.А., Дмитриева З.В.* Налоги в России до XIX в. 2-е изд. СПб., 2001.
18. *Лапто-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
19. *Лисейцев Д.В.* Земский собор 1616 г. и сбор третьей пятины в Московском государстве: механизмы взаимодействия правительства и податного населения на исходе Смутного времени // Российская история. 2016. № 5. С. 3–20.
20. *Лисейцев Д.В.* Государственный бюджет Московского государства 1630–1640-х гг.: опыт реконструкции // Российская история. 2015. № 5. С. 3–26.
21. *Мельникова А.С.* Очерки по истории русского денежного обращения XV–XVII веков. М., 2005.
22. *Милов Л.В.* Историография источниковедения «писцовых книг» первой половины XVII в. // *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции

- аграрного развития России первой половины XVII столетия: Источник, компьютер и методы исследования. М., 1986. С. 6–56.
23. *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Источник, компьютер и методы исследования. М., 1986.
  24. *Милоков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства // Журнал министерства народного просвещения. 1893. Июль. С. 202–231.
  25. *Пугач И.В.* К вопросу о структуре доходов государственного бюджета первой трети XVII в. (по материалам Устюжской четверти) // Русь, Россия, Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2011. С. 92–98.
  26. *Пугач И.В.* Четвертные доходы государственной казны и крестьянские недоимки в 30–40-е гг. XVII в. (по материалам черносошных уездов Устюжской четверти) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. Т. 1. С. 110–118.
  27. *Раздорский А.И.* Экономическая политика правительства Алексея Михайловича и ее влияние на внутреннюю торговлю России в середине XVII века (на примере Курского рынка) // Клио. 1998. № 3. С. 104–113.
  28. *Сазонова Т.В.* Кирилло-Новоезерский монастырь: Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. М.; СПб., 2011.
  29. *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
  30. *Черкасова М.С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой лавры) М., 2004.
  31. *Черкасова М.С.* Монастырские крестьяне Ростовского уезда в начале XVII в. (по оброчной книге Троицкого монастыря 1617 г.) // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. 6. С. 25–59.
  32. *Шапиро А.Л.* Общая характеристика аграрных отношений Северо-Запада России в XVI в. Крестьянское землепользование // Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины / Отв. ред. А.Л. Шапиро. Л., 1974. С. 267–269.
  33. *Шапиро А.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв. Л., 1987.
  34. *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVII. Л., 1987. С. 94–116.
  35. *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье XVII веке. М., 1997.

Полвека на сломе эпох: дворцовые земли как инструмент «большой политики» (1578-1628)

В статье предпринята попытка проследить полувековую историю дворцовых владений Нижегородского у., выявить этапы раздачи дворцовых земель, оценить влияние этой практики на структуру землевладения в уезде, проанализировать общее и особенное в использовании данного инструмента в Нижегородском Поволжье.

Ключевые слова: землевладение, Смута, «раздача дворцовых земель», Нижегородский уезд.

Дворцовые земли на протяжении длительного времени являлись инструментом государственной политики. В отечественной историографии осуществление массовых раздач дворцовых и черных земель связывают, преимущественно, с начальным периодом правления царя Михаила Федоровича, хотя еще Ю.В. Готье в опубликованной 1906 г. диссертации писал: «В затруднительном положении правительству не оставалось ничего другого как прибегнуть к издавна практиковавшейся раздаче служилым людям населенных дворцовых имений (курсив мой. – Н.С.). К этому средству успело обратиться еще земское правительство 1612–1613 гг.; его примеру последовало п правительство царя Михаила в первые месяцы своего существования. <...> Начиная с этого момента, озабоченное исполнением всех наличных служилых людей п поставленное в необходимость жаловать множество лиц вотчинами за “осадные сидения” и другие заслуги во время войн с Польшей и Швецией, московское правительство производило раздачу дворцовых земель в очень широких размерах» [2, с. 321, 324–325].

Известный петербургский исследователь А.П. Павлов в 2017 г. констатирует, что политика раздачи дворцовых земель представителям боярской элиты и дворянам «в относительно экономически благополучных и хорошо населенных черных и дворцовых волостях на севере и востоке страны, в районах, наименее пострадавших от Смуты» приводила «к существенным изменениям географии служилого землевладения, к распространению вотчинного земле-

---

¹ Соколова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН, natalia_sokolova@outlook.com, Россия, г. Москва.

владения (в том числе крупной боярской вотчины) на новые регионы, где прежде, до Смуты, светская вотчина либо отсутствовала вообще, либо была представлена слабо». В отличие от Ю.В. Готье, который не включал нижегородские земли в состав «Замосковского края», А.П. Павлов привлекает в качестве иллюстрации такого рода изменений сведения о некоторых получателях дворцовых земель, располагавшихся в Нижегородском уезде [10, с.249-253; 11, с.32-41].

Предыстория появления самой первой статьи о раздачах нижегородских дворцовых земель нашла отражение в документах НГУАК. В «Отчете о деятельности нижегородской губернской ученой архивной комиссии за третий год ее существования (22 октября 1889 – 23 октября 1890)» сообщалось: «В январе 1890 г., во время участия в VIII съезде в Москве председатель комиссии А.С. Гациский ознакомился с теми делами и документами главного архива министерства иностранных дел, которые касаются нижегородского края, списал опись нижегородских книг (1615–1690), составленную в 1806 году Татищевым и Офросимовым, и вошел в соглашение с одним из московских архивистов В.А. Цветковым о доставлении нижегородской архивной комиссии списков с названных документов. По настоящее время (22 октября 1890 года) доставлено комиссии г. Цветковым 400 листов списков с 8 нижегородских книг (переписных, приходных, сметных, платежных) за 1615–1629 годы; списки эти должны занять видное место в историческом архиве комиссии и, конечно, должны быть со временем изданы в интересах лиц, занимающихся нижегородскою стариною»².

Некоторые из упомянутых в отчете 1889/1890 г. источников были введены в научный оборот еще до их публикации, которая началась лишь в 1905 г. В программу проходившего 10–14 августа 1901 г. 1-го Ярославского областного Съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области³ был включен до-

---

² Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник статей, сообщений, описей дел и документов: Т. [1]–18 / Нижегородская ученая архивная комиссия. Нижний Новгород, 1888–1916. 44 т. (далее – Действия НГУАК). [1890]. [Т. 1]. Вып. 9: XIV. Заседание 22 октября 1890 года. С. 397.

³ Съезд деятелей губернских ученых архивных комиссий территорий, составлявших некогда Ростово-Суздальскую землю, проводился по инициативе ЯГУАК. В нем приняли участие около 200 делегатов, в том числе известные ученые из Санкт-Петербурга и Москвы, например, Д.И. Иловайский, С.Ф. Платонов, А.И. Соболевский, Н.Д. Чечулин и др.

клад одного из членов НГУАК, Александра Яковлевича Садовского. Согласно отчету о деятельности Съезда, опубликованному Н.Д. Чечулиным, на одном из заседаний «доложен был <...> в сокращении очерк г. Садовского “О населенных пунктах Нижегородской губернии XVII века”» [22, с. 89]. Под несколько уточненным названием статья вошла в изданный по итогам съезда том «Трудов»; в том же 1902 г. был напечатан и отдельный оттиск [12, с. XXVII, 27–65; 13].

В основу исследования были положены хранившийся в библиотеке НГУАК список XVIII в. с дозорной книги Силы Никитича Грекова и подьячего Климентия Козодавлева (1612/1613 г.) и две из упомянутых в докладе А.С. Гациского «нижегородских книг» из московского архива (1618/1619 и 1628/1629 гг.)⁴. А.Я. Садовский проводит сопоставление сведений по двум хронологическим срезам, рассматривая в качестве первого совокупность данных из обоих источников 1610-х гг. «Самая ранняя (книга. – Н.С.) 1619 г., только на 6 лет позднее дозора, а в такое короткое время едва ли могли произойти особые перемены, так что, – считает автор, – если ея показания об инородческих и вольных селениях присоединить к дозору Грекова, то у нас получится довольно подробная картина населенности уезда в Смутное время». Иными словами, вывод о том, что в Березопольском и Закудемском станах Нижегородского у. «были еще нерозданные в поместья и вотчины селения», был сделан им на основе «платежной книги 1619 г.». К тому же источнику восходит и имеющийся в статье перечень дворцовых владений [12, с. 29, 31]».

Обосновывая выбор в качестве источника именно приходной книги 1628/1629 г., А.Я. Садовский пишет: «Из последующих платежных книг наиболее интересно является книга 1629 г., составленная по писцовой книге Дмитрия Лодыгина с товарищами. Помимо прочего, она важна и тем, что в ней (одной) при перечислении вотчин, в большинстве случаев указывается, за что вотчина пожалована. Очевидно, что вскоре после прекращения смут была произведена расплата за участие в них. Многие прежние владельцы (по Грекову) теперь (в 1629 году) уже не встречаются вовсе, владения некоторых уменьшены, появились новые владельцы, из прежних поместий образовались вотчины, много свободных русских и мордов-

---

⁴ Печатались в 1903–1912 гг. (Действия НГУАК. 1903. Т. V; 1905. Т. VI; 1908. Т. VII; 1912. Т. XIII. Вып. 3).

ских селений розданы в вотчины и поместья, на прежних пустошах появились деревни». Отметим констатацию исследователем генетической связи рассматриваемого источника с писцовыми книгами 1620-х гг. В статье перечислено около четырех десятков имен новых владельцев дворцовых земель. В заключение сформулированы следующие выводы: «1) Смутное время привело к огромным переменам в личном составе владельцев, 2) сильно увеличило крупное землевладение за счет свободных русских и инородческих селений, 3) чрезвычайно увеличило число вотчинников, с 12 на 89 или на 740 %, 4) значительно усилило число владельцев иноземцев, с 36 на 60 или на 67 %» [12, с. 28, 33].

Несмотря на то, что А.Я. Садовский не получил исторического образования, его работа была замечена профессиональными историками. Так, в опубликованной несколько лет спустя книге Ю.В. Готье «Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси» статья упомянута дважды [2, с. 248, 549]. П.Г. Любомиров в книге «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг.» (Пг., 1917; изд. 2-е. М., 1939) также отсылает к тексту и, отдельно, к приложениям [8, с. 7, 38]. Однако опыт исследования, предпринятого А.Я. Садовским, к сожалению, не был востребован и учтен во многих позднейших исторических сочинениях, в том числе написанных на использованных им источниках [1; 4; 16; 18–20]⁵.

Публикация документов в «Действиях НГУАК», издание С.Б. Веселовским в 1910 г. нижегородских приходных книг 1607/1608 и 1611/1612 гг.⁶, введение в научный оборот подлинника писцовых книг Д.В. Лодыгина, В.И. Полтева и дьяка Дементия Образцова 1620-х гг. способствовали появлению новых работ, в которых судьбы дворцовых владений в Нижегородском у. в XVII в., впрочем, не являлись предметом специального научного интереса, будучи, как правило, вплетены в более широкий исторический контекст.

---

⁵ Хотя оно упоминается, например, в статье Л.М. Каптерева «Страницы из нижегородской историографии»; известно оно и современным архивистам и биографам А.Я. Садовского [5, с. 143; 7, с. 98].

⁶ Нижегородские платежные 7116 и 7120 гг. / Приготовил к печати и ред. С. Веселовский // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Им. Овом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М., 1910. Вып. 7.

Целью данной статьи является верификация тезиса о существенных изменениях в структуре светского землевладения Нижегородского у. в результате действий верховной власти в период Смуты и/или после ее окончания, прежде всего, массовых раздач дворцовых земельных владений. Подобное целеполагание обусловило совокупность задач исследования: проследить на основе анализа сохранившихся источников полувековую историю дворцовых владений Нижегородского у., выявить этапы раздачи дворцовых земель, оценить влияние этой практики на структуру землевладения в уезде, проанализировать общее и особенное в использовании данного инструмента в Нижегородском Поволжье.

Важнейшими источниками стали кадастровые документы – дозорные книги Василия Федоровича Борисова и подьячего Третьяка Аврамова (1587/1588 г.), Силы Никитича Грекова и подьячего Климентия Козодавлева (1612/1613 г.), Семена Ивановича Языкова и подьячего Емельяна Евсевьева (1613/1614 г.), писцовые книги Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова 1620-х гг. (в том числе вводимая в научный оборот автором часть этого писцового описания, охватывающая территории мордовских владений Нижегородского у.), подлинные окладные книги писцов от 9 ноября 1627 г. В работе также использованы акты (главным образом, жалованные грамоты на вотчины); делопроизводственная документация (указные памяти, отписки, челобитные, судные списки и др.); хозяйственные книги учетно-статического и учетно-динамического характера (нижегородские приходные книги, в том числе самые ранние из сохранившихся – 1607/1608 и 1611/1612 гг., приходные книги Новгородской четверти, сметные списки, окладные росписи, записные вотчинные книги и книги Печатного приказа, пошленные и беспошленные); картографические материалы XVIII в.

Нижняя граница исследования обусловлена датировкой первого более или менее пространного перечня дворцовых владений на изучаемой территории, который может быть составлен на основе сведений «старых книг письма и дозору Петра Бурунова 86-го году», использовавшихся в качестве приправочных во время дозора В.Ф. Борисова 1587/1588 г. В тексте выявлено 12 однотипных по структуре записей о том или ином дворцовом селе или группе бортных деревень – со ссылкой на предыдущий дозор. Следовательно,

все дворцовые комплексы за исключением «бортников заволжских» и «мордовских сел», в связи с которыми приправочные книги в дозоре не упомянуты, существовали, как минимум, десятилетием ранее. Верхняя хронологическая граница определена датой приходных книг, которые позволяют установить дальнейшую судьбу «перехожих четвертей», выявленных писцовой комиссией Дмитрия Лодыгина в поместьях и вотчинах на бывших дворцовых землях и описанных «на государя» (1628/1629 г.).

Начальным этапом работы стало создание максимально полного реестра поселений, входивших в последней четверти XVI в. в состав территориально-хозяйственных комплексов на нижегородских дворцовых землях. Дозорные книги В.Ф. Борисова и подьячего Третьяка Аврамова, сохранившиеся в единственном списке XVII в., включают описание не всех дворцовых владений, соответственно, требовалась реконструкция содержания его протографа. В «Росписи Новгородские четверти всяким делам, которые остались после пожара, как во 134 году мая в 3 день в Кремле городе горели приказы...», опубликованной С.К. Богоявленским, зафиксирован «Список с нижегородских с писцовых книг села Покровского и мордовских деревень Василья Борисова 96 году за приписью дьяка Василья Семенова, в коже». Скорее всего, это ни что иное, как известный исследователям список из РГАДА – с ошибкой (опиской? опечаткой?) в названии с. Поповское. Следующую позицию в описи занимает «Список с книг Василья ж Борисова села Павлова 96 году за его ж Васильевою приписью», в котором можно угадать другую часть тех же дозорных книг 1587/1588 г. Для восстановления состава и структуры дворцовых владений также использованы наблюдения об употреблении выражений «павловские села» и «березопольские села» в актах 1560-х гг., анализ приходных книг 1607/1608 и 1611/1612 гг., дозорных книг С.И. Языкова и подьячего Емельяна Евсевьева (1613/1614 г.), отказных книг.

Следует подчеркнуть, что структура нижегородских писцовых книг Д.В. Лодыгина, В.И. Полтева и дьяка Дементия Образцова 1620-х гг. была predeterminedлена приправочными документами, имевшимися в их распоряжении. Вопреки господствующему в современной историографии представлению, раздел о землях, полученных в результате раздач дворцовых владений, которым открывается рукопись № 292 фонда Поместного приказа РГАДА, содержит

информацию не только по Закудемскому стану, но и по Березопольскому. Подзаголовок на л. 211 совершенно недвусмысленно указывает на местоположение описанных ниже дворцовых земель, оказавшихся «за вотчинники и за помещики»: «Тех же государевых нижегородских дворцовых и посопных сел на сей стороне реки Кудмы и в Березопольском стану»⁷. Некорректная атрибуция данной части подлинника писцовых книг приводит к деформации уже на стадии подготовки исходных данных для анализа, что ставит под сомнение корректность сделанных умозаключений [3; 17; 21]. На ошибочность подобного подхода мной было указано в ряде выступлений и статье 2016 г. [15, с. 37, 41], однако в недавних публикациях А.П. Павлова приобретения Ф.И. Шереметева, М.Б. Шеина, Л.А. Плещеева по-прежнему отнесены к Закудемскому стану Нижегородского у. [10, с. 250, 251, 252; 11, с. 33, 34, 35].

Совокупность выявленной номенклатуры названий дворцовых поселений и данные топонимики позволили предпринять попытку ретроспективного картографирования. Затем именно географический принцип (то есть местонахождение объектов и их положение относительно друг друга) был положен в основу систематизации данных об изменении статуса дворцовых земель Нижегородского у.

Созданная в ходе исследования база данных свидетельствует, что существенных изменений статуса известных по дозорным книгам 1577/1578 и 1587/1588 гг. дворцовых земель в последней четверти XVI в., по-видимому, не произошло. Самое раннее упоминание их части как боярской собственности встречается в приходной книге 1607/1608 г. В записи под 26 июля сообщается о сборе налогов «Ивана Михайловича Воротынсково с вотчины села Княинина з деревнями». В писцовых книгах 1620-х гг. указано, что по грамоте от 20 января 1618 г. Михаил Федорович пожаловал «боярина князя Ивана Михайловича Воротынского *старою отца его вотчиною* в Нижегородском уезде в Закудемском стану селом Княинино да к тому селу деревни <...> со всем по-прежнему, *как было за отцом ево, по старым межам, и как ему, боярину князю Ивану Михайлови-*

---

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 292; Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.А. Бульчев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. В 2-х частях. М., 2015. Ч. 1. С. 667.

чу, дано при царе Василье Ивановиче»⁸. Согласно духовной Михаила Ивановича Воротынского, он владел данной вотчина в период с февраля 1569 г. по май 1573 г.⁹, затем, возможно, еще при его жизни (†1573), в результате опалы, она была конфискована и передана в дворцовое ведомство. Пожалование тех же владений его сыну, И.М. Воротынскому, вероятно, связано с положением последнего при дворе царя Василия Шуйского и, в частности, с тем обстоятельством, что они были женаты на сестрах¹⁰. Можно думать, что тогда же царица Мария Петровна Шуйская (урожд. Екатерина Буйносова-Ростовская) получила (на содержание царицына двора?) другую волость в Нижегородском Поволжье – Белогородье. Выбор Василием Шуйским для этих целей именно нижегородских дворцовых земель, вероятно, был не случаен. Успехи в борьбе с тушинцами, в том числе и непосредственно на дворцовых землях, позволяли надеяться на получение доходов с данных территорий.

Поместьем из нижегородских дворцовых земель был вознагражден и сыгравший ключевую роль в победе над тушинцами второй нижегородский воевода Андрей Семенович Алябьев (Олябьев). В тексте сохранившейся подлинной жалованной грамоты Михаила Федоровича кожуховским бортникам от 23 декабря 1613 г. содержится пересказ их челобитья: «В прошлом де во 118 году бил челом под Москвою бояром нашим Ондреи Олябьев о Кожуховской волости в поместье и писал де своим ложным челобитьем сельцо Кожухово с починками. А того де он не объявил, что оне бортники служилые. И по тому де его ложному челобитью дана ему была из под Москвы от бояр грамота». Согласно источнику, царь «выслушав челобиття Избылецкого стану Кожуховские волости служилых бортников, старосту Ондрюшку Терентьева с товарищи пожаловали велели их ведати на нас з бортными деревнями по прежнему, а помещиком велели отказать». Жалованная грамота была зафиксирова-

---

⁸ Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVIII века. Ч. 1. С. 573.

⁹ Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII вв. // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. / Сост. А.В. Антонов. Москва, 2002. Т. III. С. 72–77.

¹⁰ Венчание Василия Шуйского состоялось 17 января 1608 г. И.М. Воротынский, который вскоре женится на сестре царицы, ехал у коня царя – у «государева аргамака». Нижегородская приходная книга 1607/1608 г. фиксирует уплату 26 июля 1608 г.

на в записной беспошлинной книге Печатного приказа: «Запечатана грамота жаловальная: повелено Кожюховскую волость по-прежнему и з бортными деревнями – на государя, а Ондрею Олябьеву владети ими не велено»¹¹.

Как динамика раздач из дворцовых земель в первые годы правления Михаила Романова, так и соотношение пожалований в вотчину и в поместье, во многом объясняется приговором Боярской думы от 30 ноября 1613 г. Лишь незначительная часть нижегородских земель была пожалована в качестве выслуженной вотчины непосредственно из дворцового ведения. Заметно преобладали раздачи дворцовых владений в качестве условного держания, в поместье. Некоторые из них позднее превратились в выслуженные вотчины, – полностью или частично. Например, Кузьме Минину села Богородское и Ворсма первоначально были пожалованы именно в поместье. Однако в жалованной грамоте от 15 января 1615 г. указано, что село Богородское с деревнями дано «из его же поместья, что ему пожаловали есмь наперед сего за московское очищенье» – в вотчину»¹². После смерти Кузьмы Минина Богородское с деревнями отошло в вотчину его сыну Нефеду Кузьмичу, а позднее его как выморочное «велели отказать стольнику нашему князю Якову Куденетовичу Черкасскому в его оклад в тысячу в пятьсот чети, в поместье со всеми доходами»¹³. В челобитье Ивана Борисовича Черкасского, который после смерти Кузьмы Минина получил село Ворсма с деревнями, сначала в поместье, а по жалованной грамоте 9 декабря 1619 г. – в вотчину, сообщается о прежнем статусе данных земель: «И как ты, государь, пожаловал тем *сельцом Ворсмою в поместье Кузьму Минина*, и после того по твоему государеву указу дозировал твои, государевы, дворцовые села и черные волости Семен Языков, а того сельца Ворсмы не дозировал за тем, что стало то сельцо в поместной земле»¹⁴.

---

¹¹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 1. Л. 1. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1994. С. 338.

¹² Действия НГУАК. [1890]. [Т. 1]. Вып. 9: XIV. Заседание 22 октября 1890 года. С. 393–394; Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). С. 398–399; Нижний Новгород в XVII веке: Сборник документов и материалов к истории Н. Новгорода и его округа / Сост. Н.И. Привалова. Нижний Новгород, 1961. № 11. С. 42–43.

¹³ ААЭ. СПб., 1836. Т. III. № 215. С. 316–317.

¹⁴ РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 2; РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Д. 283; Акты писцового дела: Материалы по истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве / Собр. и ред. С. Веселовский. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. М., 1913. № 73; Действия НГУАК. 1905. Т.

Превращение поместья, ранее полученного из дворцовых владений, в выслуженную вотчину сопровождалось выдачей жалованных грамот, большинство из которых относится ко второй редакции вотчинного формуляра периода царствования Михаила Федоровича («за службу за осадное сиденье в королевичев приход под Москву») [6, с. 68]. В Нижегородском у. пожалование поместья (или его части) в вотчину тому же лицу становится массовым явлением примерно с середины 1619 г., т.е. фактически уже после окончания Смуты. При этом «в вотчину» нередко могла быть пожалована лишь часть поместной земли. В конце 1610-х гг. доля вотчин у новых владельцев дворцовых земель, за отдельными исключениями, была невелика, а некоторые – не имели их вообще. Отметим, что подобная практика существовала и прежде, в начале правления Михаила Федоровича, только тогда она касалась ранее существовавшего поместного фонда, а не тех земель, что еще недавно были дворцовыми. Таким образом, «изменение структуры землевладения», понимаемое как трансформация соотношения поместий и вотчин, во-первых, не было следствием похода на Москву королевича Владислава, а, во-вторых, в принципе, не может изучаться на материалах исключительно дворцовых земель.

О значительном сокращении дворцовых владений, как они описаны в сохранившемся списке дозорных книг Василия Борисова 1587/1588 г., к началу «валового письма» 1620-х гг. свидетельствуют приходные книги Новгородской четверти 1620/1621 г. Согласно источнику, ожидалось поступления («помечено взяти») «на 129-й год Нижегородцково уезда з государева з дворцового села Павлова и с павловских и с мордовских деревень...». Впрочем, в сметном списке 1623/1624 г. территориально-хозяйственный комплекс, состоявший из села Павлова и «павловских деревень», уже назван вотчиной И.Б. Черкасского. Это было наиболее существенное изменение в составе нижегородских дворцовых владений в период писцового описания 1620-х гг. В контексте датировки пожалования села Павлова с деревнями И.Б. Черкасскому отметим, что на часть данного комплекса от писцов получена льгота – на 8 лет с 1 сентяб-

---

VI. С. 48; *Лисейцев Д.В.* Дело по челобитной боярина князя И.Б. Черкасского (к вопросу о темпах работы приказной и воеводской администрации в начале XVII в.) // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Нижний Новгород, 2012. С. 148.

ря 1623 г., следовательно, царский указ был издан ранее этой даты. В частности, в позднейших копиях с документов конца XVII в. упоминается 7130 г. (1621/1622 г.)¹⁵.

Земли «мордовских сел» в основной своей массе не были затронуты раздачами ни при Василии Шуйском, ни в начале правления Михаила Федоровича. Во второй половине 1610-х гг. изменился статус села Пумра и двух деревень, описанных в дозоре 1587/1588 г. как «мордва Синбилейская», которые были пожалованы в вотчину С.В. Головину и Ю.Я. Сулешову. У исследователей, кажется, не возникало сомнения, что уже в дозорных книгах 1587/1588 г. лексема «мордовские села» обозначает часть дворцовых владений. Где-то это прямо декларируется, в других случаях – молчаливо подразумевается. Однако данные земли очевидно отличались, что нашло отражение не только в отдельном их описании, но и в том, что они не были положены в сошное письмо. Высказанная мной ранее версия о существовании в Нижегородском у. «служилой мордвы» находит подтверждение в описании войска 1604 г., где в полку левой руки записано 100 человек нижегородской мордвы¹⁶. Анализ текста писцового описания мордовских деревень Нижегородского у. 1620-х гг.¹⁷ показывает, что процесс постепенной их трансформации в «типичные» дворцовые волости, хотя и с гетерогенным по этническому составу населением, к тому времени еще не завершился.

Созданная в результате данного исследования база данных позволяет анализировать судьбы дворцовых территориально-хозяйственных комплексов, описанных в ходе дозора 1587/1588 г. Прежде всего в раздачу шли села, в которых уже существовало развитое земледелие, в том числе – все посопные села дозора 1587/1588 г. Бортные села и деревни начинают активно вовлекаться в этот процесс чуть позднее. Дробление ранее единых дворцовых

---

¹⁵ РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 525. Л. 12, 77, 91.

¹⁶ Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа / Сост., подг. текста и вступ. ст. С.П. Мордовина, А.Д. Станиславский; отв. ред. В.И. Буганов. М., 1979. Ч. 1–2. С. 92.

¹⁷ Атрибуция рукописи из НГОУНБ как писцовой книги дворцовых деревень Нижегородского уезда «большого писца» Дмитрия Лодыгина впервые озвучена автором в сентябре 2016 г. в докладе на XXXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, а затем источник был представлен научной общественности в докладе на XX Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XXI вв.» (июль 2017 г.) [14; 15, с. 40].

комплексов прослеживается как в «бортных», так и в «посопных» владениях (Лукинская соха, села Поповское, Вельдеманово, Шахманово, Сосновское, Давыдово).

Исследование позволило выявить определенные закономерности и выделить этапы, которые в целом соотносятся с общими изменениями в политике верховной власти. Анализ показал, что, изучая дворцовые раздачи в Нижегородском у. (и нижегородском Поволжье в целом) было бы неверно ограничиваться лишь периодом Смуты или, тем более, временем непосредственно после воцарения Михаила Федоровича. Дворцовые земли раздавались здесь и раньше, этот процесс продолжился и позднее, т.е. он был в определенном смысле перманентным. Движение дворцовых земель не было однонаправленным, о чем свидетельствует история Кожуховской волости, хотя, безусловно, во второй четверти XVII в. источники фиксируют случаи возврата в дворцовое ведомство ранее пожалованных владений, прежде всего, выморочных, и конфискации частновладельческих земель «на государя» значительно чаще.

Важной частью работы явилось изучение состава «получателей» дворцовых земель с точки зрения их принадлежности к различным социальным/профессиональным стратам и этнонациональным группам. Закрепление в писцовом кадастре 1620-х гг. новой структуры землевладения в Нижегородском у. сопровождалось незначительными коррективами персонального состава владельцев сел и деревень, ранее бывших дворцовыми, – например, при наследовании (А.И. Воротынский, Б.И. и И.И. Троекуровы) или при обменах земель. «Перехожие четверти», выявленные писцами на бывших дворцовых землях, либо жаловались царем тому же лицу (в вотчину или в поместье), либо были отписаны «на государя». Последние в Нижегородском у. практически сразу же оказались в раздаче служилым «иноземцам» и «немчинам», имена которых позволяют установить приходные книги 1628/1629 гг. Всего в базу данных были внесено 61 имя помещиков и вотчинников, получивших дворцовые земли¹⁸. Таким образом, речь идет примерно об 1/10 части землевладельцев, зафиксированных в нижегородских писцовых книгах Дмитрия Лодыгина. В контексте внимания, которое обычно в историографии уделяется землевладению «боярскому» или «сто-

---

¹⁸ Включая указанных наряду с основным владельцем младших братьев или детей.

личной титулованной и нетитулованной знати», отметим, что в выборку новых землевладельцев-бояр попадает 12 человек (9 из которых принадлежали к княжеским фамилиям); еще 3 князя получили дворцовые земли, не будучи боярами.

Приходится констатировать, что тезис ряда исследователей о том, что за счет раздачи дворцовых земель в регионе «стало преобладать крупное вотчинное землевладение», имеет декларативный характер. Яркие примеры образования в Нижегородском у. крупных вотчин (скажем, у Я.К. Черкасского), на которые обычно ссылаются, не только выходят за хронологические рамки Смуты или времени «после Смуты», но и процессы, приведшие к такой концентрации земельных владений, по сути своей, не имеют отношения к политике раздач дворцовых земель, а, соответственно, не являются предметом данного исследования.

С учетом изменившихся границ уезда (балахнинская и курмышская «приписи» весьма значительны), а также существования анклавов других уездов, «структура» землевладения в границах Нижегородского у. – это, вообще, некий достаточно условный исследовательский «конструкт». Утверждения о ценности приобретенных в результате раздач нижегородских дворцовых земель не подкреплены исследованиями того, что они представляли собой не только «количественно», но и «качественно». Ни абстрактные указания на богатство природных ресурсов [1, с. 30–31, 35; 8, с. 30], ни данные о количестве четвертей пашни паханной и перелогe (совокупно) по писцовым книгам, ни констатация роста числа дворов к 1646 г. [11, с. 33–35, 40] не являются аргументами, не будучи подкреплены анализом систем землепользования дворцовых крестьян и бортников или изучением степени восстановления нижегородских коронных земель на момент их передачи в поместье/вотчину.

Для корректной оценки состояния попавшего в раздачу дворцового комплекса исследователи располагают лишь данными по селу Павлово с деревнями из писцовых книг Дмитрия Лодыгина 1620-х гг.¹⁹ В остальных случаях результат будет в той или иной мере приблизительным, ибо между «раздачей» и «валовым письмом» 1620-х гг. прошли годы, что не позволяет вычленить и оценить меру воздействия нового собственника на состояние вотчи-

---

¹⁹ По классификации Л.В. Милова, нижегородские писцовые книги 1620-х гг. относятся к «оптимальному варианту» [9, с. 109–110, 156–160].

ны/поместья к моменту составления писцовых книг. Что касается села Павлов острог (Павлово) с деревнями, то, согласно тексту описания Дмитрия Лодыгина, данная волость представляла собой образец достаточно благополучного хозяйственного развития. Так, сравнение с монастырскими и светскими владениями в том же Березопольском стане свидетельствует о восстановлении дворцовых земель несколько опережающими темпами. В частности, доля пустых дворов в Павлове с деревнями составляла всего 3,9 %, что сопоставимо с подмонастырскими вотчинами Нижегородского Печерского монастыря (5 %). Расчет соотношения разных категорий земель также показал близкие показатели: «пашня паханая» (крестьянская и владельческая) в вотчине И.Б. Черкасского составляла около 48,62 %, перелог – 51,38 %; у Печерского монастыря «пашня паханая» (крестьянская и монастырская) – около 50 %, перелог – 41 %, «пашня наездом» – 6 %, «лесом поросло» – 3 %²⁰. Можно думать, что соотношение «пашни паханой» и перелога в обоих случаях приближалось к тому, что считалось оптимальным, и потому землевладельцы всячески стимулировали возвращение земли в хозяйственное использование, в частности, увеличивая «пашню паханую» за счет активного включения новых площадей в разряд надельной земли на льготных условиях. По-видимому, на коронных землях возможности для этого были больше, отсюда и достаточно высокий показатель обеспеченности крестьян землей (4,33 десятины в трех полях), превышающий средние цифры для монастырских вотчин и для поместий, как в Березопольском стане, так и по Нижегородскому у. в целом.

Литература

1. *Варенцова Л.Ю.* Из истории дворцового землевладения в Нижегородском уезде в XVII в. (по материалам платежных книг 1600–1660-х гг.) // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 1. Нижний Новгород, 2015. С. 28–37.
2. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.
3. *Давыдова А.А.* Особенности структуры служилого землевладения в Закудемском стане Нижегородского уезда по Писцовой книге 1621–1623 гг. URL: [http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=3123&txt=1_\(дата обращения: 27.10.2018\)](http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=3123&txt=1_(дата обращения: 27.10.2018)).

---

²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 292; Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века. Ч. 1. С. 549–1033.

4. *Давыдова А.А.* Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI – XVII вв.: Дис. ... канд. истор. наук: Нижний Новгород, 2005.
5. *Кантерев Л.М.* Страницы из нижегородской историографии // Горьковская область. Ежемесячный журнал облисполкома. 1939. №11-12 (ноябрь-декабрь). С.136–144. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/?id=2641> (дата обращения: 27.10.2018).
6. *Комочев Н.А.* Царские жалованные грамоты светским лицам (1613–1696): источниковедческое исследование. М., 2016.
7. *Логачева Е.А.* Публикации А.Я. Садовского и подготовительные материалы к ним в Центральном архиве Нижегородской области: проблемы поиска // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я. Садовского. Нижний Новгород, 2006. С. 97–99.
8. *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Изд. 2-е. М., 1939.
9. *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования. М., 1986.
10. *Павлов А.П.* Раздачи черных и дворцовых волостей и изменения географии землевладения боярской знати в годы царствования Михаила Романова // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2017. Вып. 7. С. 249–259.
11. *Павлов А.П.* Рост землевладения боярской элиты за счет пожалований из черных и дворцовых земель в первой половине XVII в. // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 3. С. 32–45.
12. *Садовский А.Я.* К материалам по исследованию Нижегородского Уезда в Смутное время и вскоре после него (1613-1629 гг.) // Труды Ярославского областного съезда (Съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). М.: Изданием А.И. Вахрамеева, 1902. С. 27–65.
13. *Садовский А.Я.* К материалам по исследованию Нижегородского уезда в Смутное время и вскоре после него (1613-1629 гг.). М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. 41 с.
14. *Соколова Н.В.* Нижегородские писцовые книги «большого писца» Д.В. Лодыгина. Из неопубликованного // XX Всероссийская научная конференция «Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XXI вв.». Нижегородская обл., г. Городец, 7–9 июля 2017 г. (в печати).
15. *Соколова Н.В.* Церкви/монастырь как полиморфный маркер сельского расселения (на материалах Нижегородского Поволжья XVI – первой четверти XVII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.

- 2016 год : Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М.; Уфа, 2016. С. 30–42.
16. *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Московское общество и государство от начала царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны. Киев, 1913.
  17. *Черненко Д.А.* Структура служилого землевладения в Нижегородском уезде по писцовой книге 1621 – 1623 гг. (Березопольский стан). URL: <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=3121> (дата обращения: 27.10.2018).
  18. *Черненко Д.А., Чеченков П.В.* Информационный потенциал дозорных книг конца XVI – начала XVII в. для изучения Нижегородского дворянства // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. №1. С.72-78.
  19. *Чеченков П.В.* Дворяне и дети боярские Нижнего Новгорода в 1613 году и их представители на земском соборе // Представительные институты в России в контексте европейской истории. XV – середина XVII в. М., 2017. С. 223–230.
  20. *Чеченков П.В.* Между вторым самозванцем и новой династией // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2017. № 1. С.68-75.
  21. *Чеченков П.В., Черненко Д.А.* Нижегородская служилая корпорация до и после Смуты: первые итоги изучения // Смутное время в России: Конфликт и диалог культур: Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 г. СПб., 2012. С. 313–317.
  22. *Чечулин Н.Д.* Первый областной археологический съезд в Ярославле // ЖМНП. Часть CCCXXXVII. 1901. Октябрь. С. 86–91.

Церковное землевладение на южной окраине России в первой четверти XVII в.²

В статье характеризуется церковное землевладение как один из главных источников средств для существования Русской церкви, прослеживаются основные этапы взаимоотношений государства и Церкви по вопросам ее земельной собственности на южной окраине России в I четверти XVII в.

Ключевые слова: Российское царство; Юг России; Русская церковь; государство; вотчина; епархия; церковь; монастырь.

Церковь, как любой общественный институт, для осуществления своей деятельности нуждается в материальных средствах. В России XVII в. основным источником получения дохода была эксплуатация земли. Данное обстоятельство диктует необходимость изучения вопросов, связанных с церковным землевладением, поскольку не учитывая их, нельзя правильно понять многие аспекты существования Церкви на южной окраине страны, которая активно осваивалась в ходе колонизации Поля в конце XVI – первой половине XVII в.

Церковные земли – это земли, выделявшиеся для обеспечения содержания русского духовенства. До патриаршества Филарета отвод церковных земель считался необязательным. Во время государственной переписи земель, проводившихся правительством царя Михаила Федоровича, началось наделение церквей «писцовыми» землями, но проводилось оно очень медленно. С этого времени, при описании церковных десятин патриаршей области, церкви отводились определенные участки земли, как правило, размером от 10 до 20 десятин в поле.

После образования единого Российского государства его южные земли, в церковном отношении, подчинялись трем епископам: Рязанскому и Муромскому, Сарскому и Подонскому (Крутицкому), Смоленскому и Брянскому. Точные границы епархий того времени неизвестны. В силу различных причин отдельные территории, города или церковные учреждения могли вестись не в самой ближайшей к ним епархии. Земли, отвоеванные у Речи Посполитой, и новые южные территории, осваивавшиеся Российским государством в

---

¹ Папков Андрей Игоревич, кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, papkov@bsu.edu.ru, Россия, г. Белгород.

² Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00313А.

это время, в церковном отношении включались в состав Патриаршей области. Каждый город, построенный в ходе продвижения территории Российского царства на Юг, становился не просто новым военным укреплением, но и полноценным населенным пунктом, центром колонизации прилегающей территории. Храмы на Юге России возникали одновременно с основанием городов. Монастыри строились, как правило, либо в городах, либо вблизи от них, т.е. это были городские монастыри. Большая часть их была основана не по свободному почину отдельных подвижников, а по приказу государственной и церковной власти. Земли и другие владения, необходимые для материального обеспечения своей деятельности, монастыри и храмы здесь могли получить только от государства, в отличие от центральных областей страны, где большинство храмов располагалось на территории крестьянских общин, которые отмежевывали церквям земли или назначали им натуральное содержание. В связи с этим государство в лице местных воевод и центральных приказов непосредственно участвовало в решении подавляющего числа вопросов церковной жизни на южной окраине страны.

Исключительное значение для изучения истории Церкви на Юге России рассматриваемого периода имеют документы кадастрового учета, прежде всего, материалы поземельных описаний. Эти документы позволяют изучить не только вид и объем повинностей населения, но и проследить процесс наделения землей храмов и монастырей. Видовой состав источников данной группы представлен преимущественно книгами: писцовыми, дозорными, отдельными и переписными. Указанные книги сохранились не полностью, часть дошла до настоящего времени в копиях XVII в. Писцовые книги Юга России конца XVI в. практически не сохранились, исключение составляет писцовая книга Путивльского уезда 1594 г., дошедшая в копии. Большое количество исторических сведений имеется в дозорных книгах, составленных после Смуты для определения реальной платежеспособности разоренных земель. Дозоры южных уездов в основном были проведены в 1616 г. В частности, известны дозорные книги следующих городов и уездов: Белгородского, Оскольского (список), Воронежского (список) и Ливенского (список). В списке сохранилась дозорная книга Ельца и уезда 1620 г.

Широкомасштабные работы по описанию были проведены во второй половине 20-х гг. XVII в. Известен подлинник писцовой книги Рьельского уезда 1625 г. В копиях сохранились писцовые книги Белгородского, а также Валуйского города и уезда. Имеются пис-

цовая и межевая книги Лебеядни 1627 и 1628 гг., ряд писцовых книг: Михайлова (1626 г.), Рыльска и Путивля (1626 и 1627 гг.). В 1628–1630 гг. был описан ряд посадов южных городов и их уездов, часть книг сохранилось в подлинниках: Воронежская, Ливенская и Новосильская, а писцовая книга Рыльского уезда дошла в списке середины XVII в.

Гораздо больше материалов содержится в результатах подворных описаний 1646 г. Важной особенностью этой переписи было стремление максимально полно отобразить все наличное население, как крестьян и бобылей, так и свободных жителей посадов. Несомненный интерес представляют переписные книги 1645/46 г. Белгорода и уезда, Воронежского, Елецкого, Ливенского, Оскольского (Старооскольского) уездов, переписная книга города Корочи и Стариковского стана Корочанского уезда 1645/46 г., а также копии соответствующих книг Путивльского и Рыльского уездов. Этот комплекс дополняется подлинной писцовой книгой Карповского уезда 1650 г., писцовой и межевой книгой Оскольского уезда 1642/43 г. Следует также обратить внимание на писцовые и межевые книги поместных и монастырских земель, составлявшие для отделения земель служилых людей и угодий, выделенных храмам и монастырям. Например, такая книга была составлена по Оскольскому уезду в 1644 г., аналогичная по этому же уезду – в 1686 г., такая же книга известна по Хотмыжскому уезду.

Самые ранние сведения о церковном землевладении содержатся в приправочной книге кн. Григория Константиновича Волконского и подьячего Герасима Окинфова 1599 г. Она позволяет оценить владения белгородского духовенства, которые находились в Донецкой волости. Двум священникам, дьякону, двум дьячкам, пономарю и просвирнице Белгородского Троицкого собора были отведены следующие угодья: р. Нежеголь с реками Корень и Короча, лес на р. Нежеголь, озера Лебяжье, Константиновское и Печенеги, оба берега Северского Донца, от устья Нежеголи до устья Волчих Вод, с рыбными и звериными ловлями, лесом и всякими угодьями. В дальнейшем все перечисленные владения, за исключением р. Нежеголи, были переданы другим владельцам. Взамен них в 1616 г. храм получил Мохначевский и Гниловский юрты на Северском Донце, речки Мож, Камыльша и озеро Косыж. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что и в 1599, и в 1616 г. священникам и церковнослужителям Белгородской соборной церкви были выделены не пахотные земли, а промысловые угодья, основной до-

ход с которых получался от рыболовства, охоты и, возможно, бортничества. Вероятно, это связано как с особенностями хозяйственной эксплуатации рассматриваемой территории в данное время, так и с невозможностью лично обрабатывать значительные земельные наделы и с отсутствием в окраинном регионе крестьян, которых можно было поселить на церковных землях.

Однако, в рассматриваемом регионе прослеживается тенденция к увеличению значения земледелия как источника материально-го обеспечения существования церковной структуры. К примеру, одновременно с постройкой крепости Оскол, совпадающей по времени с возведением Белгорода, начинается храмовое строительство и формирование церковной структуры в этом населенном пункте. Известно, что на западной стороне детинца находилась церковь Николая Чудотворца. Она имела придел во имя Параскевы, нарицаемой Пятницы, стоявший отдельно от здания основного храма. За р. Оскол в сторону Чуфичевского леса, вместе с землями станичных вожей и атаманов находились церковные поля. А владения дьячка, пономаря и просвирицы располагались за р. Осолом в общей даче с приходскими священниками. Всего за храмом числилось 130 четвертей пашни, лесных угодий и «дикого поля». Кроме того, имелся собор в честь Преображения Господня. За р. Осолом, в Ровеньском лесу, находилось 120 четвертей поместной церковной земли, там же были земельные дачи приходских священников [5, с.61-62; 168-169].

Из приведенных данных видно, что церкви и духовенство обеспечивались земельными наделами и их размер позволял священникам лично обрабатывать пашню. Им отводилось определенное количество сена (сенокосов), предоставлялось право пользования лесом и рыбными ловлями. Размеры земельных владений духовенства в сравнении с наделами прихожан не позволяют говорить о сословной привилегированности священнослужителей. Однако, попы нередко имели наделы, значительно уступавшие по размерам наделам их прихожан [3, с. 7]. По данным писцовых описаний первой половины XVII в. наделы священнослужителей находились, как правило, в пределах от 8 до 20 четвертей в поле, что делает их сопоставимыми с размерами наделов стрельцов (8–12 четвертей в поле) и казаков – 20 четвертей в поле, при том, что станичники имели наделы в 50 четвертей, а дети боярские – 100-150 четвертей в поле [1, с. 113–114].

По подсчетам Э.В. Комоловой в Воронеже в 1615 г. из 194 четвертей церковных земель в поле, на каждого священника в сред-

нем отводилось по 7,5–15 четвертей земли в поле, а на казака – по 20–30 четвертей. В селах нормой земельного надела для церкви было 15 четвертей в поле. Исключение составляли села Бел-Колодезь (30 четвертей), Собакино (20 четвертей), Большое Терновое (20 четвертей), Чертовицкое (18 четвертей), Гвоздевка (10 четвертей), Животинное (10 четвертей), Грязное (10 четвертей) и Рамонь (10 четвертей), а дети боярские, испомещенные здесь, обычно имели порядка 80 четвертей. В это же время воронежские церкви владели от 50 до 150 копен сена, а соборной – принадлежало 300 копен. На сельские храмы приходилось, как правило, 20–30 копен, за исключением церкви с. Собакина (140 копен) и с. Бел-Колодезя (60 копен) [3, с. 7].

Если сравнить церковное землевладение на территориях, которые начали осваиваться Российским государством в конце XVI в., и в уездах, которые были заселены ранее, к которым можно отнести, например, Рязанскую или Северскую земли, то можно заметить определенные отличия. Они выявляются даже несмотря на хозяйственное разорение периода смутного времени. В пострадавшем в Смуту г. Сапожок в Рязанской земле (в выписи из писцовых книг 1627/28 г. он значится «городищем») действовало три деревянных храма. На церковной земле стояли дворы священника, дьякона, просвирницы и пономаря. За настоятелем городской соборной церкви о. Лаврентием жили шесть бобылей. Весь церковный причт владел 46 четвертями пашни в поле («паханный перелог и дикое поле») и сенокосами на 40 копен. Второй храм – деревянная церковь в честь Николая Чудотворца. На церковной земле были выстроены дворы настоятеля, просвирницы и пономаря. Сенокосов причту было отведено 48 копен, а пашни – 24 четверти в поле, 20 четвертей священнику, а церковнослужителям – по две четверти. В остроге находился храм в честь Параскевы Пятницы. На церковной земле располагались дворы служителей этого храма: попа Георгия, дьячка, просвирницы и пономаря. Им принадлежало 32 копны сенокосов, пашни: настоятелю – 20 четвертей в поле, остальным по две.

В окрестностях г. Сапожок располагалась слобода Малый Сапожок. В ней стояла деревянная церковь Параскевы Пятницы. На церковной земле были выстроены дворы священника, дьячка, просвирницы и пономаря. За причтом числилось 20 четвертей пашни и 30 копен сенокоса. В том же Сапожковском уезде была слобода Коровка, в которой жили полковые казаки. В ней была деревянная церковь в честь Живоначальной Троицы с приделом святых Бориса

и Глеба. На церковной земле стояли дворы двух попов, дьячка, пономаря и просвирницы. Пашни было выделено двум попам 36 четвертей в поле, а дьячку, попу и просвирнице было отведено 6 четвертей, сена всем вместе причиталось 84 копны [2, с. 50–54].

К моменту составления писцовой книги Путивля 1626/27 гг. большинство храмов в этом городе было восстановлено после «литовского разоренья». По сравнению с другими городами южной окраины России, Путивль имел довольно много церквей – 19. При этом система их материального обеспечения была весьма развитой. Большинство храмов, помимо полевых угодий, располагало еще и бортными ухажьями, а на их городской земле жили церковные бобыли. Писцы насчитали таковых 90 дворов. Одна из городских церквей, кроме земельного надела, имела денежное содержание (12 руб. ежегодно) из путивльских таможенных доходов, еще одной – взамен руги был отдан четвериковый помер. Писцовая книга 1628/29 г. говорит, что за церковью Рождества Пресвятой Богородицы Молченского монастыря в Путивле и на посаде числились слобода и слободка, за посадом – слобода Борисоглебская, а в них и на церковной земле насчитывалось 275 бобыльских дворов, в которых проживало 284 человек [4, с. 94–96].

В этот же период, в 1626 г., в Белгороде имелась соборная церковь Живоначальной Троицы с двумя приделами. В городе насчитывалось восемь дворов церковного причта: протопопа, попа, дьякона, двух дьячков, пономаря и просвирницы [4, с. 67–68]. Соборной Белгородской Троицкой церкви принадлежали Мохначевский и Гниловский юрты. Как уже указывалось, они были отданы причту взамен р. Корени, р. Корочи и Нежегольского леса, принадлежавших ранее этой церкви и отведенных М. Маслову. За священниками Белгородской Никольской церкви, по писцовой книге 1626 г., числилась р. Лопань, два озера – Марговое и Становое, а также Опаковский лесок. Белгородские священники владели угодьями в Донецкой волости не на поместном праве, но и не на вотчинном, их права не отличались прочностью и устойчивостью. Государство отдавало упомянутые земли то в поместье или на оброк служилым людям, то во временное, хотя и безоборочное пользование священникам и монастырям [1, с. 123–126]. В северной части Белгородского уезда находился Сажный стан. Самым его крупным поселением было с. Сажное. В 1626 г. в нем имелось 107 дворов и действовал храм. В Коренском стане находилось три села: Ушаково (60 дворов), Пятницкое (Боровое) – 45 дворов и Никольское (71 двор).

Церкви сел Белгородского уезда имели каждая от 7 до 20 четвертей земли в поле и от 50 до 200 копен сенокоса [4, с. 103]. В 1620-е гг. в Осколе и его уезде насчитывалось 11 церквей, из них половина находилась в городе и пригородных слободах. Приходы были незначительными, крестьян на церковных землях практически не было [5, с. 64].

Таким образом, даже беглое сравнение Белгорода и Оскола (вместе с их уездами) с Рязанской и Северской землей, позволяет судить от том, что церковное землевладение к середине 20-х гг. XVII в. здесь было развито слабее, чем в соседних регионах Российского царства, в которых хозяйственная жизнь русского населения не прерывалась с домонгольского времени. Можно утверждать, что государственная политика первой четверти XVII в. на южной окраине России не имела цели ограничения церковного землевладения. Все церкви и духовенство региона обеспечивались землей и угодьями – сенокосными, рыбными и лесом. Количество пашни, которой наделялись священно- и церковнослужители на южной окраине, было меньше по сравнению с территориями, освоенными в хозяйственном отношении ранее. Сравнение размеров земельных владений духовенства и прихожан не свидетельствует о сословной привилегированности священнослужителей. Поскольку изначально в данном регионе церковные владения не составляли значительной части освоенной пашни, то правительственные меры были направлены не на ограничение церковного землевладения и землепользования, а на регламентацию формирующейся системы землевладения с учетом местной специфики, и их можно оценить как одно из проявлений стремления упорядочить сложившуюся аграрную систему в масштабах всего государства.

Литература

1. *Багалец Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
2. Древние грамоты и акты Рязановского края, собранные А.Н. Пискаревым. СПб., 1894.
3. *Комолова Э.В.* Церковное развитие южнорусского региона в XVII в. // Из истории воронежского края. Воронеж, 2002. № 10. С. 3–14.
4. *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1.
5. *Николов А.П.* Старый Оскол. Курск, 1997

«Разделением имений после отцов детям недвижимых великой есть вред в государстве нашем...»: к вопросу о влиянии демографических факторов на развитие родовой собственности (1700-1762 гг.)²

В статье показано, что устойчивое развитие родовой собственности у фамилий, представители которых входили в правящий слой России XVII–XVIII вв., во многом объяснялось демографическими факторами. Значительное число единокордцев позволяло расширить сеть брачных связей с другими влиятельными фамилиями и остаться у власти, также снижалась вероятность пресечения рода и повышались шансы на сохранение родовых вотчин.

Ключевые слова: дворянство; правящая элита; землевладение; родовой собственности; демография; дробное наследование

Развитию дворянской собственности в первой половине XVIII в. посвящено множество работ. Подробно изучены численность и размещение помещичьих крестьян, общие размеры и структура землевладения (В.И. Семевский, Н.М. Шепукова, В.М. Кабузан, Я.Е. Водарский, А.Я. Дегтярев, М.Ф. Прохоров, О.А. Шватченко и др.). Гораздо хуже известно, кому именно эта собственность принадлежала. Общие сведения о родовом составе помещиков и вотчинников России, количестве крестьян, принадлежавших каждой дворянской фамилии, есть лишь на начало XVIII в. (Я.Е. Водарский, О.А. Шватченко). Сопоставимые массивы данных по более позднему времени были введены в научный оборот лишь частично, а вопрос о влиянии демографических факторов на развитие родовой собственности даже не ставился³. Изучению именно этой проблемы посвящена настоящая работа.

Основными источниками для анализа стали Алфавиты к сказкам Генерального двора 1699–1700 гг. и материалы III ревизии

---

¹ Черников Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, Липецкий государственный технический университет, zserg72@gmail.com, Россия, г. Липецк.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00001-ОГН.

³ Понятие «родовой собственности» в настоящей статье используется для обозначения всей совокупности земельных владений, принадлежавших представителям той или иной дворянской фамилии. Вотчины и поместья, при всех сохранявшихся различиях в их правовом статусе, к концу XVII ст. являлись наследуемой и, в этом смысле, родовой собственностью.

(86 % и 76 % данных по Европейской России, соответственно)⁴. По моим подсчетам, в 1700–1762 гг. населенными имениями владели представители 5588 фамилий. Практически весь вотчинный фонд страны (87–94 % крепостных) находился в руках у представителей 40 % дворянских фамилий (2220 из 5588). Эти фамилии, которые я условно называю «устойчивыми», владели собственностью как в 1700 г., так и в 1762 г. Остальные 60 % родов (3368) можно отнести к числу «неустойчивых», поскольку они были не в состоянии сохранить свои имения даже на протяжении двух-трех поколений.

Сравним развитие родовой собственности в 1700–1762 гг. у дворянской элиты и рядового дворянства. Для этого выделим четыре группы фамилий в зависимости от того, когда первому представителю рода удалось войти в состав правящего слоя – получить думный чин (XVII в.) или чин 1–5 классов Табели о рангах (XVIII в.). К I группе отнесены те фамилии, представители которых вошли в состав элиты в 1613–1645 гг. или до Романовых, ко II группе – в 1645–1689 гг., к III группе – в 1700–1762 гг., в IV группу включены фамилии, представители которых не входили в правящий слой⁵. По общим данным, в 1700–1762 гг. численность крестьян выросла у всех слоев дворянства, но в различной мере: у думных фамилий – в 1,3 раза, у родов, представители которых вошли в правящий слой лишь в XVIII в., – в 3,5 раза, у остального дворянства – в 2,2 раза (при естественном приросте среди помещичьих крестьян в 2 раза). То есть, в этот период шло перераспределение собственности

---

⁴ Алфавиты к сказкам Генерального двора 1699–1700 гг. – РГАДА. Ф. 1209. Алф. 661, 662, 664. По Новгородскому уезду использовались данные 1678 г. [4, с. 268–272]. Материалы III ревизии: ведомости провинциальных прокуроров 1766–1767 гг. (Ф. 248. Оп. 109. Кн. 158; Оп. 117. Кн. 197, 1464; Ф. 264. Оп. 2. Кн. 37; Ф. 447. Оп. 1. Кн. 541; Ф. 453. Оп. 1. Кн. 2094–2095), ведомости о «количестве мужских душ в вотчинах» по Московской провинции 1765 г. (Ф. 400. Оп. 4. Кн. 2171), ревизские сказки (Ф. 350. Оп. 2. Кн. 322, 324, 408–410, 568–572, 843–846, 952–956, 992–998, 1289–1292, 1299–1301, 1360–1367, 1500, 1676–1682, 1707–1708, 1736–1739, 1854–1867, 1903–1906, 1935–1941, 2330–2333, 2354–2355, 2876–2884, 2891, 3402–3404, 4060, 4064, 4074, 4177–4180). В статье численность крепостных указана в душах мужского пола. Показатели 1700 г. рассчитаны исходя из средней населенности двора в 1678 г. (3,7 души на двор) [2, с. 48].

⁵ Обоснование группировки данных см.: [13, с. 188–190]. Перечень архивных и опубликованных источников, использованных для выявления состава правящего слоя, см.: [15, р. 507–510, сноски 9–12]. По периоду 1700–1725 гг. учитывался не только формальный (чиновный) статус человека, но и влияние этого лица в правительственной среде, внимание Петра I к его деятельности (на основе переписки). Подробнее см.: [14, р. 265–266, 274–275].

от «старых» к «новым» фамилиям: доля крепостных, принадлежавших I–II группам снизилась с 50 до 33 %, а у III группы, напротив, увеличилась – с 18 до 33 %.

Сведения о преемственности родового состава владельцев и устойчивости развития собственности по каждой из групп представлены в следующей таблице.

Таблица 1

Дворянская родовая собственность в 1700–1762 гг.

группа	доля «устойчивых» фамилий, %	ρ^* (крепостных: 1700 г. ~ 1762 г.)	Med** (крепостных у одной фамилии)	
			1700 г.	1762 г.
I	85	0,72 / 0,88	2784	3569
II	94	0,70 / 0,71	1770	3329
III	71	0,57 / 0,65	475	1466
IV	35	0,18 / 0,52	48	49
все	40	0,31 / 0,68	67	71

Примечание: * ρ – коэффициент корреляции Спирмэна; ** Med – медиана.

Как видим, доля «устойчивых» фамилий в этих четырех группах была неодинакова. У «старых» фамилий она являлась самой высокой: в I группе собственность смогли сохранить 85 % родов, во II группе – 94 % (в целом, по думным фамилиям – 90 %). Родовой состав помещиков из «новых» фамилий (III группа) был менее устойчив – 71 %. У основной массы дворян (IV группа) показатель и вовсе низкий – 35 %⁶. В следующем столбце таблицы приведены коэффициенты корреляции между численностью крепостных, принадлежавших представителям фамилий в 1700 г. и в 1762 г. (в числителе – по всем фамилиям в группе, в знаменателе – по «устойчивым»)⁷. Расчеты наглядно показывают, что развитие собственности в значительной мере определялось служилой историей рода. В самом общем виде эту закономерность можно выразить так: чем раньше представителям фамилии удавалось войти в правящий слой страны, тем более устойчивым и предсказуемым становилось развитие вотчинного фонда.

⁶ Доли рассчитаны от общего числа фамилий по каждой группе в 1700–1762 гг.: I группа – 62 рода из 73, II – 94 из 100, III – 290 из 407, IV – 1774 из 5008, все фамилии – 2220 из 5588.

⁷ Все коэффициенты корреляции в таблице статистически значимые (p -value < 0,05).

Несмотря на укрепление позиций новых фамилий, запас прочности у старой элиты оставался очень значительным. В 1700 г. в первую десятку богатейших фамилий входили кн. Черкасские (46 тыс. душ), Нарышкины (41), Салтыковы (29), кн. Голицыны (29), кн. Долгоруковы (28), кн. Одоевские (20), Головины (18), Шереметевы (16), кн. Прозоровские (15), кн. Куракины (14) и Бутурлины (14). За исключением Нарышкиных, которые возвысились в последней четверти XVII в. благодаря родству с царствующей династией, остальные фамилии в этом списке имели аристократическое происхождение⁸. Ко времени III ревизии перечень крупнейших собственников выглядел следующим образом: кн. Голицыны (108 тыс. душ), Шереметевы (88), Строгановы (65), кн. Долгоруковы (51), Салтыковы (49), Нарышкины (41), Лопухины (29), Головины (28), гр. Разумовские (27), Головкины (24). Можно заметить, что состав стал более «пестрым»: наряду с аристократией (5 родов) и фамилиями, попавшими в Думу в XVII в. (3 рода), здесь также были представители новой элиты – Строгановы и Разумовские (вотчинный фонд последней фамилии целиком сложился в XVIII в.). Однако, несмотря на рост собственности у «новичков», центральное место среди самых состоятельных дворянских родов России, даже к середине XVIII в., по-прежнему занимали думные фамилии (8 из 10 родов, 82 % крепостных⁹).

Обратим также внимание на медианные размеры родового душевладения по каждой из групп, представленные в таблице. Как видим, «новичкам» ко времени III ревизии так и не удалось приблизиться по благосостоянию к думным фамилиям¹⁰. Дополнительно отмечу, что размеры собственности думных фамилий, представители которых остались в элите XVIII столетия, выросли за 1700–1762 гг. примерно вдвое (с 3525 до 6702 крепостных на один род), а у выбывших из правящего слоя – почти не изменились (1184 и 1097 душ). То есть, утрата властных позиций представителями «старых» фамилий не приводила к бедности или разорению рода. Табличные данные также позволяют сделать вывод, что формирование крупных

---

⁸ О критериях, на основе которых фамилии относились к числу аристократических, подробно см.: [9, с. 14–18; 10, с. 6; 17, р. 14; 18, р. 276].

⁹ Здесь доля крепостных подсчитана от числа крестьян, принадлежавших первым 10 фамилиям.

¹⁰ Медианные показатели более предпочтительны для анализа, поскольку, в отличие от среднего арифметического, они мало подвержены влиянию нехарактерных значений.

владений «по воле слепого случая» было редкостью (вопреки утверждениям Е.П. Карновича) [7, с. 5–6, 117, 213]. Рост вотчин у большинства «новых» фамилий в XVIII в. не был случайным и имел под собой прочную основу: уже в начале столетия по размерам своей собственности фамилии III группы достаточно сильно выделялись из общей дворянской массы (475 и 48 душ).

Прочные позиции думных фамилий, как во власти, так и в экономической сфере, обычно объясняются рядом причин: родственными связями (в том числе, с правящей династией), традицией службы на высших государственных постах, значительными богатствами, которые были накоплены на протяжении нескольких поколений. Однако открытым до сих пор остается важный вопрос. Существовали ли различия демографического характера между думными фамилиями и остальным дворянством (в первую очередь, речь идет о численности рода)?

На поставленный вопрос можно ответить опираясь на данные «перечневых ведомостей» к Алфавитам 1699–1700 гг., в которых указаны «число лиц каждой фамилии» (владельцев населенных имений) и количество принадлежавших им крестьянских дворов¹¹. Использование сведений о количестве владельцев имений для оценки численности дворянского рода вполне правомерно, поскольку в период дробного наследования собственности эти показатели взаимосвязаны (в более многочисленной фамилии будет большее число владельцев и наоборот)¹². Далее в статье фамилии с одним-двумя

---

¹¹ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 661. Л. 4–34об.; Алф. 664. Л. VII–VIIIоб. Первая ведомость включает в себя 136 родов, служивших в «высших чинах», вторая – остальное дворянство (3277 фамилий). Для расчетов ведомости были объединены (часть родов встречается в обоих списках). Различные варианты написания одной и той же фамилии приведены к «общему виду» (например, Обарины / Оборины, Карамышевы / Коромышевы, Карабаны / Коробановы и т.д.). В результате перечень «сократился» до 2952 родов. Аналогичных данных на время III ревизии нет, а оценка числа собственников из каждой фамилии по материалам ревизий может быть только приблизительной.

¹² Коэффициент корреляции между числом владельцев имений (по Алфавитам 1699–1700 гг.) и количеством единокровцев, живших в конце XVII – начале XVIII вв., оказывается весьма высоким – 0,85 (раздельно по группам: I – 0,82; II – 0,80; III – 0,88; IV – 0,79). Все коэффициенты высокозначимые (p-value < 0,01). Показатели численности дворянских фамилий рассчитаны по опубликованным справочникам [1, 3, 5, 8, 11]. Объем выборки – 228 фамилий (I группа – 37 родов, II – 40, III – 77, IV – 74). Для расчетов использовались все родословия (кроме иноземных фамилий и росписей без дат). Число мужчин единокровцев в двух поколениях, живших на рубеже XVII–XVIII вв., суммировалось и делилось на два. Родословные росписи зачастую неполны, но, как видим, даже в этих

владельцами рассматриваются как мелкие, а с шестью и более – как крупные.

Расчеты показывают, что численность рода была одним из важнейших факторов развития собственности, а многие дворяне не имели наследников. По общим данным, в начале XVIII столетия 48 % российских дворянских фамилий являлись мелкими (в том числе, 33 % – с одним владельцем) и только 30 % – крупными. Среди фамилий, владевших в 1700 г. от 1 до 80 душ крестьян, было 5 % крупных и 75 % мелких¹³. Состав фамилий, разорившихся ко времени III ревизии, являлся схожим – 2 % крупных и 85 % мелких. Состав «устойчивых» родов кардинально отличался: 41 % крупных и 34 % мелких.

Данные о структуре дворянских фамилий в 1700 г. (по выделенным четырем группам) представлены в следующей таблице.

Таблица 2

Структура дворянских фамилий в 1700 г. (I–IV группы)

группа	фамилий, %		лиц в фамилиях, %		
	мелких	крупных	в мелких	в крупных	
				во всех	Св. 10 лиц
I	16	67	3	91	74
II	6	81	0	96	82
III	18	66	3	92	79
IV *	53 (39)	23 (34)	17 (10)	62 (70)	37 (43)
все	48	30	12	74	53

Примечание: * В скобках даны показатели по «устойчивым» фамилиям из IV группы.

Как видим, в 1700 г. крупных фамилий, в целом по дворянству, насчитывалось 30 %, а в I–II группах – 67 % и 81 %. Мелких фамилий, напротив, было 48 %, 16 % и 6 %, соответственно. Интересно, что фамилии, представители которых вошли в правящий слой в 1700–1762 гг. (III группа), уже в начале века имели очень схожую структуру: крупных – 66 % родов, мелких – 18 %. Это подтверждает мой вывод о том, что рост благосостояния «новых» фамилий в

условиях, взаимосвязь между рядами данных является сильной, поэтому полученные коэффициенты корреляции вполне можно рассматривать как минимальные.

¹³ Вероятность разорения фамилии во многом зависела от «начальных» (в 1700 г.) размеров вотчинного фонда. Среди самых мелких помещиков (1–20 душ) за следующие 60 лет разорились 53 % родов. Для более состоятельных фамилий вероятность такого исхода была значительно ниже: среди владельцев 81–100 душ разорились 18 %, а среди владельцев свыше 200 душ – менее 10 % фамилий.

XVIII в. не являлся случайным. Состав основной массы дворянства (IV группа), даже его «устойчивой» части, кардинально отличался (53 % и 39 % – малочисленные роды). Вывод на основе правой части таблицы также однозначен: подавляющее большинство представителей I–III групп являлись выходцами из особо крупных фамилий (свыше 10 владельцев) – 74–82 %. По IV группе этот показатель вдвое ниже – 37–43 %. В среднем, на одну дворянскую фамилию в 1700 г. приходилось 5,5 владельцев имений (медиана – 3), на «устойчивую» – 7,0 (4), на разорившуюся – 1,6 (1). У думных и у «новых» фамилий эти показатели гораздо выше – 13,9 (10) и 12,3 (9), соответственно.

В работах по истории российской элиты довольно часто подчеркивается ее служилый характер, отсутствие корпоративных привилегий и прочных прав собственности. Отдельные исследователи, такие как Ричард Хелли, напрямую ставят вопрос: почему элита не сопротивлялась неограниченной власти монарха, либо делала это крайне редко – «Why did the Muscovite Elite Not Rebel?» [19]. Представленные расчеты наглядно показывают, что уже сама необходимость приумножения или, по крайней мере, сохранения родовой собственности (в условиях дробного наследования и при наличии множества родственников) превращала московские боярские кланы в весьма преданных «сторонников самодержавия». Неудачная попытка ограничения верховной власти в начале 1730 г., когда представители двух аристократических родов – Долгоруковых и Голицыных – не получили поддержки других знатных фамилий и «рядового шляхетства», скорее, подтверждает, нежели опровергает этот тезис.

Устойчивость развития дворянской собственности зависела от многих причин, в частности, от удачного брака, монаршей благосклонности, наличия влиятельных родственников или высокого покровителя при дворе. Демографический фактор также играл важнейшую роль: для сохранения собственности были необходимы наследники мужского пола, однако, большое число сыновей приводило к интенсивному дроблению имений. Введение единонаследия и упразднение поместной формы собственности указом 23 марта 1714 г., несомненно, были вызваны объективными причинами: исчерпанием резерва государевых черных земель, из которых производились поместные раздачи, и резким ростом численности дворян-

ства в XVII в. (особенно, во второй его половине) [16, р. 294–296]. Вместе с тем, не исключено, что решимость Петра I при утверждении этого указа подкреплялась и его личными наблюдениями: о многочисленности боярских семей, представители которых составляли значительную часть окружения царя, о разделах наследственной собственности, о необходимости щедрых пожалований вотчин и поместий для поддержки землевладения «старых» фамилий он знал не понаслышке¹⁴.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд важных выводов. Как видим, бедность и малочисленность дворянской фамилии обычно сопутствовали друг другу. Вероятно, именно сочетание этих двух факторов было главной причиной неустойчивости родового состава российских помещиков (28 % фамилий 1700 г. спустя 60 лет потеряли всю собственность, а 53 % фамилий 1762 г. не имели собственности в 1700 г.). На противоположном «социальном полюсе» наблюдалась иная картина. Многочисленность рода и дробление вотчин не мешали устойчивому развитию собственности у фамилий причастных к власти. По всей видимости, в отличие от Петра I, который считал, что разделы имений могут привести к исчезновению «славных и великих домов» и их превращению в «поселян», представители элиты оценивали факторы риска совсем иначе. Богатство в этой среде являлось следствием социального статуса и важнейшей задачей становилось удержание власти. Значительное число единокровцев позволяло расширить сеть брачных связей с другими влиятельными фамилиями; одновременно снижалась вероятность пресечения рода и повышались шансы на сохранение вотчин и их передачу потомкам. Демографический фактор здесь играл важнейшую роль, а многочисленность фамилии превращалась из «помехи» в преимущество.

Литература

1. *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. Т. I. Ч. 1–3. СПб., 1906–1907.
2. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.
3. *Голицын Н.Н.* Род князей Голицыных. Т. 1. СПб., 1892.
4. *Дегтярев А.Я.* Избранные труды по русской истории. Т. 1. М., 2006.
5. *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 1-4. СПб., 1854-1857.

---

¹⁴ О составе правящего слоя в 1689–1725 гг. см.: [14, 18]. О пожалованиях земельной собственности см.: [6, с. 65–79; 12, с. 390–399].

6. *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России: первая половина XVIII века. М., 1964.
7. *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874.
8. *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 1–2. СПб., 1895.
9. *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.
10. Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв.: очерки истории. СПб., 2006.
11. *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1–2. СПб., 1886–1887.
12. *Устрялов Н.В.* История царствования Петра Великого. Т.1. СПб., 1858.
13. *Черников С.В.* Дворянская родовая собственность в 1700–1762 гг.: к вопросу о влиянии изменений в составе правящего слоя на структуру вотчинного фонда // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год. М., Уфа, 2016. С. 186–197.
14. *Черников С.В.* Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты России первой четверти XVIII века: традиции и новации // Cahiers du Monde russe. 2010. 51 (23). P. 259–280.
15. *Chernikov S.* Les carrières des généraux en Russie de 1730 à 1763: L'influence des réformes de Pierre le Grand sur la mobilité sociale dans la composition des élites//Cahiers du Monde russe. 2016. 57 (2-3). P. 505-544.
16. *Chernikov S.* Noble Landownership in 18th-Century Russia: Revisiting the Economic and Sociopolitical Consequences of Partible Inheritance // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. 17 (2). P. 277–304.
17. *Crummey R.* Aristocrats and Servitors: the Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983.
18. *Crummey R.* Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700 // Canadian-American Slavic Studies. 1974. 8 (2). P. 274–287.
19. *Hellie R.* Why did the Muscovite Elite Not Rebel? // Russian History. 1998. 25 (1–2). P. 155–162.

Формирование на архивных материалах источниковой базы современных исследований по истории заселения юго-востока Европейской России с 18-го до середины 19-го столетия

Заселение и освоение Поволжья, Заволжья и Южного Урала отразилось в многочисленных документах, которые отложились в фондах столичных, республиканских и областных архивохранилищ. Большое внимание поиску и работе с этими источниками уделили местные историки, в том числе работающие в Самаре. В статье дан обзор выявленных архивных источников по теме и показаны наиболее интересные результаты их использования современными исследователями.

Ключевые слова: история России XVIII–XIX вв.; аграрные отношения; колонизация; источниковедение; архивы.

В 30-е гг. XVIII в. начался процесс преобразования пространств на юго-востоке Европейской России, где бытовало экстенсивное хозяйство кочевых народов, в крупный земледельческий регион с многочисленным крестьянским населением. Значительная часть этих территорий в Поволжье и Заволжье были инкорпорированы в Российскую Империю не в результате завоевания или по внешнеполитическим договорам, а, как подчеркивает Б.Н. Миронов, «в ходе хозяйственной колонизации» [13, с. 113], которой подверглись практически незанятые и пустующие, но необыкновенно плодородные черноземные степи «дикого поля» [14, с. 41].

В короткий по историческим меркам срок процесс этого преобразования и освоения в основном завершился. Это нашло отражение в устройстве с 1 января 1851 г. новой Самарской губернии в статусе «внутренней губернии империи». Он соответствовал административному устройству территорий в центре России, хотя эта губерния, лежавшая тогда целиком по левому берегу Волги и далее на восток, продолжала принимать крестьян–переселенцев, поскольку еще обладала богатым фондом незанятых и неосвоенных сельскохозяйственных угодий.

Современные исследования по раннему аграрному освоению

---

¹ Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, smirnov195503@yandex.ru, Россия, г. Самара.

лесостепного и степного Заволжья до середины XIX в. сейчас опираются на богатую источниковую базу, создание которой стало возможным, прежде всего, благодаря выявлению значительного комплекса архивных материалов. Этот комплекс использован и представлен в диссертациях [6], монографиях [17] и других работах отдельных исследователей, включая опубликованные в Ежегодниках и Материалах сессий Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы [4], а также в коллективных публикациях последних лет.

Среди этих проектов следует особо выделить обобщающие труды по истории Самарского края [11] и его крупнейшего города [10], в которых важное место заняли вопросы заселения этого края. Вместе с тем вышли коллективные работы, где данные вопросы стали основными для исследователей. Так, в 1995 г. был опубликован очерк освоения правобережной части Среднего Поволжья в районе Самарской Луки и дальнейших миграций здесь местного сельского населения [19]. Дальнейшее изучение этой уникальной исторической территории принесло новые результаты [18], в том числе выход еще одного большого коллективного издания [20].

В 2007 г. вышла книга «Поволжье – “внутренняя окраина” России: государство и общество в освоении новых территорий» [5]. В ней представлен обзор освоения земель по Средней Волге в составе Российского государства в XVI–XVII вв., их заселения и дальнейшего продвижения многонационального крестьянства в Заволжье и на Южный Урал в течение XVIII–XIX вв.

В 2013–2014 гг. был издан двухтомник «“Обретение родины”: общество и власть в Среднем Поволжье». Оба тома охватывают XVI – начало XX в., включая и интересующий нас период. В первом томе раскрываются политические, социальные, административные условия освоения региона [15]. Во втором показано изменение демографической и этнической ситуации на приволжских и приуральских территориях юго-востока Европейской России, в том числе под воздействием переселенческого движения [16]. Полученные выводы коррелируют с результатами исследования других имперских окраин. Как считают представители уральской академической школы, на российском фронтире «колонизация новых земель, миграции народов» повсеместно вызвали «их смешение и чересполосное расселение, образование гибридных этнокультурных групп и синкретических мировоззренческих комплексов» [1, с. 85].

Всего рассматриваемая источниковая база включает документы, выявленные к настоящему времени почти в полутора сотнях фондов архивов Москвы, Санкт-Петербурга и ряда региональных центров. Хранящиеся в них документы очень разнообразны. Здесь и законодательные материалы, и делопроизводство государственных учреждений, и гражданские акты, и судебные дела, и статистические сведения анкет, отчетов, переписей, и другие группы и виды источников.

Из-за отсутствия общей административной принадлежности изучаемой территории, документальные материалы по ее истории не сосредоточены в каком-нибудь одном региональном архиве, а разбросаны по многим городам, находятся в Ульяновске, Оренбурге, Саратове, Казани, Самаре и Уфе. К тому же их сохранность не совсем удовлетворительна, потому что архивы в городах юго-востока Европейской России нередко целиком или частично гибли в пожарах, от небрежения и в силу прочих причин. Приходится постоянно обращаться к материалам, отложившимся в столичных архивах. В Москве это – Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) и Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), в Санкт-Петербурге – Российский государственный исторический архив (РГИА) и Научный архив Русского географического общества (НА РГО).

Ценный материал также имеются в рукописных отделах крупных библиотек. Здесь следует, прежде всего, назвать такие столичные учреждения как Российская государственная библиотека (РГБ), Российская национальная библиотека (РНБ), Библиотека Российской академии наук (БАН). Интересные рукописи по исследуемой проблеме содержат некоторые региональные книгохранилища, в том числе Ульяновская областная научная библиотека – Дворец книги и Самарская областная универсальная научная библиотека.

Архивные источники по истории освоения края в XVIII в. сохранились, прежде всего, в РГАДА в фонде 248 «Сенат и его учреждения», в состав которого вошли, кроме дел собственно канцелярии Сената, материалы других ведомств. Особый интерес вызывают включения в данный фонд материалов Оренбургской экспедиции, Башкирской комиссии, Следственной комиссии по делу В.Н. Татищева. Дела Оренбургской экспедиции, Оренбургской ко-

миссии, новоучрежденной Оренбургской губернии имеются и в Государственном архиве Оренбургской области (Ф. 1, 2, 3).

В РГВИА среди полковых списков (Ф. 490) имеются характеризующие пограничные войска юго-востока Европейской России. Архивные материалы, отражающие службу иррегулярных войск на этой территории, которые не только несли охрану, но и составляли значительную часть переселенцев и постоянных обитателей этого края наиболее полно были проанализированы В.А. Кузнецовым [12]. Для своего исследования он собрал многочисленные документы как из указанного, так и из других архивохранилищ.

Не стоит обходить вниманием не очень объемные, но довольно информативные дела постоянных и временных учреждений, которые действовали на территориях юго-восточных губерний России. В РГАДА это фонды 625 «Самарская воеводская канцелярия», 767 «Самарская ратуша», 819 «Ставропольская канцелярия калмыцких дел», 822 «Оренбургская войсковая канцелярия», 829 «Таможни и кружечные дворы», 411 «Оренбургская губернская канцелярия», 583 «Сызранская воеводская канцелярия» и др. Деятельность верховной власти и близких ей учреждений того времени отражена также в РГАДА в фондах разрядов Госархива и в РГИА в фонде 1329 «Именные указы и высочайшие повеления Сенату». Материалы первых трех ревизий собраны в РГАДА в фонде 350 «Ландратские книги и ревизские сказки».

Следует подчеркнуть, что в ходе изучения ревизских сказок исследователями были показаны возможности их анализа как источника не только статистических данных, но и для истории повседневности. Особенно плодотворным это оказалось в сопоставлении с дошедшими до нас устными преданиями крестьян-переселенцев [2]. Также плодотворным оказалось сопоставление сведений этих и других массовых источников с данными полевых экспедиционных исследований, прежде всего, для реконструкции истории помещичьей колонизации и дворянского усадебного обустройства в изучаемом крае [7].

Церковь, дворец и казна долгое время оставались в числе основных землевладельцев в Заволжье, документы по истории их имений позволяют представить важные страницы начального продвижения оседлого населения в регион. Эти документы представлены в РГАДА в фондах 281 «Грамоты Коллегии Экономии», 280 «Колле-

гия Экономии», 1239 «Дворцовый отдел», 396 «Оружейная палата».

Источники, сохранившиеся в архивах, начиная с середины 18-го столетия, представлены более полно и разнообразно. Наряду с государственными учреждениями столичного, губернского и уездного уровней следует обратить внимание на личные и вотчинные фонды богатейших здешних помещиков, какими были братья Орловы и их потомки Орловы-Давыдовы (РГАДА. Ф. 1273, 1454; ГАУО. Ф. 147; ОР РГБ. Ф. 219), а также состоявшие с ними в родстве или свойстве Панины и Салтыковы (РГАДА. Ф. 1274, 1386). Хранящиеся там документы рисуют картину функционирования и повседневной жизни Усольского имения Орловых, расположившегося как на правом, так и на левом берегу Волги. Важные и интересные материалы хранят фонды межевых учреждений и отдельных межевых мероприятий, особенно «Экономические примечания к планам Генерального межевания» (РГАДА. Ф. 1336, 1354 1355, 1357; ГАУО. Ф. 17; ГАСО. Ф. 388).

Если говорить о первой половине XIX в., то вряд ли можно не только проанализировать, но и просто перечислить все архивные источники по истории заселения юго-востока Европейской России. Материалы предреформенных десятилетий размещены в большом числе фондов органов власти и управления различного уровня в российских и региональных архивах.

Четких закономерностей в пробелах и наличии тех или иных источников нет. Подобные вопросы решаются знанием конкретных, иногда случайных обстоятельств. Например, значительная часть архивов государственных учреждений Симбирской губернии сгорела в пожарах. Однако дела учреждений удельного ведомства той же губернии сохранились в достаточной мере (ГАУО. Ф. 318, 322, 323).

Наиболее полно представлено переселенческое движение этого времени в делах тех центральных ведомств, которые непосредственно несли ответственность за это дело, Министерства финансов и Министерства государственных имуществ, в РГИА в фондах 379 «Департамент государственных имуществ Министерства финансов», 381 «Канцелярия министра земледелия», 383 «Первый департамент Министерства государственных имуществ». Немало материалов административного и прочего назначения отложилось и в разных фондах различных подразделений Сената, Министерства внутренних дел, Комитета министров в РГИА. Там же в отдельных фон-

дах находятся очень интересные дела сенатских ревизий юго-восточных губерний Российской империи, в том числе освещающие причины, подготовку и результаты этих мероприятий (РГИА. Ф. 1378, 1380, 1537, 1555, 1557). Так, документы из различных фондов этого архива освещают причины и механизмы создания новой Самарской губернии, состоявшегося в 1851 г., но инициированного в значительной мере итогами сенатских ревизий предшествующих лет.

Кроме архивов органов государственного управления сохранились фонды научных обществ и учреждений (Вольного экономического и Русского географического общества, Военно-Ученого архива, губернских ученых архивных комиссий), где наряду с материалами официального происхождения сохранилась и переписка, целые труды (в рукописях) ученых, статистические сведения. Не менее интересны личные архивы. Одни из них, которые принадлежали профессиональным ученым или собирателям памятников прошлого, походят по своему содержанию на архивы научных обществ (ОР РГБ. Ф. 231. Погодин М.П.; НА РГО. Ф. 2. Кеппен П.И.; ОР РНБ. Ф. 595. Поленовы В.А. и Д.В.; Ф. 608. Помяловский И.В.; Ф. 166. Вяземский П.П.). В других содержатся и деловые бумаги, и личная корреспонденция, и хозяйственные документы, и рукописи литературных произведений.

Наиболее интересными для юго-восточных территорий Европейской России можно считать личные фонды, отразившие деятельность литераторов, которые в то же самое время являлись заолжскими помещиками: Н.И. Второва (ОР РНБ. Ф. 37), Г.Р. Державина (ОР РНБ. Ф. 247), К.Д. Кавелина (ОР РГБ. Ф. 548). Не менее насыщенными информацией являются архивные собрания документов государственных деятелей, которые в разные периоды возглавляли управление этими территориями: П.И. Панина (ОР РГБ. Ф. 222), В.А. Обручева (ОР РНБ Ф. 120), В.А. Перовского (ОР РНБ Ф. 571; РГИА. Ф. 1021).

Очень разнообразными являются библиотечные коллекции рукописей, которые не соотносятся с определенными деятелями или учреждениями. Здесь можно встретить сочинения разного плана, сборники, отдельные документы. В составе Эрмитажного, Основного, Нового собраний рукописных книг и Собрания единичных поступлений РНБ, как и в аналогичных собраниях других библиотек, находятся рукописи сочинений по истории и статистике

П.И. Рычкова, Я. Гавердовского, А. Гильдебранта, другие источники XVIII – первой половины XIX в. Некоторые из них были атрибутированы и введены в научный оборот автором данной работы. В различных библиотечных собраниях и архивных фондах имеется также ценный графический материал, рукописные карты и схемы.

Отдельного внимания заслуживают документы о событиях 1773–1775 гг. в Поволжье и на Южном Урале. Многие из них оказались в различных архивах. Однако их самая большая и важная часть сосредоточена в фондах РГАДА: Ф. 6 «Госархив. Разряд VI – Уголовные дела по государственным преступлениям», Ф. 349 «Московская контора тайных розыскных дел и Тайная экспедиция Сената», Ф. 1100 «Канцелярия оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа».

Событиям пугачевского восстания хронологически и в отношении причинно-следственных связей предшествует деятельность Уложенной комиссии Екатерины II. Наказы ее депутатам от территорий юго-востока Европейской России, сведения об их выборах и активности содержит фонд 342 «Комиссия о сочинении Нового Уложения» в РГАДА. В этих материалах имеется ценная информация о миграциях и освоении новых земель. В результате особенно детально было изучено крестьянское заселение и население этих земель [3].

В ГАРФ представлены документы, характеризующие реализацию функций политической полиции в первой половине XIX столетия, осуществление надзора за ссыльными, характеристика жандармскими офицерами положения на территориях, которые находились под их ведением. Такие дела и документы сосредоточены в фондах 109 «III Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии», 110 «Штаб отдельного корпуса жандармов», 1165 «Особенная канцелярии Министерства Внутренних дел», 1174 «7-й округ Штаба Отдельного корпуса жандармов (г. Казань)».

Архивные материалы по теме дополняются изданиями законодательных актов и других документальных источников, в т.ч. осуществленных в конце прошлого века, как это было с рядом документов по упомянутому восстанию 1773-1775 гг. [9], или недавно.

В числе последних удачных примеров публикаторской деятельности следует особо выделить «Описание Волжского прибрежья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.)» Н.А. Воронова [8]. Оно было написано чиновником осо-

бых поручений при самарском губернаторе для путеводителя к предстоявшему путешествию по Волге младшего брата императора Александра II великого князя Константина Николаевича, председателя Русского Географического общества (РГО). Предполагаемое плавание по Волге не состоялось, а рукопись Н.А. Воронова оказалась в Научном архиве РГО. Лишь 158 лет спустя была осуществлена ее публикация, которую осуществили сотрудники Российской национальной библиотеки (РНБ) в Санкт-Петербурге и Самарского университета. А.И. Раздорский подготовил предисловие, комментарии, текстологические примечания и вспомогательные указатели. Д.Н. Шилов на основании архивных материалов написал биографический очерк об авторе рукописи. Н.С. Чернышева выполнила набор текста. Общая научная редакция издания осуществлялась Ю.Н. Смирновым. Эти и другие опубликованные документы делают источники, хранящиеся в фондах отечественных архивов, более доступными для исследователей и любителей истории.

Современная источниковая база в целом представляется достаточной для исследования исторических процессов, протекавших при освоении юго-востока Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. Многочисленные архивные материалы дают возможность реконструировать рассматриваемую страницу прошлого нашей страны и ее юго-восточной окраины с высокой степенью полноты. Удается проанализировать указанные процессы практически от самого начала и до их завершения. Как показано выше, эти материалы в настоящее время и составляют основу изучения того, как шло крестьянское заселение и аграрное освоение окраин дореформенной России, включая рассматриваемый регион. Имеющиеся результаты далеко не исчерпали потенциал архивных источников. В результате научного поиска их круг продолжает расширяться, а также проявляется тенденция к более активному применению новейших исследовательских методов и приемов анализа исторической информации, которые они содержат.

Литература

1. *Алексеев В.В., Дашкевич Л.А., Зубков К.И., Побережников И.В. и др.* Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016.
2. *Артамонова Л.М.* Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750–1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического

- университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 471–475.
3. *Артамонова Л.М.* Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., Брянск, 2012. С. 222–230.
  4. *Артамонова Л.М.* Крестьянские наказы в Уложенную комиссию Екатерины II как источник по заселению и аграрному освоению Заволжья и Приуралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., Уфа, 2016. С. 157–164.
  5. *Артамонова Л.М., Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Кабытова Н.Н., Смирнов Ю.Н., Тагирова Н.Ф.* Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007.
  6. *Ведерникова Т.И.* Формирование этнически смешанного населения Степного Заволжья (Самарской губернии) в середине XVII – середине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
  7. *Ведерникова Т.И., Александрова С.А.* «Дворянские гнезда» в Самарском крае (по материалам полевых исследований) // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. С.В. Соловьевой. Самара, 2015. С. 27–33.
  8. *Воронов Н.А.* Описание волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.). СПб., 2015.
  9. Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774. М., 1975.
  10. *Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Артамонова Л.М., Смирнов Ю.Н. и др.* История Самары (1586–1917 гг.). Самара, 2015.
  11. *Кабытов П.С., Смирнов Ю.Н., Артамонова Л.М. и др.* Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. Книга 1. Самарский край с древнейших времен до середины XIX в. Самара, 1993.
  12. *Кузнецов В.А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск, 2008.
  13. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб., 2014.
  14. *Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017.
  15. «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Ч. 1. Очерки истории. Самара, 2013.
  16. «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая

- ситуация. Самара, 2014.
17. *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.
  18. *Смирнов Ю.Н., Артамонова Л.М.* Локальная история как метод реконструкции культурно-исторического ландшафта: из опыта изучения Самарской Луки // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы. Материалы III Всероссийского научно-методологического семинара. Самара, 2015. С. 10–20.
  19. *Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М.* Самарская Лука в XVI – начале XX вв. Самара, 1995.
  20. Усольское собрание графов Орловых и Орловых-Давыдовых в историческом и культурном ландшафте Самарской Луки / Сост. Н.А. Бессонова; авт. Ю.Н. Смирнов [и др.]; отв. за вып. А.В. Лычева. Самара, 2015.

Эволюция помещичьего хозяйства Верхнего Поволжья в пореформенный период

В статье рассматривается процесс эволюции помещичьих хозяйств Владимирской, Костромской и Ярославской губерний после отмены крепостного права. Определяются факторы, влиявшие на темпы развития капиталистических отношений в поместьях. Показаны местные особенности развития буржуазных отношений в деревне.

Ключевые слова: помещичье хозяйство, пореформенный период, развитие капитализма, Верхнее Поволжье.

Реформа 1861 г. положила начало биполярному хозяйственно-экономическому строю деревни. Ее полюсами стали помещичье и крестьянское хозяйства. Без изучения каждого из этих двух видов хозяйств невозможно раскрыть сущность аграрного строя пореформенной России, определить вектор его эволюции и потенциал развития.

Большой вклад в изучение проблемы перестройки помещичьего хозяйства в пореформенной России внес Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. На протяжении всей его многолетней работы ученые неоднократно обращались к обсуждению различных аспектов данной проблемы. Одним из результатов изучения вопросов, поставленных в ходе работы Симпозиума, стали фундаментальные исследования его участников, такие, как работа А.М. Анфимова «Крупное помещичье хозяйство Европейской России» [3] и коллективная монография И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунской, Б.М. Литвака «Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма» [7]. Благодаря этим и другим работам были определены общее направление эволюции, темпы и состояние помещичьего хозяйства в пореформенной России. В то же время хорошо известно, что аграрная история России – это, прежде всего, история ее регионов. Для дальнейшего развития общей концепции о месте и роли помещичьих хозяйств в экономике России необходимо выяснить, в какой мере помещики были в состоянии приспособиться к капиталистиче-

---

¹ Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, dreem10@mail.ru, Россия, Ярославль.

ской эволюции в конкретных условиях отдельных регионов. В этом направлении уже проделана значительная работа, в том числе, и участниками Симпозиума. Особо следует отметить монографии Д.И. Будаева, В.Н. Никулина, С.А. Козлова [5, 9, 8].

Изучение темы в рамках местной истории дает возможность значительно расширить источниковую базу и выяснить на ее основе новые аспекты проблемы. Одним из таких аспектов является выявление особенностей эволюции разных по величине хозяйств. Площадь помещичьих имений очень сильно различалась. Например, среди дворян Верхнего Поволжья встречались владельцы несколько десятин и несколько сотен тысяч десятин земли. Следовательно, условия ведения помещичьего хозяйства зависели не только от региона, но и от величины земельной собственности.

В ходе исследования, наряду с другими источниками, были изучены первичные документы Дворянского земельного банка о 321 помещичьем имении, представленных к залому в 1886-1900 гг. во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях. Помещичьи хозяйства Верхнего Поволжья были разделены на три группы: мелкие до 100 дес. земли, средние от 100 до 1000 дес. и крупные свыше 1000 дес. земли.

Необходимо отметить, что природно-климатические условия в губерниях Верхнего Поволжья были малоблагоприятны для ведения сельского хозяйства, особенно полеводства. Значительное количество зерна, необходимое местному населению, производилось не в регионе, а доставлялось с низовьев Волги [10, с. 19–20]. В то же время близость Петербурга и Москвы, местных промышленных центров создавали широкие возможности для занятия крестьян различного вида неземледельческими промыслами. В связи с этим, как показали исследования И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкина, развитие сельского хозяйства в этих трех губерниях имело свою специфику, что позволило ученым выделить данные губернии в отдельный аграрный регион [6, с. 80–81].

Обработка материалов Дворянского банка показала, что существенная часть помещиков в регионе полностью отказалась от ведения собственного хозяйства и сдавала всю землю в аренду. Наиболее распространенной такая форма получения прибыли от земли была среди владельцев мелких имений. В основной массе

имений преобладающей формой земледелия было сочетание ведения собственного хозяйства со сдачей земли в аренду.

Подсчеты указывают, что при разных видах аренды (в полном составе и частями) владельцы средних имений сдавали половину своих сельскохозяйственных угодий, а мелкие и крупные землевладельцы – от 3/5 до 4/5 площади полей и лугов [1, с. 232–240]. Это свидетельствует о том, что в пореформенный период в регионе получил большое развитие процесс фактического отделения земли сельскохозяйственного назначения от земельных собственников.

В большинстве помещичьих имений, где велось собственное хозяйство, сочетались отработочная и капиталистическая системы ведения хозяйства. Чисто отработочные или чисто капиталистические хозяйства были довольно редким явлением. Отнесение хозяйства к той или иной группе потребовало подсчета доли труда в каждом виде работ и суммирование полученных данных. Применялась такая методика: имения, в которых более половины всех полевых работ выполнялись вольнонаемным трудом, относились в разряд капиталистических, а остальные - в разряд отработочных [2, с. 88-102].

В результате исследования было выявлена зависимость формы хозяйствования от размеров имения. Быстрее других в Верхнем Поволжье переводили ведение хозяйства на капиталистические рельсы владельцы средних имений. Мелким помещикам, по-видимому, в силу ограниченности их финансовых ресурсов сделать это было труднее. Медленнее всех отказывались от отработочной системы владельцы крупных поместий, в то время как в ряде других регионов страны модернизация в этой группе хозяйств происходила наиболее быстрыми темпами. Так, на Северо-Западе России крупные помещики чаще других пытались вести хозяйство капиталистическими методами [9, с. 194].

Следует отметить, что для дворянского землевладения Верхнего Поволжья была характерна более низкая, чем для общего земельного фонда региона доля сельскохозяйственных угодий и высокая концентрация леса. Особенно слабо развито в помещичьем хозяйстве было полеводство. Так, в конце 80-х гг. XIX в. доля пашни в общей площади имений варьировалась от 2,1 % в Костромской губернии до 14,2 % во Владимирской губернии². Причем крупные по-

---

² Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. СПб., 1896 – 1897. Вып. 6, 18, 50. С. 1,6.

мещицьи имения отличались от прочих, в первую очередь, наличием большого количества леса. Местные латифундисты могли себе позволить не заботиться о налаживании собственного эффективного полеводства и животноводства, так как получали основной доход от продажи древесины. Необходимо указать, что регион Верхнего Поволжья обладал огромными лесными запасами. Особенно была богата лесом Костромская губерния, являвшаяся одной из самых лесных губерний страны. Вполне понятно, что леса играли большую роль в хозяйственной жизни местного населения. К тому же, из-за низкого качества почвы и малоприспособленности ее для занятия земледелием во многих местах края, лесной промысел, по мнению чиновников Дворянского банка, составлял «почти единственное средство существования для окрестного населения и почти единственный источник доходов для частных владельцев»³.

Большое значение в деятельности хозяйства имела личность владельца, его знания, степень вовлеченности в решение производственных задач. Помещики Верхнего Поволжья, как и подавляющая часть российских помещиков, оказались слабо готовы принимать непосредственное участие в организации своего хозяйства на новых условиях. Положение осложнялось и тем, что в регионе до отмены крепостного права основной доход помещики получали не от барщины, а от оброка в денежной форме. Следовательно, местные помещики в большинстве своем не обладали опытом ведения дел по организации сельскохозяйственного производства. К тому же землевладельцы, сами начавшие вести хозяйство в своих имениях, в подавляющем большинстве не имели специальных агрономических знаний, были не в состоянии разобраться в условиях почвы и климата собственного имения, наладить соответствующую систему земледелия и животноводства.

В поисках путей повышения производительности труда и, как следствие этого, удешевления производства продукции, помещики приобретали различные сельскохозяйственные машины, но нередко от них не было ожидаемого эффекта. Так, по воспоминаниям современника, один из помещиков Мологского уезда Ярославской губернии Б.М. Азанчевский «выписал посоветовавшись со своим приказчиком (он же кузнец и кучер) по каталогу хороший плуг. Руководи-

---

³ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф.275. Оп.2. Д.121. Л.211

лись ценою по правилу: дорого да мило. Получив, никак не могли догадаться, почему у плуга одна оглобля». Плуг оказался параконный. Затем они так им вспахали поле, что гумус оказался глубоко закопанным в землю. Результат внедрения в хозяйство новшества оказался плачевным: «едва собрали семена» [4, с. 179].

В имении Е.П. Кривоноговой в Чухломском уезде Костромской губернии приобрели жнейку, но зерновые по-прежнему продолжали убираться серпом, так для работы на ней не могли найти рабочего, умевшего управлять этой машиной⁴.

Попытки таких помещиков перевести хозяйство на капиталистический лад, требовавшие крупных предварительных затрат, нередко приводили к большим убыткам. Например, владелец имения в 750 дес. земли в Кинешемском уезде Костромской губернии Н.Ф. Кошевич, в течение 30 лет старавшийся организовать доходное хозяйство и вложивший в переустройство поместья 50 тыс. руб., в конце концов был вынужден отказаться от своих попыток⁵.

Источники свидетельствуют, что процесс эволюции помещичьего хозяйства происходил сложно. В большинстве имений сложилось сочетание отработочной и капиталистической систем. Примером смешанной системы хозяйства может служить имение В.Е. Шестакова в Судогодском уезде Владимирской губернии. Шестаков владел 1787,3 дес. удобной земли, из них 11 находилось под усадьбой, 300 – под пашней, 135 – под сенокосом, 297,3 – под выгоном и 1004 дес. – под лесом. Помещик проживал в усадьбе и управлял имением лично. В 1900 г. в поместье насчитывалось 28 лошадей, из которых 10 предназначались для сельхозработ, 28 голов крупного рогатого скота и 8 свиней. К этому времени Шестаков имел в хозяйстве 7 одноконных плугов, параконный плуг, 2 орудия, запашник, 12 железных барон, конные грабли марки «Тигр-2», сеноворошилку, веялку, 2 сортировки, молотилку на водяном приводе и прочий инвентарь. Скота и орудий явно не хватало для полной обработки всей земли. Поэтому 210 дес. пашни сдавались в аренду крестьянам за 2/3 урожая зерна и соломы. Крестьяне обязаны были отвести хлеба в усадьбу и там обмолотить их на помещичьей молотилке. Ежегодно сдавались в аренду и 35 дес. сенокоса за 100–150 руб. Арендовали крестьяне и пастбища, за что должны были

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.593. Оп.26. Д.1939. Л.2,5,6

⁵ Описания отдельных русских хозяйств. Вып. 11. СПб., 1898. С. 41–44.

платить 280 руб. и выполнять работ на 332 руб. 90 коп. В основном, сюда входила уборка сена и вывозка навоза на крестьянских лошадях. Остальные работы на участке пашни в 90 дес. с шестипольным севооборотом производили два годовых и два летних рабочих. Кроме того, для посадки и уборки картофеля и других работ привлекались поденщики.

Помещик старался максимально использовать нужду крестьянских хозяйств в различных видах угодий. Он получал доход от леса не только за счет продажи деревьев, но и от сбора в нем местным населением грибов и ягод. За это крестьяне выполняли на огороде землевладельца различные работы на 85 руб.⁶ Как видим, в имении Шестакова применялись различные способы извлечения дохода от земли: сдача земли в аренду за деньги и отработки, издольщина, обработка полей вольнонаемными рабочими передовым инвентарем помещика. Несмотря на то, что в собственном хозяйстве Шестакова сильно были развиты капиталистические элементы, землевладелец не спешил отказываться от сдачи земли в аренду, в том числе за отработки. Данный вид организации хозяйства приносил ему большие доходы без значительных финансовых издержек и хлопот, связанных с поиском рабочих рук.

С трудностями ведения хозяйства за счет отработок сталкивались, в первую очередь, помещики неземледельческих уездов, где отходничество крестьян было наиболее сильным. Поэтому в этих местах помещики быстрее переводили свои хозяйства на капиталистические рельсы. Так, например, А.Н. Трипольский, владевший имением в 119 дес. земли в Шуйском уезде Владимирской губернии, вынужден был вести хозяйство с использованием только наемного труда. Дело в том, что его поместье находилось в 5 верстах от Шуи и в 22 верстах от Иваново-Вознесенска – крупных центров текстильной промышленности. Земледелие в этой местности было слабо развитым, крестьянские хозяйства находились в упадке, около половины населения уходило в отход. В связи с этим помещик не мог сдать землю в аренду ни за отработки, ни за деньги⁷.

Капиталистическое по характеру хозяйство вынуждена была вести А.П. Моллер, имевшая 555 дес. земли в Чухломском уезде Костромской губернии. Этот уезд находился в северной части гу-

---

⁶ ЦИАМ. Ф. 275. Оп. 2. Д. 94. Л. 207–216.

⁷ РГИА. Ф. 593. Оп. 4. Д. 911. Л. 1, 49–52.

бернии, где земледелие из-за малопродуктивной почвы решающей роли не играло, и значительная часть мужского населения уходила на заработки в города. В связи с чем данная местность получила название «Бабыя сторона». Длительное время после реформы 1861 г. имение Моллер было заброшено, а в 80-х гг. XIX в. в нем началось ведение «вялого хозяйства под надзором управляющего», приносившее всего 171 руб. прибыли. Чиновник Дворянского банка отмечал, что «имение это почти не имеет никакой связи с интересами соседнего населения, весьма бедного, охотно бросающего свои тощие наделы земли (6 дес. на душу) для отхожего промысла и непроявляющего стремления к покупке или аренде земель. Доходность имения извлекается хозяйством за владельческий счет и почти только этим путем извлекаться способна вообще»⁸.

Переход помещиков к капиталистической системе хозяйствования вовсе не означал в дальнейшем невозможности возврата к отработкам. Так, в имении Колачева в Кинешемском уезде Костромской губернии после того, как хозяйством стал управлять не староста, а один из сыновей, выгоны по лесу стали сдаваться не за деньги как раньше, а за отработки. Стоит заметить, что этот переход привел к росту доходов хозяйства⁹.

К концу XIX в. в Верхнем Поволжье появляются поместья, владельцы которых не только полностью перевели свои хозяйства на использование наемного труда, но создали в них высокоэффективное товарное производство. Примером организации такого хозяйства являлось имение Карабиха, расположенное около Ярославля, в местности, имевшей хорошую инфраструктуру. В декабре 1861 г. его приобретает поэт Н.А. Некрасов. К тому времени крестьян в хозяйстве уже не было: наделение землей и все расчеты с ними произвели прежние владельцы Голицыны. Управляющим имением, а затем и его собственником становится брат поэта Ф.А. Некрасов, оказавшийся хорошим хозяином. В 90-е гг. XIX в. площадь имения составляла 350 дес. земли, из которых 170 дес. занимала пашня, 10 дес. – луг, 6 дес. – жилые и хозяйственные постройки, парк и т.п. и 164 дес. – лес. Основой хозяйства являлся винокуренный завод. Предприятие это, открытое еще Голицынами, Федором Алексеевичем было расширено и модернизировано. На заводе трудилось 80

---

⁸ РГИА. Ф. 593. Оп. 10. Д. 2287. Л. 3.

⁹ Там же. Оп. 26. Д. 1800. Л. 11; Д. 1801. Л. 1, 3, 10–13.

человек рабочих. Объем производства доходил до 500000 литров спирта в год. Все остальные отрасли хозяйства были тесно связаны с винокурением и подчинены ему. На полях и фермах трудились до 40 человек только постоянных рабочих, к которым во время посадки и уборки картофеля присоединялись временные работники, как правило, женщины. В имении содержалось до 70 хороших лошадей и имелся весь необходимый сельскохозяйственный инвентарь. Почва тщательно обрабатывалась. Картофельное поле, являющееся поставщиком сырья для винокуренного завода, давало урожай сам-7, сам-8.

Развитие животноводства в хозяйстве сковывал недостаток лугов, из-за этого почти все необходимое для прокорма скота сено приходилось приобретать у крестьян соседних деревень. Несмотря на данное обстоятельство животноводству в имении уделялось тоже большое внимание. Главным направлением в его развитии было мясо-молочное. По этой причине с 1894 г. местные полукровки были заменены симментальской породой. Интересно отметить, что количество коров в период винокурения, когда на корм скоту использовалась барда, увеличивалось с 50 голов до 200. Откармливание скота отходами винокуренного производства являлось одной из основных статей дохода. Кроме того, молоко, получаемое от такого большого стада коров, не продавалось в чистом виде, а тут же в хозяйстве перерабатывалось на масло, которое реализовывалось в Ярославле по 10–16 руб. за пуд. Такое умелое хозяйствование приносило владельцам Карабихи до 12 тыс. руб. чистой прибыли в год¹⁰.

Погубернское изучение эволюции помещичьего хозяйства показало, что ее темпы сильно зависели от общего экономического развития местности, степени вовлеченности сельского населения в промысловые занятия. Главным образом, по этим причинам помещичьи хозяйства более экономически развитых Ярославской и Владимирской губерний вынуждены были перестраиваться быстрее, чем костромские имения. Причем Ярославская губерния была единственной губернией в регионе, где капиталистическая система в полеводстве во всех группах имений преобладала над отработками. В то же время обратной стороной этой перестройки были высокие темпы распродажи дворянских земель. В Верхнем Поволжье они

---

¹⁰ Описание отдельных русских хозяйств. Вып. 13. СПб., 1898. С. 11–12.

были в полтора раза выше, чем в среднем по Европейской России¹¹. Это указывает на то, что процесс смены ментальности землевладельцев, формирование помещика нового типа происходил сложно и очень болезненно для местного дворянства, а без этого капиталистическая перестройка помещичьего хозяйства не могла быть доведена до конца.

Литература

1. *Александров Н.М.* Размеры и виды сдачи земли в аренду помещиками Верхнего Поволжья в конце XIX в. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 232–240.
2. *Александров Н.М.* Уровень развития капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве Верхнего Поволжья в пореформенный период // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2003. С. 88–102.
3. *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М., 1969.
4. *Бикбулатов Т.Э.* Веретейская волость. Историко-краеведческий очерк. Ярославль, 2008.
5. *Будаев Д.И.* Смоленская деревня в конце XIX – начале XX в.: К вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск, 1972.
6. *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.* Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX – XX веков (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1. С. 59–97.
7. *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения. М., 1982.
8. *Козлов С.А.* Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX в.: по материалам экономической печати. М., 2012.
9. *Никулин В.Н.* Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века. Калининград, 2005.
10. *Роднов М.И.* Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – XX вв.). Уфа. 2012.

---

¹¹ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 12–17.

Кредитная кооперация в дореволюционной России: основные направления современных исследований

В статье проанализированы современные исследования, посвященные развитию российской кредитной кооперации в дореволюционный период. Определены основные достижения и перспективы дальнейшего изучения данной научной проблемы.

Ключевые слова: кредитная кооперация; дореволюционная Россия; современные исследования; крестьянство; модернизация.

В конце XX в. активизировалась научная разработка истории кооперативного движения в России в целом и кредитной кооперации в частности. При этом были сформированы принципиально новые исследовательские подходы к прошлому отечественного кооперативного движения, его роли в модернизации аграрного сектора дореволюционной России. Результаты исследований регулярно обсуждаются на сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

Основной вектор изучения истории кредитной кооперации на современном этапе во многом был определен фундаментальным трудом видного ученого А.П. Корелина «Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в.», вышедшей в 1988 г. [18]. Используя обширную источниковую базу, автор проанализировал общие черты и организационные принципы деятельности ссудосберегательных и кредитных товариществ, причины и цели их возникновения в российской деревне, показал роль кредитных кооперативов в обеспечении крестьянства доступным кредитом, поднятии культурно-технического уровня крестьянских хозяйств. До настоящего времени данный труд не потерял своей актуальности, став «классическим» по рассматриваемой проблематике. Через двадцать лет не менее крупным событием в историографии стало появление еще одного монографического исследования А.П. Корелина, в котором представлена обобщающая картина развития российской кооперации в 1860–1917 гг. [20].

Большой вклад в изучение кооперации внесен работами известного историка Л.Е. Файна [42, 43]. В его монографии «Отече-

---

¹ Будкина Юлия Борисовна, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, jullyb@mail.ru, Россия, г. Рязань.

ственная кооперация: исторический опыт» обстоятельно освещен процесс развития кооперативного движения, показано место кредитной кооперации в нем, сделан акцент на теоретической основе кооперативной деятельности. В другом труде, «Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930», Л.Е. Файн принял попытку «историографии историографии», оценив не исторические, а только историографические работы по кооперации. В частности, ученый проанализировал и оценил собственные труды по историографии различных проблем кооперативного движения, опубликованные в 70–80-х гг. XX столетия.

Практически одновременно в 1996–1997 гг. появился ряд монографических исследований (В.С. Дякин [9], В.В. Кабанов [10, 11], Ким Чан Чжин [12], А.В. Лубков [23]), авторы которых обратились к различным аспектам развития мелкого кредита и кооперации в предвоенные годы, период Первой мировой войны и революции 1917 г., во многом определив дальнейший вектор изучения вопросов кооперации.

Важной вехой в истории изучения всех видов кооперации, особенно кредитной, стало издание с 1991 г. при Институте экономики РАН сборника статей «Кооперация. Страницы истории». Здесь получили отражение различные этапы развития кооперативного движения в России, поднимался ряд важных вопросов о месте и роли кооперации в народном хозяйстве страны в прошлом и на современном этапе. Сборники выделяются удачным сочетанием публикаций общероссийских и региональных сюжетов по истории кооперации. Проблема кредитной кооперации заняла в них надлежащее место [16, 19, 34, 41, 44].

В рамках современного научного поиска развитие кредитной кооперации нередко рассматривается как составная часть проблемного поля других исследований, чаще всего при изучении земской деятельности [13, 21, 25, 32, 33, 35]. В качестве примера стоит отметить монографию Н.Г. Королевой, где рассмотрены основные направления и особенности хозяйственной работы земств в эпоху масштабных аграрных преобразований в России. Значительное место в исследовании уделено роли земства в развитии мелкого кредита. На основе анализа характера и этапов взаимоотношений земств и кредитных кооперативов в предвоенный период Н.Г. Королева сделала вывод о том, что «финансовые проблемы самих земств, недо-

статок специалистов, недоверие к новым ячейкам получения мелкого кредита, сомнение в их стабильности и прочности мешали эффективности и планомерности деятельности земств в деле становления кредитной кооперации» [21, с. 151].

Роль духовенства в организации и деятельности кредитных кооперативов активно изучается тюменским исследователем А.Л. Вычугжаниным [3, 4, 5]. В его работах показаны основные мотивы участия священнослужителей в создании системы мелкого народного кредита, а также масштабы и трудности этого участия.

Одним из приоритетных направлений исследовательских усилий историков с 90-х гг. прошлого столетия является изучение региональных особенностей развития кооперации. В связи с этим, хотелось бы выделить монографию саратовского исследователя И.Н. Коновалова, в которой представлена история становления и развития крестьянской кооперации в 1900–1917 гг. по материалам Северного, Центрально-Черноземного, Приуральского и Поволжского районов Европейской России. Автор пришел к выводу, что «значение учреждений мелкого кредита в укреплении и развитии социально-экономического положения крестьянства нельзя оценивать однозначно». По мнению И.Н. Коновалова, «из-за недостатка средств и огромной потребности в кредитах кооперативы могли обеспечивать лишь самые насущные нужды крестьянских хозяйств. Кроме того, из-за крайней бедности деревни значительная часть средств шла на потребление» [17, с. 108–109].

В докторских и кандидатских диссертациях (Д.А. Ковылин [14], А.В. Лубков [24], А.Н. Макеев [26], О.В. Моисеева [27], Г.С. Огрызкова [29], М.В. Панова [30], В.Г. Пурнов [36], Т.Н. Сидоренко [38], Р.Г. Соларев [39], Т.Н. Солодовникова [40], И.И. Целовальникова [45] и др.) по материалам отдельных губерний и областей кредитная кооперация рассматривается преимущественно как составная часть кооперативного движения.

В диссертационных исследованиях Р.А. Гуляева (Пензенская губерния) [7], Ю.О. Петровой (Владимирская губерния) [31], Р.А. Мухамедова (губернии Среднего Поволжья) [28] и автора этих строк (Рязанская губерния) [1] процесс возникновения и развития кредитной кооперации получил самостоятельное «звучание». Изучение деятельности кредитных кооперативов в условиях конкретного региона позволяет оценить их роль в развитии крестьянских хо-

зйств, сокращении масштабов и значения ростовщичества, возрастании социальной активности и самодеятельности крестьянства.

В связи со 100-летием начала Первой мировой войны современная историография обогатилась работами, затронувшие широкий круг проблем, связанных с влиянием войны на российский социум. Не остались без внимания и темы деятельности кредитной кооперации и других видов кооперативных объединений в военный период [2, 6, 22, 37]. Однако до настоящего времени многие аспекты функционирования кредитных кооперативов, их роль и значение в российской деревне военного времени остаются наименее изученными.

Одним из динамично развивающихся исследовательских направлений в последние годы стало изучение аграрной модернизации России конца XIX – начала XX в., где кооперация рассматривается как значимый фактор модернизационных процессов. В этой связи, обращает на себя внимание капитальная монография С.А. Козлова. Ключевые аспекты модернизации сельского хозяйства были им изучены на примере губерний Центрального Нечерноземья с 1894 г. до февральских событий 1917 г. В качестве основы для своих выводов автор широко использовал материалы экономической печати конца XIX – начала XX в. По его мнению, именно кооперация в период с 1907 г. до начала Первой мировой войны становится «одним из наиболее эффективных путей развития аграрной модернизации Центрального Нечерноземья, с помощью которого крестьянство стремилось избежать капиталистического расслоения». Кроме того, С.А. Козлов акцентирует внимание на том, что «кооперация «втягивая» крестьян в рынок и раскрепощая их частную и общественную инициативу, позволяла им отчасти нивелировать негативное влияние общины, препятствовавшей внедрению аграрных новаций» [15, с. 257, 409–410].

Обращение к теме развития кредитной кооперации присутствует в работе М.А. Давыдова. Анализируя данные прежде всего статистических источников, автор показал динамику развития кредитных и ссудосберегательных товариществ по районам с указанием губерний-лидеров в период Столыпинской аграрной реформы. Основной вывод М.А. Давыдова заключается в том, что «вклад кредитных кооперативов в подъем предвоенной деревни был огромен» [8, с. 702].

Давая оценку основным направлениям современного научно-

го поиска, можно сделать вывод о том, что кредитная кооперация дореволюционной России в основном рассматривается в контексте всего кооперативного движения или как составная часть проблемного поля других исследований. Значительно расширилась география изучения деятельности кредитной кооперации во второй половине XIX – начале XX вв., проведен сравнительный анализ отдельных регионов с общероссийскими тенденциями развития кооперации, что позволило доказать типичность явлений, определить общее и выделить особенное в рамках конкретных губерний и областей. Работ, где кредитная кооперация стала предметом специального исследования недостаточно, чтобы комплексно оценить ее деятельность в общероссийском масштабе и на уровне отдельных губерний в контексте социально-экономических реалий страны. История развития кредитной кооперации не может считаться обстоятельно изученной. До сих пор не получили должного освещения такие вопросы, как восприятие крестьянством кооперативного кредита, роль кредитной кооперации в построении гражданского общества. Наименее изученной остается деятельность кредитных кооперативов в период Первой мировой войны.

Перспективы дальнейшего изучения кредитной кооперации в дореволюционной России видятся, прежде всего, в развитии региональных исследований. Многие аспекты деятельности кредитных кооперативов, а также ряд важных региональных особенностей требуют более внимательного отношения со стороны исследователей. Необходимы усилия по расширению источниковой базы, что может помочь в ликвидации «белых пятен» и способствовать появлению новых сюжетов для изучения.

Литература

1. Будкина Ю.Б. Кредитная кооперация в Рязанской губернии (1870 – октябрь 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2010.
2. Будкина Ю.Б. Кредитная кооперация в 1914 г. (по материалам Рязанской губернии) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне: доклады и выступления участников IV Международной научно-практической конференции. М., 2015.
3. Вычугжанин А.Л. Об участии русской православной церкви в развитии кредитной кооперации // Вестник архивиста. 2006. № 6.
4. Вычугжанин А.Л. Участие священников в деятельности кредитных товариществ // Приход: православный экономический вестник. 2011 №3
5. Вычугжанин А.Л. Церковь, деньги, кредит. Тюмень, 2014.
6. Вычугжанин А.Л. Особенности деятельности кредитных кооперативов в

- Тобольской губернии в период Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 4.
7. *Гуляев Р.А.* Становление и развитие кредитной кооперации Пензенской губернии в 1904–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006.
  8. *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2016.
  9. *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб., 1997.
  10. *Кабанов В.В.* Кооперация, революция, социализм. М., 1996.
  11. *Кабанов В.В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997
  12. *Ким Чан Чжин.* Государственная власть и кооперативное движение в России-СССР (1905–1930). М., 1996.
  13. *Кобзева Т.А.* Земские органы самоуправления Симбирской губернии 1905–1918 гг. Ульяновск, 2012.
  14. *Ковылин Д.А.* Кооперация в казачьих районах России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... докт. ист. наук. М., 2012.
  15. *Козлов С.А.* Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX в.: по материалам экономической печати. М., 2012.
  16. *Козлова Е.Н.* Развитие кооперации в России и ее роль в обновлении страны (1906–1917 гг.)//Кооперация. Страницы истории. Вып.3. М., 1993.
  17. *Коновалов И.Н.* Крестьянская кооперация в России (1900–1917). Саратов, 1998.
  18. *Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988.
  19. *Корелин А.П.* Земства и мелкий кредит // Кооперация. Страницы истории. Вып. 4. М., 1994.
  20. *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860 – 1917 гг. М., 2009.
  21. *Королева Н.Г.* Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907–1914). М., 2011.
  22. *Кузьмин В.Г.* Состояние кредитной кооперации Псковской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2015. № 2.
  23. *Лубков А.В.* Война. Революция. Кооперация. М., 1997.
  24. *Лубков А.В.* Кооперативное движение Центральной России. 1907–1918 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 1998.
  25. *Мазилкина М.В.* Земство и кредитные кооперативы Новгородской губернии во второй половине XIX–начале XX вв.: дис.канд.ист. наук. СПб. 2008
  26. *Макеев А.Н.* Кооперативное движение в Енисейской и Иркутской губерниях в 1908 – 1920 годы: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007.
  27. *Моисеева О.В.* Развитие кооперативных отношений на селе во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Дона, Кубани и Ставрополья: дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2007.
  28. *Мухамедов Р.А.* Кредитная и ссудосберегательная кооперация в средне-

- волжской деревне во второй половине XIX – 1920-е годы: автореферат дис. ... докт. ист. наук. Саранск, 2009.
29. *Огрызкова Г.С.* История сельского кооперативного движения в Рязанской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: дис. канд.ист.наук. Рязань, 2006.
  30. *Панова М.В.* Сельская кооперация Западной Сибири в период первой мировой войны и революции (1914–1918 гг.): дис.канд.ист. наук. М., 2001
  31. *Петрова Ю.О.* Становление и развитие кредитной кооперации во Владимирской губернии в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2009.
  32. *Петровичева Е.М.* Земства Центральной России в период Думской монархии (1906 г. – первая половина 1914 г.). М., 2001.
  33. *Петровичева Е.М.* Земства Центральной России в период Первой мировой войны. М., 2001.
  34. *Подколзин Б.И.* Кооперативный кредит в России: концептуальные истоки (рубеж 60-70-х годов XIX века) // Кооперация. Страницы истории. Вып.3. М., 1993.
  35. *Приятелев В.В.* Деятельность Вологодского губернского земства по развитию кооперативных организаций в Вологодской губернии (1870–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
  36. *Пурнов В.Г.* Крестьянская кооперация России конца XIX – начала XX вв.: опыт становления и развития (на материалах Саратовской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998.
  37. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014.
  38. *Сидоренко Т.Н.* Возникновение и развитие кооперации на Кубани (вторая половина XIX – 1920 г.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2000.
  39. *Соларев Р.Г.* Государственная власть и крестьянская кооперация в конце XIX – 1930 г. (по материалам Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2010.
  40. *Солодовникова Т.Н.* История сельского кооперативного движения в Центрально-Черноземных губерниях России в конце XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996.
  41. *Страхов В.В.* Из истории дореволюционной кредитной кооперации в Рязанской губернии // Кооперация. Страницы истории. Вып.15. М., 2010.
  42. *Файн Л.Е.* Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1994.
  43. *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002.
  44. *Фигуровская Н.К.* Некоторые исторические уроки развития кооперации в России конца XIX – начала XX века // Кооперация. Страницы истории. Вып. 3. М., 1993.
  45. *Целовальникова И.И.* Сельскохозяйственная кооперация в Среднем Поволжье в 1906–1917 гг.: по материалам Самарской и Симбирской губерний: дисс. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2005.

«Царь-голод» 1891–1892 гг. в Воронежской губернии и его последствия

В статье рассматривается положение крестьянства Воронежской губернии во время неурожая 1891–1892 гг. Дается оценка мероприятиям местной и центральной администрации по предотвращению голода. Оцениваются последствия голодных лет для социально-экономического положения крестьянства.

Ключевые слова: крестьянство; Воронежская губерния; неурожай 1891–1892 гг.; голод; администрация; земство; мероприятия.

Голод 1891–1892 гг., охвативший 17 губерний Европейской России, стал крупным и поистине драматическим событием в общественной жизни России. Могущественная держава, вступившая после отмены крепостного права в период бурного экономического и культурного развития, столкнулась с крайне болезненным социальным явлением: почти 12 млн крестьян центрально-черноземных и поволжских губерний не имели продовольственных ресурсов и могли погибнуть от голода. С революционной страстью связывал причины крестьянских бед с политикой царизма В.И. Ленин: «Хищническое хозяйство самодержавия, – утверждал лидер большевиков, – покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности» [5, с. 278]. По язвительному выражению консервативных публицистов, неурожай зерновых в России всегда порождали богатый урожай оппозиционной риторики. Понятно также и то, что в историографии советского времени преобладали оценки «царя-голода» как естественного и закономерного для самодержавия, антинародный характер которого никаких сомнений не вызывал [1, с. 227].

В западной исторической литературе содержались менее политизированные выводы. Основной причиной плохих урожаев русского крестьянства чаще всего признавалась его культурная отсталость, приводившая к истощению почв, к обеднению и неспособности справиться с природными невзгодами. Пожалуй, только амери-

---

¹ Карпачев Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет, m-karpach@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

канский исследователь Дж. Симмс призвал внимательней присмотреться в жизни русской деревни. Он считал адекватной общим экономическим условиям России агротехническую культуру русского крестьянства, а в бедствии 1891 г. решающими признал непреодолимые факторы стихийного характера. Он вообще выступил против распространенного тезиса об аграрном кризисе в России и об ухудшении материального благосостояния крестьянства к концу века [15, р. 236].

Острые споры о природе крестьянских невзгод неожиданно возникли в новейшей отечественной литературе. В частности, Б.Н. Миронов, подчеркивая общий неуклонный рост благосостояния народа после отмены крепостного права, оценил голод 1891 г. как частный эпизод, связанный с действием климатических факторов [7, с. 571]. «Оптимистические» оценки Миронова встретили острую критику со стороны последователей традиционной интерпретации причин крестьянской нужды [8, с. 73–86; 9, с. 136–144]. Назрела необходимость рассмотреть историю голода 1891–1892 гг. на материалах конкретного региона.

Воронежская губерния числилась среди наиболее пострадавших. Непосредственной причиной 2-летнего бедствия стало здесь резкое падение сбора хлебов и трав из-за крайне неблагоприятных климатических условий. Суровая и малоснежная зима 1890/1891 гг., заморозки весной и длительное отсутствие дождей привели к гибели озимых посевов². А исключительно засушливое лето нанесло большой ущерб яровым культурам и травам. В результате в некоторых местах не удалось восполнить даже семена. По подсчетам губернских статистиков, на семена земледельцы губернии в 1891 г. израсходовали около 17 млн пуд. зерна, а полученный урожай составил всего около 18 млн пуд. при урожайности в целом по губернии сам – 1,2³. При этом сильнейший неурожай в равной мере затронул крестьянские и помещичьи хозяйства.

Тем временем, специалисты-аграрии того времени определяли ежегодную потребность в продовольственном зерне примерно в 20 пуд. на душу населения. При общей численности населения в 2,3

---

² Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии за 1891 г. Период I – зима и весна. Воронеж, 1891. С. 15.

³ Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии за 1891 год. Период II – лето и осень. Воронеж, 1891. С. 15.

млн человек, в губернии необходимо было произвести на потребление людям и на корм скоту около 45 млн пуд. зерна и на семена очередной посевной кампании около 17 млн пудов. Для обеспечения продовольственной безопасности нужно было собирать ежегодно примерно 60–62 млн пудов. Такой урожай считался минимально достаточным для внутренних губернских нужд. Но черноземная губерния являлась одной из житниц России. При среднем урожае за ее пределы вывозилось ежегодно примерно по 20–25 млн пуд. хлеба. Поэтому нормальным для губернии считался урожай в 80–90 млн пуд. зерновых. Перед мировой войной по ходу развертывания столыпинских реформ земледельцы губернии стали получать по 130 млн пуд. хлеба, а ежегодный вывоз превышал 30 млн пудов⁴.

При аграрном характере экономики страны неурожаи неизбежно становились народным бедствием. Так было, например, в западных губерниях в 1867 г. и в Самарской губернии в 1873 г. Поэтому в XIX в. была создана весьма разветвленная система продовольственного обеспечения крестьянства попадавших в беду регионов. Продовольственные ресурсы (натуральные или денежные) запасались впрок и концентрировались на трех уровнях: мирском (или волостном), губернском и общеимперском [10, с. 63]. Недобор в 45 млн пуд. мог быть частично возмещен запасами крестьян и землевладельцев от прошлых лет. Они оценивались статистиками примерно в 20 млн пудов. Кроме того, в запасных продовольственных магазинах губернии должно было храниться около 10 млн пудов. После 1864 г. забота о запасных магазинах была возложена на уездные земства, не располагавшими возможностями, чтобы побудить крестьян своевременно пополнять магазины и, как признал министр земледелия А.С. Ермолов, в действительности в них хранилось примерно 25 % зерна от норматива [2, с. 27].

Возникла трагическая перспектива длительного голодания крестьян, значительная часть которых покупала хлеб и в урожайные годы. Но важно то, что хлеб в такие годы можно было заработать. Бедные и даже средние крестьяне предпочитали покупать хлеб у помещиков, имевших зерновые излишки. Очевидец свидетельствовал, что в 1890 г. крестьяне почти все поголовно покупали хлеб, за исключением лишь богачей. «Началась покупка с Рождества, глав-

---

⁴ Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии 1914–1916 гг. Воронеж, 1916. С. 23.

ным образом, у помещиков, ибо у своего брата надо было заплатить, хотя и при займе в долг, в полтора раза дороже»⁵.

Тревога властей по поводу сильнейшего неурожая отчетливо обнаружился уже в разгар лета 1891 г. При губернской администрации было собрано Особое совещание по продовольственной части, которое приступило к проектированию мер «в видах облегчения тяжелого положения населения». В состав совещания входили все уездные предводители дворянства (как руководители уездных администраций), председатель губернской земской управы И.А. Лисаневич, воронежский городской голова И.В. Титов, а также прибывший из Петербурга для оказания помощи местным властям чиновник особых поручений при министре внутренних дел М.В. Арцимович. Началась кампания по организации помощи голодающим крестьянам. Уже в октябре чиновники губернского правления стали отчислять деньги из своего жалованья в помощь голодающим (примерно 1 % от своего жалованья)⁶. По распоряжению правительства в губернию начали поступать продовольственные ссуды, причем ради экономии хлебных ресурсов по распоряжению императора был введен временный запрет на экспорт зерна. С большим напряжением население и администрация готовились к преодолению бедствия.

Но неурожай постиг Воронежскую губернию и в следующем году. Вновь погодные условия оказались исключительно плохими. В конце лета и осенью 1891 г. в тяжелых условиях был проведен сев озимой ржи. По исследованию Острогжской метеостанции земля ко времени озимых посевов высохла на глубину до полутора аршин (т.е. около 1 м). До конца октября редкие дожди выпали только в северных уездах. В обширных же южных уездах (Богучарском, Острогжском, Валуйском) сухая и ветреная погода стояла до глубокой осени. Кроме того, после неурожая 1891 г. семян ржи было мало, крестьяне расходовали их существенно меньше обычного (примерно 6 пуд. на десятину при обычной норме в 9–10 пуд.). В итоге всходы озимых оказались очень слабыми, засушливая же и ветреная весна ухудшила положение дел. А жаркое лето привело к большим потерям и яровых культур. Новое бедствие усугубилось

---

⁵ Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии за 1890 год. II период. Воронеж, 1890. С. 83.

⁶ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф 6. Оп.1. Д.46. Л.4, 5, 11.

появлением, по словам официального обзора, «в несметном количестве» итальянской саранчи. «Это насекомое совершенно уничтожило хлеба, на которых появлялось, в особенности пшеницу и рожь, и зеленая нива делалась совершенно черною»⁷.

И все же в 1892 г. неурожай в целом по губернии не был таким жестоким, как в 1891 г. Официальный отчет констатировал: «Неурожай 1891 года охватил всю губернию. В текущем году неурожай распространился только на часть губернии, преимущественно на южные ее уезды, и, тем не менее, он оказался значительно тяжелее прошлогоднего. У земства в прошлом году был почти полуторамиллионный продовольственный капитал. Кроме того, в запасе в сельских общественных магазинах числилось 463123 четверти озимого и 146836 четвертей ярового хлеба». Размеры частных запасов крестьян составляли в 1891 г. 1230000 четвертей (примерно 1200000 пуд. – *М.К.*) разного хлеба, задолженность крестьян казне не достигла еще крайнего напряжения, хозяйственное положение не пошатнулось и скот был цел⁸. После вычета на семена для озимого и ярового посевов на продовольственное потребление оставалось на наличную душу около 8 пуд., т.е. менее половины нормы. Ситуацию усугубляло почти полное отсутствие запасов: в хлебных магазинах почти ничего не оставалось после раздач в зиму 1891/1892 гг.⁹.

В докладе о сложившейся ситуации председатель Богучарской уездной земской управы А. Левченко сообщил губернатору 27 мая 1892 г.: «Вследствие гибели трав и озимых посевов народ оказался в безвыходном положении. Скот гибнет с голоду, а народ доедает последний хлеб. В уезде запасов хлеба почти не осталось. Необходимо ввезти извне и сделать это следует сейчас же, промедление может быть губительно. Для уезда потребуется немедленно до 20 тыс. четвертей ржи на продовольствие до половины августа. Уездная управа сумм для приобретения хлеба не имеет»¹⁰. Аналогичные сообщения шли и из других уездов. Постановление губернской земской управы от 27 июня 1892 г. гласило: «Сообщения уездных земских управ о состоянии полей, исследования, произведен-

---

⁷ Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Отд. II, статистический. Воронеж, 1894. С. 2.

⁸ Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии за 1891/92 год. Период II – лето и осень. Воронеж, 1892. С. I–II.

⁹ Там же. С. 11, 17.

¹⁰ ГАВО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 448. Л. 198.

ные губернской управы для выяснения видов на урожай, свидетельствуют, что население большей части Воронежской губернии в предстоящем продовольственном году не в состоянии прокормиться от предвидимого в сем 1892 году урожая». Управа сочла необходимым проведение чрезвычайного земского собрания для изыскания средств на борьбу с последствиями недорода, в том числе с угрозой появления холеры¹¹.

О том, что положение в 1892 г. оказалось еще более тревожным, писал и председатель губернской земской управы И.А. Лисаневич. Обследовав Богучарский уезд весной 1892 г., он зафиксировал, что в мае и июне стоявшая всю весну невероятная засуха, «погубила сенокосы, почему на май и июнь рабочее население заработка не имеет». Следовательно, теперь нужно в число нуждающихся в продовольственной ссуде включать и работников, тем более что богучарские крестьяне не могли найти заработков и в соседней Области Войска Донского¹². Такое же решение приняло земство Павловского уезда. Неудовлетворительное состояние посевов и отсутствие заработков побудило чрезвычайное собрание местного земства принять решение о выдаче продовольственных ссуд нуждавшимся, включая теперь и работников, до августа месяца включительно. Поэтому в Павловский уезд понадобилось срочно поставить дополнительно 100 тыс. пуд. хлеба¹³.

Заметную роль в борьбе с последствиями 2-летних недородов сыграл губернатор Е.А. Куровский. Это был опытный чиновник, обладавший широким культурным кругозором. Уже в 1891 г. Куровский был включен в состав государственной комиссии по организации помощи пострадавшим губерниям, во главе которой стоял министр внутренних дел И.Н. Дурново. Как нередко бывало в России, кампания по оказанию населению продовольственной помощи поначалу проходила суматошно и порой без серьезного учета реальных потребностей. Правительство направило в Центральное Черноземье специально уполномоченных чиновников высокого ранга для координации закупок и поставок продовольственного и семенного зерна в голодавшие регионы. В задачу генерал-лейтенанта Н.М. Цеймерна входила организация подвоза хлеба в

---

¹¹ ГАВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1959. Л. 1.

¹² Там же. Д. 448. Л. 193.

¹³ Там же. Л. 205.

Воронежскую губернию из более благополучной Саратовской губернии. Генерал-лейтенант С.И. Толстой был с аналогичной целью командирован в Ростов-на-Дону; в степных районах Северного Кавказа тоже имелись хлебные излишки.

Прием и распределение продовольственной помощи находились под постоянным контролем губернатора. Для установления числа действительно нуждавшихся крестьян земским начальникам был поручен осмотр крестьянских дворов и составление списков тех, кому действительно нужна была продовольственная ссуда. Между тем проверки неоднократно показывали, что в списки нуждавшихся часто попадали крестьяне вполне зажиточные, надеявшиеся, что добиваться возврата ссуды власти не будут.

Крестьяне быстро проникались уверенностью, что без царской помощи они не останутся в любом случае, поэтому в их среде стало проявляться элементарное иждивенчество. Вот почему губернатору и земским учреждениям пришлось довольно быстро скорректировать организацию помощи. Было решено, что бесплатная раздача возможна лишь в случае острой нужды. Правилom же стала организация помощи в виде вознаграждения за проведение общественных работ. Уездные земские управы должны были организовать мелиоративные работы, развернуть дорожное строительство, сооружение водоемов и т.п. Во втором голодном году стало заметно больше порядка, а продовольственная помощь оказалась весьма эффективной. Тем не менее, трудностей у местной администрации было немало. На станциях приема часто не хватало разгрузочных средств, мешков, наблюдалась медлительность или нераспорядительность чиновников. От Куровского шли телеграммы в Бобров, Валуйки, Павловск с требованием «не допускать залежи хлеба на станциях».

О сложностях с распределением помощи в общинах писал и И.А. Лисаневич. Уездным управам, сетовал он, приходится проявлять осторожность, невзирая на недовольство тех, кто не нуждался, но желал получить даровой хлеб. Лисаневич сам был свидетелем, когда сельский староста указывал члену уездной управы, что в списке нуждавшихся крестьян есть и такие, кто реально не нуждался. При этом он просил, чтобы его информация была сохранена в тайне. «Это характеризует отношение населения к делу продоволь-

ствия, что может быть обрисовано так: каждый и не нуждающийся силится захватить все то, что захватить можно»¹⁴.

Положение в целом удалось нормализовать к концу зимы 1892/1893 гг. Но вагоны с зерном продолжали поступать и зачастую оставались неразгруженными. Губернатор был вынужден обратиться к Цеймерну с просьбой прекратить поставку продовольственного хлеба Бобровскому уезду, «вполне обеспеченному». Кроме того, панические донесения с мест нередко бывали преувеличенными. Случались и курьезы. В декабре 1892 г. власти распорядились спешно отправить в Валуйский уезд 25 вагонов кукурузного зерна. Однако вскоре губернская администрация попросила кукурузу больше не присылать. Она ссылалась на то, что крестьяне не умели обращаться с кукурузой и не желали ее разгружать. Взамен голодающие крестьяне просили прислать им рожь, тем более что на другие станции подвозилось все-таки привычное зерно¹⁵. Факт этот весьма показателен: в подвозе хлеба крестьяне, конечно, нуждались, но до дистрофии дело, к счастью, не доходило.

На предоставление земствам продовольственных ссуд из государственного бюджета была выделена громадная по тем временам сумма в 152 млн руб. [10, с. 66]. Деньги выдавались губернским управам в виде долгосрочных кредитов. Воронежская губерния получила свыше 10 млн руб. На ссуды земства закупали продовольствие (зерно или муку) и продавали его крестьянам по заготовительной цене. Впрочем, не отказывались крестьяне и от прямой продовольственной помощи. При круговой поруке за возврат полученного в ссуду хлеба можно было отдельным семьям особенно не тревожиться. Долг раскладывался на всю деревню, возврат же непрерывно откладывался. Стандартный размер ссуды был определен в 30 фунтов (12,3 кг) на едока в месяц. Весной 1892 г. максимальное число получателей ссуды по всей России составило 11,85 млн человек. В Воронежской губернии ею воспользовалось около 1 млн крестьян [3, с. 15-16].

Была ли деятельность администрации эффективной? Этот вопрос заслуживает положительного ответа. С.И. Толстой 14 февраля 1893 г. писал воронежскому губернатору, что Павловский и Валуйский уезды получили все запрашиваемое ими через губернатора ко-

---

¹⁴ Там же. Л. 97.

¹⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 73. Л. 10.

личество продовольственного хлеба, «а остальные уезды будут удовлетворены в непродолжительном времени»¹⁶. С таким же успехом действовал и Н.М. Цеймерн. Коротоякская уездная земская управа 26 марта 1893 г. докладывала губернатору, что она окончила прием присланного уполномоченным хлеба и при этом сообщала: «По качеству своему хлеб хорош, чист, сорных примесей не более 2 %. Продовольственные ссуды разрешены на апрель месяц всем сельским обществам, получающим ссуду, а именные списки нуждающихся отосланы до 27 марта»¹⁷.

Неожиданно для властей обнаружилось, что община оказалась не столько помощником в борьбе с голодом, сколько довольно каверзным и капризным противником. Воронежское земство, в частности, отмечало, что в 1891–1892 гг. «выдача ссуд безземельным крестьянам сопряжена с большими затруднениями по невозможности установления круговой поруки, требуемой законом»¹⁸. Связанные круговой порукой состоятельные крестьяне-общинники нередко предпочитали вовсе не брать ссуду, чтобы не отвечать материально за бедноту. Учитывая это, Бобровское уездное земское собрание ходатайствовало о замене круговой поруки сельских обществ «круговою порукою домохозяев-заемщиков и о введении обязательных общественных запасок как меры, обеспечивающей возврат продовольственных ссуд»¹⁹. Вообще кампания борьбы с голодом выявила весьма неприглядные стороны общины. Круговая порука побуждала состоятельных крестьян получать ссуды. Община к концу века окончательно расставалась со следами былой солидарности. Кулаки охотно пользовались дефицитом зерна, чтобы взвинтить цены и нажиться, по сути дела, на беде своих же односельчан. Как писал уездный предводитель дворянства Новохоперского уезда, к лету 1892 г. продовольственная ситуация стала менее напряженной, но земство все-таки должно продолжать предоставление ссуд. «Если не обеспечить покупку ржи на продовольствие по дешевой цене, то большая часть урожая яровых уйдет в руки местных деревенских кулаков, благодаря которым мука, дошедшая на городских

---

¹⁶ Там же. Д. 72. Л. 104.

¹⁷ Там же. Д. 73. Л. 168.

¹⁸ Там же. Д. 1960. Л. 94.

¹⁹ Там же. Л. 95.

базарах до 1 р. 15 к., вновь повысилась в селениях с дурными видами на урожай до 1 р. 50 к.»²⁰.

В итоге правительству, а также местным властям удалось предотвратить массовую гибель крестьян. Государственная помощь предоставлялась не только продовольствием. В пострадавших от неурожая местностях дрова для отопления народных столовых и для хлебопекарен отпускались бесплатно из казенных дач. Такая выдача широко практиковалась и в Воронежской губернии. Только в одном Бирюченском уезде дрова выписывались для 10 столовых и 11 пекарен²¹. Чеки на выдачу дров распределяла жена губернатора Куровского. Кроме того, крестьянам предоставлялось право на бесплатный выпас скота в казенных лесных угодьях²².

В отчете губернского статистического комитета было зафиксировано: «Благодаря восполнению из указанных местных и правительственных средств, а также и широкой общественной благотворительности, обнимавшей все стороны крестьянской жизни, население Воронежской губернии, пострадавшей от неурожая, было обеспечено продовольствием»²³. Обращаясь к Александру III 13 января 1893 г. с благодарственным посланием, руководители губернского земства отметили, что правительство «щедрою рукою пришло на помощь пострадавшему населению». На докладе министра внутренних дел царь начертал: «Очень рад»²⁴. По мнению американского исследователя Р. Роббинса царская администрация организовала помощь голодающим лучше, чем английская в Индии и Ирландии примерно в те же годы [14, р. 120]. Дж. Симмс, разделяя это мнение, отметил, что в целом российская экономика удар стихии выдержала, и ее рост вскоре продолжился [16, р. 67].

Местная администрация заслужила положительную оценку со стороны А.П. Чехова, посетившего Воронежскую губернию в разгар кампании. Делясь впечатлениями о поездке, писатель 6 февраля 1892 г. сообщал: «Губернатор пригласил меня обедать, и мне пришлось много говорить и слышать о голоде... Губернатор Куровский скупает лошадей, где только возможно... и скупил их уже около 400

---

²⁰ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 448. Л. 226.

²¹ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2604. Л. 10.

²² Там же. Д. 2636. Л. 5.

²³ Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Отд. II, статистический. Воронеж. 1894. С. 22.

²⁴ ГАВО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1609. Л. 5.

голов... Куровский лошадей при себе не держит, а раздает их мужикам тотчас же после покупки. Он выписывает из голодных уездов безлошадников и говорит им: “Вот тебе лошадь. Ты будешь возить хлеб”. Безлошадник возит и таким образом зарабатывает на себя и на лошадь... Одним словом, лошадь дается ему в ссуду, и ссуда выплачивается мало-помалу теперь». Деятельность Куровского произвела на писателя хорошее впечатление. «Воронеж кипит. Голодное дело поставлено здесь гораздо основательнее, чем в Нижегородской губернии. Выдают не только хлеб, но даже переносные печи и каменный уголь. Устроены мастерские, много столовых. Вчера в театре был спектакль в пользу голодающих – сбор полный. Куровский интеллигентный и искренний человек... Он штатский, а для губернатора это большое удобство: он чувствует себя свободнее» [16, с. 356–357]. Чехов полагал, что недурно шли дела помощи голодающим и в Бобровском уезде на Хреновском конном заводе, который он посетил вместе с А.С. Сувориным (16, с. 358).

Но, конечно, «царь-голод» стал тяжелым испытанием и сопровождался большими потерями для народа. Примечательно, что численность населения Воронежской губернии, составлявшая около 2,5 млн человек (95 % составляли крестьяне), в 1891 г. увеличилась на 25 тыс. человек, что было существенно меньше, чем в обычные годы. А в 1892 г. произошло сокращение примерно на 30 тыс. человек из-за болезней, плохого питания и снижения рождаемости. В 1903 г., оценивая последствия двухлетнего неурожая, земский служащий Бирюченского уезда В.П. Менжулин писал, что «голодовка, болезни и ненормально увеличившаяся смертность населения, бескормица и значительная убыль рабочего скота, громадная частная задолженность и накопление недоимок у крестьян – вот те главные факторы, которые понизили уровень экономического благосостояния населения и надолго расстроили ход крестьянского хозяйства» [6, с. 1]. По мнению обозревателя, это были проявления аграрного кризиса в его отечественной специфике.

Хотя случаев смерти от дистрофии практически не встречалось, но возросла заболеваемость, появились очаги тифа и холеры. Большой ущерб был нанесен экономике крестьян. Примерно на 30 % сократилось поголовье крестьянского скота, а поголовье овец сократилось даже на 43 %. Резко возросла финансовая задолженность крестьян. По подсчетам Ф.А. Щербины к 1 ноября 1892 г. об-

шая задолженность крестьян губернии составила более 31 млн руб. Поскольку в Воронежской губернии считалось 315 тыс. наличных крестьянских хозяйства, то на каждое хозяйство задолженность определялась в размере 98 руб. 75 коп., а на каждую наличную душу – около 14 руб. 32 коп. С учетом потерь скота и распроданного имущества убытки крестьян составили почти 45 млн руб. или на одно хозяйство – 141 руб. 52 коп. «Иначе говоря, если бы все наличные работники нанялись на год в батраки, то при средней цене в 60 руб., у них не хватило бы заработанных средств для погашения долгов и приобретения вновь убывшего скота» [12, с. 5].

Кампания по оказанию помощи голодающим закономерно повышала активность передовой интеллигенции. В Нижегородской губернии энергичную работу по организации продовольственной помощи крестьянам вел писатель-демократ В.Г. Короленко. Опубликованные вскоре очерки отразили впечатления писателя о тяжелых картинах голода в Поволжье [4, с. 114]. Помощь крестьянам Тульской и Рязанской губернии оказал Л.Н. Толстой, написавший серию статей о голоде. Тем не менее, оппозиционная общественность практически умалчивала о мероприятиях правительства, хотя объем государственной помощи в денежном выражении примерно в 10 раз превосходил размеры общественной благотворительности. Политические противники царизма были убеждены, что стихийные факторы оказались столь тяжелыми потому, что русская пореформенная деревня была бедна ресурсами, а крестьяне не имели необходимого запаса хозяйственной прочности.

Но определенные уроки властями были извлечены: принимались меры по улучшению организации продовольственной помощи. Уже в 1897 г. при очередном неурожае такая помощь была гораздо эффективней прежних лет. Строже стал контроль над пополнением хлебных запасов. Комиссией В.К. Плеве были подготовлены новые «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей», введенные в действие 12 июня 1900 г. По этому закону отменялась круговая порука сельских обществ за получение продовольственных ссуд и создавались губернские присутствия по продовольственной безопасности. Понижались выкупные платежи, как отдельным крестьянам, так и сельским обществам, попавшим в особо трудное положение. А затем уже

I Государственная дума приняла закон об организации продовольственной помощи в случае неурожая.

Резкое снижение платежеспособности крестьянского населения привело к неуклонному падению финансовой дисциплины и к непрерывному росту недоимок по налогам и ссудам на годы вперед [13, с. 126–128]. Правительство периодически списывало числившиеся за крестьянами недоимки, но это только усиливало недоборы по прямым налогам и долгам. Крупное списание крестьянской задолженности было произведено в 1904 г. Подлежали списанию, в частности, почти 900 тыс. руб. долга воронежских крестьян по продовольственным ссудам 1891–1892 гг.

В высших правительственных сферах России зрела уверенность в том, что только стихийными факторами периодические голодовки крестьян объяснить нельзя. По справедливому замечанию компетентного современника, крестьянская темнота – это тот тормоз, который «безусловно, задерживает правильный ход и дальнейшее развитие сельскохозяйственной промышленности у крестьян». Большая преграда на пути к продовольственной безопасности виделась специалисту в возрастании аграрного перенаселения. Избыток трудовых ресурсов приводил к длительной трудовой бездеятельности и как следствие – к пьянству. Из тощего крестьянского бюджета уходили сотни руб., «которые могли бы при некоторой бережливости пойти, например, на благое дело всеобщего обучения» [6, с. 34]. Избавиться от периодически повторявшихся голодовок русская деревня могла только в результате отхода от натурально-потребительской экономики, развития просвещения, кооперирования самостоятельных хозяйств культурного типа. Перед страной встала жгучая потребность в рациональном реформировании деревни, о чем в скором времени заявит П.А. Столыпин.

Литература:

1. *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1861–1904. М., 1984.
2. *Ермолов А.С.* Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892.
3. *Книга М.Д.* История голода 1891–1892 гг. в России: автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1997.
4. *Короленко В.Г.* В голодный год. Наблюдения и заметки из дневника // Собр. соч.: в 6 т. М., 1971. Т. 4.
5. *Ленин В.И.* Признаки банкротства // Полн. собр. соч. Т. 6.

6. *Менжулин В.П.* Экономическое состояние крестьян Бирюченского уезда в связи с отрицательными факторами их внутреннего быта, хозяйства и внешней природы // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 г. Воронеж, 1893. Отд. III. С. 34.
7. *Мионов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 571.
8. *Нефедов С.А.* К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // Российская история. 2011. №1.
9. *Островский А.В.* О степени социального расслоения в дореволюционной России // Межвуз. науч. конф. «Русская революция 1917 г.: проблемы истории и историографии». Сб. докладов. СПб., 2013.
10. *Пьянков С.А.* Система продовольственного обеспечения позднимперской России: кризисы и реформы законодательства // Отечественная история: взгляд из XXI века. Екатеринбург, 2015.
11. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. М., 1976. Т. 4.
12. *Щербина Ф.А.* Хозяйственные нужды и задачи Воронежского края // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж, 1894. Отд. III, научно-литературный.
13. *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.
14. *Robbins R.G.* Famine in Russia. 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis. New York, 1975. P. 120.
15. *Simms J.* The Crop Failure of 1891: Soil Exhaustion, Technological Backwardness, and Russia's «Agrarian Crisis»//Slavic Review. 1982. №41. P.236.
16. *Simms J.Y.* The Economic Impact of the Russian Famine of 1891–92 // Slavonic and East European Review. 1982. Vol. 60. № 1.

**Крестьянские промыслы в России
второй половины XIX – начала XX века
в современной отечественной историографии**

В статье проанализировано содержание работ, опубликованных историками в последние годы и посвященных изучению различных сторон крестьянских промыслов в пореформенное время. Сделан вывод о росте интереса исследователей к истории неземледельческих занятий крестьян. Определены как достижения, так и пробелы современной историографии.

Ключевые слова: историография; аграрные отношения; крестьянство; крестьянские промыслы; отходничество.

В экономике русской деревни промыслы играли заметную роль и были тесно связаны с теми процессами, которые интенсивно развивались после падения крепостного права, как в сельскохозяйственном, так и в промышленном производстве. Промысловая деятельность крестьян стала одним из важнейших обстоятельств, обусловивших быстрое развитие капитализма в пореформенной России. Промыслы стимулировали товарно-денежные отношения, стирали черты патриархальности, накладывая определенный отпечаток на сознание и жизненный уклад крестьян. Заметным было их влияние на демографическую ситуацию в российской деревне. С неземледельческими занятиями крестьян был непосредственно связан процесс формирования промышленного пролетариата в стране. Изучение крестьянских промыслов как составной, неотъемлемой части деревенской экономики второй половины XIX – начала XX в., позволит уточнить картину жизни русской деревни в переломную эпоху. Промысловая деятельность крестьян состояла в работе в местах постоянного проживания земледельцев, а также на стороне – в отходе. В источниках и литературе все неземледельческие занятия крестьян рассматривались либо как местные, либо как отхожие промыслы, хотя подобная классификация до сих пор достаточно условна.

Для понимания и оценки особенностей неземледельческих промыслов крестьян России необходимо порайонное их изучение.

---

¹ Никулин Валерий Николаевич, доктор исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, nikuliny@mail.ru, Россия, г. Калининград.

Это позволит вскрыть как общие закономерности, так и местные конкретно-исторические особенности развития капитализма, полнее показать эволюцию разных форм собственности, уровень социального расслоения крестьянства. Выяснение места неземледельческих промыслов в хозяйственной деятельности крестьянского населения и в экономике страны, определение количества занятых в мелком производстве земледельцев, пространственное размещение промыслов и ремесел – все это ключевые направления в историко-аграрной литературе.

Любая работа историографического характера требует избирательного подхода к подбору литературы. Поэтому для анализа, как правило, выбираются те работы, что наиболее значимы в изучении затронутой проблемы, а не вся имеющаяся литература. Этот подход был использован в данной статье при отборе литературы для анализа.

Современный историографический этап, начавшийся с распада Советского Союза, отмечен отказом от абсолютизации прежних теоретических положений по проблемам мелкотоварного производства, обращением к сюжетам, которые ранее либо совсем не рассматривались, либо рассматривались как сопутствующие основным проблемам. В работах последнего времени, в частности, затронута гендерная составляющая крестьянских промыслов [12, 51, 56], проблема воздействия крестьян на природу в процессе промысловой деятельности [68]. Исследователей все больше привлекает сюжет об участии земств в становлении и развитии промыслов [24, 32, 36, 72]. Так, согласно выводу С.А. Фукленкова, деятельность земств по сохранению и развитию крестьянских промыслов была продиктована не только их намерением повысить и стабилизировать доходы крестьян, но и стремлением обеспечить устойчивые налоговые отчисления земледельцев в земскую казну [72, с. 17].

После реформы 1861 г. крестьянские промыслы неизменно находились в поле зрения как дореволюционных, так и советских исследователей, но не всегда это внимание было стабильным.

Очередной всплеск интереса к истории крестьянских промыслов относится ко второй половине 1980-х гг., что было связано с публикацией в 1986 г. статьи К.Н. Тарновского [65]. В ней историк выделил основные стадии в развитии кустарных промыслов в российской деревне к началу Первой мировой войны. Выдвинутые в

статье положения, позднее были развиты в монографии [66]. Тарновский рассматривал мелкую промышленность как составную часть экономики страны. Историком было отмечено, что мероприятия правительства по преобразованию кустарного дела были нацелены «на превращение кустарно-мануфактурной формы мелкой промышленности в индустриальную за счет вытеснения из промыслов торгово-ростовщического капитала и связанных с ним методов эксплуатации кустарей» [66, с. 274]. Эта работа, наряду с другими трудами известного историка-аграрника, оказала существенное влияние на дальнейший вектор исследования темы, ее внутреннюю рубрикацию и базовые оценки. Она стала отправной точкой существующего направления в изучении крестьянских промыслов.

На рубеже XX–XXI вв. были опубликованы книги, статьи, подготовлены и защищены диссертации, в которых историки рассмотрели различные аспекты истории крестьянских промыслов в России второй половины XIX – начала XX столетия [5, 8, 10–15, 17, 20, 25–27, 35, 40, 41, 44–46, 49, 50, 52, 53, 61, 62, 64, 71, 72].

Один из вопросов, который затрагивался практически во всех публикациях о крестьянских промыслах, это вопрос о дефинициях. Рассматривая традиционные крестьянские промыслы, Э.Г. Истомина дала такое определение мелкой кустарной промышленности «...под сельскими (кустарными) промыслами, – сформулировала она, – понимается работа товаропроизводителя на рынок, непосредственно или через скупщика...» [26, с. 225]. К данному определению близка дефиниция «кустарная промышленность», сформулированная Г.Р. Наумовой в статье, опубликованной в одном из последних справочных изданий социально-экономического содержания. По ее мнению, кустарная промышленность – это «мелкое крестьянское товарное производство, ориентированное на рынок» [39, с. 1188].

В литературе встречается значительное число определений крестьянских отхожих промыслов с различной аргументацией и критериями. В одной из последних по времени выхода работ, посвященных сельским кустарным промыслам в России в конце XIX – начале XX века, Я.Е. Водарский и Э.Г. Истомина определили отходников как крестьян, работавших вне места своего постоянного проживания [18, с. 5]. В статье В.А. Федорова «отходничество» определено как «временный уход крестьян на заработки на фабрики и заводы, в сфе-

ру мелкой обрабатывающей промышленности, в строительство, торговлю и на транспорт; в услужение, на сельскохозяйственные работы и в добывающую промышленность» [69, с. 210].

Несомненно, что при любом подходе к определению отходничества решающим остается временной фактор, т.е. более или менее продолжительный разрыв крестьянина-отходника со своим хозяйством.

О непреходящем интересе исследователей к истории крестьянских промыслов свидетельствует проведенная в 2006 г. в Туле XXX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, целиком посвященная неземледельческим занятиям крестьян. Участниками сессии были рассмотрены многочисленные вопросы, связанные с местными кустарными и отхожими промыслами крестьян – от характеристики вариантов классификации и группировки промыслов в работах земских исследователей до влияния промыслов на ментальность крестьянского социума [1, 16, 19, 22–24, 28–30, 37, 47, 55, 58, 60, 63, 67].

Опубликованные работы, а также выступления участников XX сессии Симпозиума показали, что историки изучали крестьянские промыслы преимущественно по двум территориальным срезам. Одни исследовали историю промыслов по отдельным регионам России: Верхнее Поволжье [5, 61, 62], Центрально-Нечерноземный регион [8], Северо-Запад [16, 19, 42, 44, 46, 49, 50, 52], Черноземный центр [37, 55], Верхнее Поволжье [61, 62] и др. Некоторые историки сосредоточили свое внимание на изучении неземледельческих занятий крестьян в пределах отдельных губерний или уездов: Воронежская губ. [7, 27, 28,], Вологодская губ. [11, 20], Владимирская губ. [14, 58], Вятская губ. [59], Московская и Петербургская губ. [29], Тверская губ. [15], Тульская губ. [22, 63], Кирилловский уезд [56, 57], Козьмодемьянский уезд [70], Череповецкий уезд [73], Спасский уезд [74] и др. В центре внимания историков оказались проблемы пространственного распределения промыслов, а также степень и формы их воздействия на социально-экономические процессы в русской деревне. Многие исследователи сосредоточили свое внимание на описании отдельных промыслов в различных местностях страны. Были обрисованы: крестьянский извоз [40, 46, 67], керамическое производство [46, 42, 56, 57,], рыболовство и судостроение [31, 32, 45, 46, 49, 53], крестецкий строчевой промысел [12], бондар-

ное дело [17] и прочие промыслы. В поле зрения историков находились и отхожие промыслы крестьян, влиявшие на все стороны экономической и социальной жизни пореформенной деревни [1, 3, 16, 22, 23, 29, 30, 43, 46, 48], в том числе на соотношение традиций и новаций в хозяйственном поведении крестьян, обусловленное ростом отходничества.

Заметное место в изучении темы заняли работы Л.М. Архиповой. Анализируя правительственные меры в отношении мелкой промышленности на рубеже XIX–XX вв., Архипова пришла к выводу, что за короткий период времени политика правительства претерпела кардинальные изменения [10, с. 16–17]. Если до 1902 г. в центре внимания правительственных органов находился средний слой кустарей, то в 1902–1906 гг. был взят курс на укрупнение кустарной промышленности путем кооперирования производителей. В монографии, опубликованной позднее (1995 г.), Л.М. Архипова проанализировала состояние крестьянских промыслов Центрального Нечерноземья – одного из крупнейших регионов России – от определения их места в промышленном секторе страны до характеристики социально-экономических последствий правительственной политики по реформированию кустарной промышленности [8]. Особое внимание автор уделила проблеме кооперирования кустарей. Архипова рассмотрела экономический строй мелкой крестьянской промышленности, проследила взаимодействие различных хозяйственных укладов в условиях капиталистического рынка [8, с. 109–113]. По ее мнению, центральное место в преобразовании кустарной промышленности занимали «кредитно-кооперативные мероприятия» правительства [9, с. 23].

Интересные наблюдения и выводы содержатся в работах Н.М. Александрова [1, 3, 4, 5,]. Он выделил причины широкого распространения неземледельческих промыслов среди крестьян Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. По его мнению, 1/3 всего крестьянского населения региона занималась различными промыслами. «... Занятие промыслами для крестьян Верхнего Поволжья, – писал он, – было почти таким же естественным, как и земледелие» [6, с. 69]. Одновременно автором отмечено сокращение кустарного производства как прямое следствие конкуренции со стороны крупной фабрично-заводской промышленности. Рассматривая воздействие промыслов на жизнь верхневолжской деревни, Алек-

сандров заметил, что они «разрушительным образом влияли на крестьянское хозяйство [6, с. 73].

Изучив материал о неземледельческих промыслах крестьян Вологодской губернии в начале XX столетия, Г.А Буданов пришел к выводу, что «усиленное развитие кустарного производства» напрямую было связано с дефицитом готовых промышленных изделий в крае [11, с. 143].

В ряде работ рассмотрена эволюция промыслов, определены факторы, влиявшие на условия неземледельческих занятий крестьян. Так, новгородским историком Т.А. Корешковой прослежен процесс организации железоделательного промысла в Новгородской губернии – от самостоятельного производства крестьянами-кустарями гвоздей и прочих изделий до Уломской кузнечной трудовой артели. По ее мнению, с переходом к кооперативным формам производства менялось положение крестьян, занимавшихся кузнечным промыслом и вовлеченных в артель. Существенные изменения происходили в отношениях между кузнецами и скупщиками [33, 34]. Рассмотрев отношения между Новгородской губернской земской управой и казенным Никольским рыболовным заводом, Корешкова пришла к выводу, что только совместные усилия земств и завода могли остановить пагубные тенденции в состоянии ихтиофауны отдельных озер губернии и сохранить тем самым один из важнейших неземледельческих промыслов новгородских крестьян [32, с. 160–167]. Позднее этот вывод был закреплён в статье, в которой Т.А. Корешкова рассмотрела условия развития рыболовства на водоемах Новгородской губернии [31, с. 198–206].

Рассматривая рост мобильности крестьян к рубежу XIX–XX вв., М.Д. Карпачёв подчеркнул, что наибольшую активность в неземледельческих промыслах проявляли зажиточные и бедняцкие крестьянские семьи, представлявшие разные социальные полюса воронежской деревни. По его мнению, промыслы «стали сильным фактором перехода воронежских крестьян от натурально-потребительского хозяйства к рыночному» [28, с. 44].

Становление местных промыслов и развитие отходничества определялись различными факторами. Что толкало крестьян на уход из деревни? На земледельцев влияла невысокая доходность крестьянского хозяйства, в то время как размеры сторонних заработков были существенно выше, чем доходы от земледелия. Отходничество

стимулировала растущая земельная необеспеченность крестьян из-за аграрного перенаселения. Расслоение пореформенной деревни, появление массы обедневших крестьян и необходимость уплаты податей вынуждали земледельцев обращаться к промысловой деятельности. Отхожие промыслы характеризовались увеличением продолжительности отхода и все более масштабным вовлечением в отход женщин и подростков. Уходя на сторонние заработки даже на длительный срок, превращаясь нередко в наемного рабочего, крестьянин, тем не менее, продолжал оставаться частицей своего сословия: за ним сохранялся земельный надел и все, вытекающие из сословного положения, повинности.

Н.М. Александров в одной из работ отметил, что последовавшее за реформой 1861 г. быстрое развитие промышленности, средств коммуникации и торговли подорвало земледелие в верхневолжском регионе за счет усиливавшейся конкуренции сельскохозяйственной продукции из более плодородных регионов, что делало сельское хозяйство нечерноземной зоны малоэффективным. Это стало главной причиной отходничества местных крестьян [2].

Близкую точку зрения высказала Е.М. Дорина. По мнению исследовательницы, низкое качество почв и плохие урожаи в Московской губернии не удовлетворяли продовольственные потребности крестьян в течение года [21]. А.В. Перепелицын считает, что отвлечению сельских жителей от собственного земледельческого хозяйства к промыслам способствовала также сложная демографическая ситуация, сопровождавшаяся ростом относительного аграрного перенаселения [54].

Иную причину развития промыслов определил С.А. Моркунцов. Он полагает, что развитие местных и отхожих промыслов крестьян было обусловлено благоприятными природными условиями: наличием больших лесных ресурсов, источников глины и т.д., а также разветвленной системой транспортного сообщения [38].

Необходимо продолжение исследований о влиянии промысловых заработков на развитие крестьянского хозяйства и связанные с промыслами взаимоотношения внутри общины, о последствиях все более широкого вовлечения крестьянок в местные и отхожие промыслы на состояние крестьянского двора. Заслуживает большего внимания вопрос об экологических последствиях воздействия крестьян на природу в процессе промысловой деятельности; о влия-

нии фабрично-заводской промышленности и урбанизации на крестьянские промыслы, как местные, так и отхожие. Следует обратить внимание на особенности технологии сельских промыслов, оценить глубину и степень социальной дифференциации деревенского населения в процессе промысловой деятельности.

Литература

1. *Александров Н.М.* Влияние отхожих неземледельческих промыслов на социально-экономическую жизнь пореформенной деревни (по материалам Верхнего Поволжья) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. XXX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тез. докл. и сообщений. Тула, 19–23 сентября 2006 г. М., 2006. С. 69–70.
2. *Александров Н.М.* Отход как форма обеспечения рабочей силой промышленности России в конце XIX – начале XX в. (по материалам губерний Верхнего Поволжья) // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы. Материалы V Международ. науч. конф. Кострома, 23–24 сентября 2010 года. Кострома, 2010. Ч. I. С. 103–110.
3. *Александров Н.М.* Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века. Ярославль, 2007.
4. *Александров Н.М.* Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века и их влияние на сельское хозяйство региона // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тем. сб. науч. тр. / Под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2008. С. 97–117.
5. *Александров Н.М.* Роль традиции в промысловой деятельности крестьян-отходников в пореформенной России (по материалам Верхнего Поволжья) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Коломна, 2011. С. 39–43.
6. *Александров Н.М.* Сельские кустарные промыслы в конце XIX века и их влияние на крестьянское хозяйство (по материалам Верхнего Поволжья) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Ч. 1. Коломна, 2007. С. 68–75.
7. *Антонов О.Ю.* Развитие кустарных промыслов Воронежской губернии во второй половине XIX – начала XX веков. Автореф. .. канд. ист. наук. М., 2014.
8. *Архипова Л.М.* Мелкая крестьянская промышленность Центрально-Нечерноземного района России в начале XX века. М.: Прометей, 1995.
9. *Архипова Л.М.* Мелкая крестьянская промышленность Центрально-Нечерноземного района России в начале XX века: автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1996.
10. *Архипова Л.Н.* Эволюция правительственной политики в отношении мелкой крестьянской промышленности (конец XIX – начало XX вв.) //

- Крестьянское хозяйство: история и современность: в 2 ч. Ч. 2. Вологда, 1992. С. 16–18.
11. *Буданов Г.А.* Неземледельческие промыслы крестьян Вологодской губернии в начале XX века // Крестьянское хозяйство: история и современность: в 2 ч. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 142–144.
  12. *Бутылина С.И.* Из истории образования крестецкого строчевого промысла (конец XIX – начало XX в.) // Новгородский край: матер. науч. конф. Л., 1984. С. 256–260.
  13. *Васильева С.Л.* О причинах неравномерного распространения крестьянских промыслов // Новгородский объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник: тез. докл. и сообщений итоговой науч. конф., 16–17 декабря 1997 г. Новгород, 1997. С. 26–29.
  14. *Ватутина В.В.* Социально-экономическая трансформация кустарных промыслов Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX столетий: автореф. дис... канд. ист. наук. Орел, 2010.
  15. *Вересова Е.А.* Местные промыслы тверских крестьян в конце XIX – начале XX века: общие тенденции и специфика // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2011. № 127. С. 36–42.
  16. *Верняев И.И.* Молодые крестьяне-отходники в городе и деревне: изменения групповой идентичности (по материалам Северо-Запада России начала XX в.) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 48–60.
  17. *Витухновская М.А.* Бондарный промысел в Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Европейского Севера: (социально-экономические проблемы). Петрозаводск, 1988. С. 79–88.
  18. *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004.
  19. *Галутво Л.М.* Крестьянские промыслы в земской статистике // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 76–77.
  20. *Долгинин В.М.* Промыслы сельского и городского населения Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1985. № 2. С. 153–162.
  21. *Дорина Е.М.* Кустарная промышленность Московской губернии в конце XIX – начале XX веков. Проблема капитализации и модернизации: автореф. дис... канд. ист. наук. Рязань, 2010.
  22. *Звонцова А.В.* Земские начальники и регулирование крестьянских отхожих промыслов в Тульской губернии (80–90-е гг. XIX в.) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 56–57.
  23. *Земцов Л.И.* Мир и отход в 60–80-е гг. XIX в. (по материалам Рязанской губернии) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 62–63.

24. *Иванов А.А.* Земства и развитие кустарных промыслов в Центрально-Черноземном центре России на рубеже XIX–XX вв. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 65–66.
25. *Истомина Э.Г.* Мелкая промышленность Подмосковья во второй половине XIX – начале XX в.: (историко-географический аспект) // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1997. С. 178–203.
26. *Истомина Э.Г.* Традиционные сельские промыслы в России // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 225–238.
27. *Карпачёв М.Д.* Роль неземледельческих промыслов в жизни крестьянства Воронежской губернии в начале XX века // Вестник Воронежского ГУ. Сер.: Экономика и управление. 2012. № 2. С. 67–74.
28. *Карпачёв М.Д.* Роль неземледельческих промыслов в хозяйстве крестьян Воронежской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 43–44.
29. *Ковалёв Д.В.* Столыпинская реформа и крестьянская промысловая миграция (по материалам столичных губерний) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 70–72.
30. *Кознова И.Е.* Неземледельческая деятельность как показатель взаимодействия традиции и новации в хозяйственном поведении крестьянства в начале XX в. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 41–43.
31. *Корешкова Т.А.* О некоторых условиях и проблемах развития рыболовства в Новгородской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: матер. науч. конф. 15–17 ноября 2005 г. Великий Новгород, 2006. С. 198–206.
32. *Корешкова Т.А.* О совместной деятельности Новгородского земства и Никольского рыболовного завода по изучению и пополнению рыбных богатств губернии с конца XIX до 1905 года // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: матер. науч. конф. 16–18 ноября 2004 г. Великий Новгород, 2005. С. 160–167.
33. *Корешкова Т.А.* Организация и начало деятельности Уломской кузнечной трудовой артели в Череповецком уезде Новгородской губернии (1911–1913 гг.) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: матер. науч. конф. 18–20 ноября 2003 г. Великий Новгород, 2003. С. 197–203.
34. *Корешкова Т.А.* Формы организации производства в железоделательном промысле Новгородской губернии в середине 19 века (по книге Ф. Носырина) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: матер. науч. конф. 2001–2002 гг. Великий Новгород, 2002. Ч. 2. С. 97–100.
35. *Курцев А.Н.* Отхожие крестьянские промыслы в Центральном Черноземье (1861–1917 гг.) // Сельская Россия: прошлое и настоящее: докл. и со-

- общ. седьмой российской науч.-практ. конф. (Тула, ноябрь 1999). М., 1999. С. 87–90.
36. *Махрачёв Г.С.* Деятельность земств в отношении неземледельческих промыслов крестьян Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тамбов. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Т. 23. № 172. Тамбов, 2018. С. 131–139.
  37. *Минаков А.С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов о кустарных промыслах крестьян (по материалам губерний Черноземного центра на рубеже XIX–XX вв.) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 66–67.
  38. *Моркунцов С.А.* Модернизация кустарных промыслов Нижегородской губернии во второй половине XIX века. Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 2011.
  39. *Наумова Г.Р.* Кустарная промышленность // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 2008.
  40. *Никулин В.Н.* «Ваньки», «голубчики», «лихачи» и «ломовики». Из истории извозного промысла крестьян столичной губернии в конце XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тем. сб. науч. тр. / Под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2015. Вып. 21. С. 139–154.
  41. *Никулин В.Н.* Гвоздарный промысел крестьян Новгородской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник РГУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные науки. Калининград, 2010. № 12. С. 11–16.
  42. *Никулин В.Н.* Гончарный промысел крестьян северо-западных губерний России в конце XIX – начале XX века // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века Коломна, 2011. С. 49–54.
  43. *Никулин В.Н.* Деревня и город (из истории отхожих промыслов крестьян Псковской губернии во второй половине XIX – начале XX века) // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тем. сб. науч. тр. / Под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2013. Вып. 20. С. 144–154.
  44. *Никулин В.Н.* Из истории лесных промыслов сельского населения северо-западных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века) // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тем. сб. науч. тр. / Под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2012. Вып. 19. С. 119–138.
  45. *Никулин В.Н.* Из истории рыболовного промысла крестьян Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 2: История. Вып. 2. С. 41–51.
  46. *Никулин В.Н.* Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2017.
  47. *Никулин В.Н.* Неземледельческие отхожие промыслы крестьян Петербургской губернии в пореформенные годы//Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С.59-61.
  48. *Никулин В.Н.* Неземледельческие промыслы крестьян Новгородской

- губернии в 1861-1904 гг. // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 162–175.
49. *Никулин В.Н.* Плитный промысел крестьян Северо-Запада России (вторая половина XIX – начало XX века) // *Avoti un Cilvēki: Humanitārās fakultātes XXIII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture. XVII. Daugavpils, 2014. L. 278–284.*
  50. *Никулин В.Н.* Промыслы крестьян Северо-Запада России во второй половине XIX-начале XX века: источниковедческий аспект//Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2009. С.252-269.
  51. *Никулин В.Н.* Промыслы крестьянок Новгородской губернии во второй половине XIX – начале XX столетия // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Коломна, 2013. С. 144–148.
  52. *Никулин В.Н.* Промыслы крестьянок северо-западных губерний России во второй половине XIX – начале XX столетия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 12. Гуманитарные науки, 2014. С. 7–14.
  53. *Никулин В.Н.* Судовые промыслы крестьян северо-западных губерний России (конец XIX – начало XX в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год. Земледельцы и землевладельцы российской деревни конца XV – конца XX веков: экономическое, социальное и культурное развитие. М., 2014. С. 162–175.
  54. *Перепелицын А.В.* Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний России в 60-90-е годы XIX века: дис.док.ист.наук. Воронеж, 2006
  55. *Перепелицын А.В., Фурсов В.Н.* Крестьянская промышленность Центрального Черноземья в пореформенный период // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 58–59.
  56. *Петрова Л.Л.* Гончарное искусство Белозерья. URL: www.booksite.ru/fulltext/2ki/tril/lov/12.htm (дата обращения 14.07.2014).
  57. *Петрова Л.Л.* Ремесла и промыслы крестьян Кирилловского уезда // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 118–139.
  58. *Петровичева Е.М.* Роль неземледельческих промыслов в крестьянском хозяйстве конца XIX – начала XX вв. (на материалах Владимирской губернии) // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 61–62.
  59. *Ральников А.В.* Стадии развития кустарно-промышленного района на примере отдельных промыслов Вятской губернии в начале XX века // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1999. С. 73–76.
  60. *Роднов М.И.* Неземледельческие промыслы в судьбах российского общинного крестьянства начала XX в. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 74–75.
  61. *Серова Е.В.* Крестьянские неземледельческие промыслы Верхнего По-

- волжья (вторая половина XIX – начало XX в.). Ярославль, 1999.
62. *Серова Е.В.* Неземледельческие промыслы крестьян в губерниях Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис... канд. ист. наук. Ярославль, 1995.
  63. *Симонова Е.В.* Неземледельческие промыслы крестьян Тульской губернии в XIX в. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 53-54.
  64. *Степанова Е.С.* Развитие капиталистических тенденций в местных крестьянских промыслах Рязанской губернии первых пореформенных десятилетий // Из прошлого и настоящего Рязанского края. Рязань, 1995. С.33-44.
  65. *Тарновский К.Н.* Кустарная промышленность и царизм (1907–1914 гг.) // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 33–46.
  66. *Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность дореволюционной России: историко-географические очерки. М., 1995.
  67. *Токарев Н.В.* Извоз как вид промыслов российского крестьянства во 2-ой половине XIX – начале XX вв. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 64–65.
  68. Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998.
  69. *Фёдоров В.А.* Отходничество // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия: в 2 т. М., 2009. Т. 2.
  70. *Филонов А.А.* Развитие крестьянских лесных промыслов в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории. Материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23–24 марта 2018 г.). Йошкар-Ола, 2018. С. 208–217.
  71. *Фукленков С.А.* Кустарные промыслы в хозяйстве крестьян Новгородской губернии в конце XIX – начале XX вв. // X Царскосельские чтения. Междунар. науч. конф. 25–26 апреля 2006 г. СПб., 2006. Т. 4. С. 275–277.
  72. *Фукленков С.А.* Кустарные промыслы Новгородской губернии в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2008.
  73. *Холенкова С.Ю.* Крестьянские кустарные промыслы Череповецкого уезда в начале XX в. URL: admin.cherlib.ru/files/335816112011Holenkova.pdf (дата обращения: 24.07.2013).
  74. *Цыганкова В.И.* Неземледельческие занятия крестьян Спасского уезда Тамбовской губернии в последней четверти XIX в. // Регионология. Саранск, 2011. Т. 3. № 76. С. 331–338.

Продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны: производство и снабжение (к дискуссии о благосостоянии населения империи в начале XX века)

В статье рассматривается проблема продовольственного вопроса в России в период Первой мировой войны – производство всей номенклатуры продуктов питания и снабжение ими армии. Обострение продовольственного кризиса было связано с недостаточным производством продовольствия, нараставшим по мере затягивания войны.

Ключевые слова: продовольственный вопрос, снабжение армии, воинский паек, урожай хлебов.

В изучении истории России периода поздней империи важную роль сыграла широкомасштабная дискуссия конца 2000-х – начала 2010-х гг. об уровне жизни населения Российской империи накануне революции 1917 г. Часть историков, положительно оценивающих состояние и эволюцию России в начале XX века (империя успешно продвигалась по пути модернизации, но ее поступательное развитие было прервано Первой мировой войной, ставшей основным фактором революции 1917 г.), склонны объяснить скатывание страны в революцию политическими причинами, в определенной степени субъективного плана. Другие ученые, напротив, критично настроенные в отношении экономических успехов России накануне войны (особенности социально-экономического развития страны и специфика политической системы России делали крах имперской модернизации и революционный взрыв практически неизбежными), делали упор на объективную нехватку материальных ресурсов для ведения войны. Дискуссия велась вокруг двух теорий – структурно-демографической, усиленной неомальтузианством, и теории модернизации.

Дискуссия была открыта публикацией монографии Б.Н. Миронова о социальной истории России пореформенного времени. Основными оппонентами дискуссии с одной стороны (условно – «оптимисты») выступили Б.Н. Миронов и М.А. Давыдов, а с другой («пессимисты») – А.В. Островский и С.А. Нефедов. Веду-

---

¹ Оськин Максим Викторович, кандидат исторических наук, Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, maozv@yandex.ru, Россия, г. Тула.

щий момент разногласий – имела ли империя шанс на дальнейшее продолжение буржуазной модернизации, или ее крушение являлось predetermined. Незирая на вариативность выводов дискуссии, общим посылом стала оценка Первой мировой войны для России как переломного и ключевого события: «“пессимисты” и “оптимисты” сходятся в том, что определяющее значение для падения “старого порядка” имело вступление России в войну. Именно она, с точки зрения “оптимистов”, нарушила эволюционный путь развития России, а по мнению “пессимистов”, обострила уже имевшиеся противоречия» [5, с. 174].

В ходе дискуссии была представлена новая интерпретация источников, поставлены насущные и острые проблемы истории Российской империи в заключительный период ее существования. Помимо того, дискуссия особенно заострила проблему хлебного экспорта Российской империи, споры о которой проводились и ранее. И, главное – можно ли считать дореволюционную Россию страной, имевшей излишки продовольствия.

Немалые разногласия также вызвала методология антропологического подхода, неомальтузианской концепции и оценки дореволюционной статистики. В последних, самых свежих работах, приводя новые аргументы и доказательства правоты своей концепции, ученые вновь обращаются к обозначившимся разногласиям.

В отечественной историографии традиционно считалось, что Российская империя была обеспечена продовольственными ресурсами, и продовольственный кризис конца 1916–1917 г. был вызван субъективными причинами – прежде всего, недостаточно эффективной деятельностью продовольственной организации страны в деле снабжения. В последнее время эти оценки пересматриваются, так как изучается вся номенклатура продовольственной продукции, а не только хлебной, как то было ранее, и статистические данные по которой являются наиболее доступными и исследованными.

Таким образом, в новейшей историографии исследуется вопрос о степени достаточности продовольственного ресурса страны для ведения мировой войны и, следовательно, характере революции 1917 г. Работами А.В. Островского на первый план в разразившемся накануне 1917 г. продовольственном кризисе ставится проблема продовольственного производства в Российской империи вообще. Важнейшая часть проблемы – это «степень удовлетворения населе-

ния сельскохозяйственными продуктами. Эта проблема была поставлена еще до революции, но в советской литературе специально не рассматривалась... споры касались только хлеба. Что же касается животноводства, то этот вопрос вообще не поднимался» [4, с. 34]. Притом, данная проблема тесным образом увязывается с исследованиями влияния хлебного экспорта России на народное хозяйство страны и народное потребление.

Именно А.В. Островский наметил главную тенденцию дальнейших исследований по данной проблеме – экономической политике и продовольственной организации периода Первой мировой войны и революции 1917 г. – многофакторный анализ совокупности объективных и субъективных обстоятельств при приоритете первых, а также и изучение источников в отношении общего продовольственного производства, обнимающего собой всю номенклатуру продуктов питания. В качестве важнейшего момента он выделяет степень удовлетворения населения сельскохозяйственными продуктами и деятельность пищевой промышленности страны. Производство, распределение и снабжение армии и населения продукцией животноводства, а также и прочими продуктами питания (например, овощи, жиры и рыба) не рассматривались в своей совокупности.

Период Первой мировой войны позволяет наиболее полно подойти к постановке данной проблематики, так как условия военного времени в наибольшей степени обострили противоречия довоенного развития, сосредоточивая внимание на теме продовольственного вопроса. К тому же, разбросанные в документации различных ведомств статистические данные по снабжению фронта, неизбежно увязываемые с данными о наличности и расчетах номенклатуры всех видов продовольствия в стране, дают возможность объединить эти материалы в общую картину продовольственной ситуации в военное время.

Снабжение армии высокими пайковыми нормами выделяет социальную группу военнослужащих в тот слой, что имел возможность питаться по уровню развитых европейских стран. Развитие продовольственной ситуации в стране в военный период показывает, что перевод дополнительных 10% населения в такой разряд, привел к прогрессирующей нехватке продуктов питания и продовольственному кризису в течение 2,5 лет. Сопоставление продовольственного снабжения фронта и тыла в 1914-1917 гг., выводит на

первый план изучение разворачивающегося процесса продовольственного кризиса, ставшего важнейшим фактором Великой русской революции.

Данный подход позволяет дополнительно заострить проблематику благосостояния населения России накануне революционных событий 1917 г., посредством изучения народного хозяйства в военную эпоху в отношении производства необходимой для жизнедеятельности человека продукции – всех видов продовольствия.

Острота продовольственного вопроса стала следствием неверного соотнесения объемов продовольственного ресурса России и повышением потребления во время войны (прежде всего армией). Неверная оценка предвоенного положения, необоснованные расчеты на недолгую войну и запоздалая реакция властей на развитие продовольственного кризиса стали основными причинами эволюции продовольственного дела в России в сторону кризиса осени 1916 – зимы 1917 г. Представление о Российской империи как стране громадных избыточных продовольственных резервов, оказалось малосостоятельным, так как опиралось на факт большого хлебного экспорта, а также экспорта сибирского масла. Между тем, сбалансированное питание человека в годы войны, как на фронте, так и в тылу должно было использовать различные продукты питания, большая часть которых в военные годы постепенно стала дефицитной.

Предвоенное потребление хлеба в России являлось относительно низким, составляя около 15 пуд в год. Оценивая эту цифру, Н.Д. Кондратьев заметил, что «всякое изменение условий, влекущее за собой повышение потребления этого населения и понижение товарности крестьянских хозяйств, должно вызывать огромную силу инерции в направлении к сокращению количества товарного хлеба и обуславливать кризис хлебного рынка и наоборот» [3, с. 95, 100]. То есть – даже незначительное душевое повышение потребления для 170-миллионной страны будет иметь следствием существенное снижение товарных запасов хлеба.

Что касается мясных продуктов, то по данным различных бюджетных обследований, до войны средний крестьянин потреблял не более 1,3 пуда (21–22 кг) мяса в год (как правило, считая вместе с рыбой). В среднем по стране, вместе с мясом птицы, годовое потребление на душу населения, составляло 29 кг. То есть, питание в России было «хлебо-картофельно-молочное с очень небольшим количеством мяса и сахара» [2, с. 25].

Если продовольственный хлеб потреблялся армией на уровне 50–60 % всего товарного объема хлебов (за исключением крупы, которая потреблялась в несколько раз выше, нежели экспортный ее объем), то мясной паек солдат к исходу первого года войны уже находился на уровне всего довоенного потребления в России, а значит, неизбежно затрагивался основной фонд животноводства. До войны мясной экспорт был минимален – 4 тыс. голов скота и 108 тыс. свиней в 1912 г., то есть, по сути, все производимое в стране мясо шло на внутреннее потребление. Этот фактор вынудил в 1916 г. снизить мясной паек в два раза, дабы понизить темпы расходования отечественного животноводства. Правда, одновременно, данный шаг потребовал введения в довольствие войск тех продуктов, что ранее использовались эпизодически – рыба, яйца, бобовые; увеличивалась норма хлеба, риса и овощей.

С сокращением мясного пайка в армии, одним из продуктов, его заменяющим, стали яйца – 5 штук вместо фунта (400 граммов) мяса. Экспорт яиц перед войной составлял 3,47 млрд штук – столь большой экспорт объяснялся тем, что внутренний рынок не поглощал и 1/3 товарной массы яиц [6, с. 24, 166], в том числе 54 % экспорта приходилось на Германию и Австрию. Между тем, предложение яиц на рынке с 1915 г. уменьшалось, так как сократился сбор яиц, а крестьяне стали интенсивно употреблять их в пищу.

По мере увеличения поставок мясных продуктов и скота для армии и населения, все большее значение приобретало использование рыбной продукции. До войны на душу населения, рыбопродуктов потреблялось лишь 6,7 кг², причем в Россию ввозилось свыше 20 млн пуд сельди и трески в год. Таким образом, в отношении рыбы империя с самого начала стояла в дефицитном положении, а потому использование данного вида продукции могло увеличиться лишь механически – с ростом лова и перераспределением рыбных продуктов в масштабах всей страны между регионами и районами потребления.

Важной частью питания армии и населения являлись жиры. Для Вооруженных сил использовался исключительно шпик – «свиное пластовое сало в соленом виде» как «наиболее удобный жировой

---

² Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М., 2008. С. 291.

продукт для довольствия армии»³. В 1913 г. было произведено 25,7 млн пуд сала⁴, каковая цифра представлялась вполне достаточной. Так как шпика с зимы 1915 г. уже не хватало, то стали заготавливать кашное (топленое) сало, в том числе говяжье и баранье. Для восполнения недостатка закупок сала в армию отправлялось сливочное масло и уже тогда встал вопрос о вероятной замене свиного сала растительными маслами, фритюром, бараньим салом и маргарином, к заготовкам которых для питания армии перешли с середины 1916 г.

Если яйца и рыба были введены в солдатский паек лишь в ходе войны в качестве непредвиденных составляющих (вместо мяса), то полагающимся элементом пайка являлись овощи, поставляемые в сушеном виде в виде смесей щей, борща и картофельного супа. Сокращение мясного потребления должно было вызвать усиленное потребление овощей в тылу, но постепенно и армейские заготовки стали требовать все больших и больших объемов подвозимой к фронту овощной продукции. С осени 1916 г. войска стали получать помимо сушеных овощей и свежие – лук, чеснок, картофель и квашеную капусту.

Основным продуктом питания, резервы которого в России являлись наибольшими, был хлеб. По мере развития военных действий объемы хлебных закупок для армии неизменно увеличивались, постепенно поглощая расчетный экспортный хлебный фонд (см. табл. 1)⁵.

Таблица 1 Сравнение заготовок хлеба для армии в 1-й и 2-й операционные годы⁶ с предвоенным экспортом (в тыс. пуд)

Продукт	Средний годовой вывоз за 1909–1913 гг.	Закупка в 1-й операционный год	Закупка во 2-й операционный год
Рожь и ржаная мука	46 920	67 909	125 419
Пшеница и пшеничная мука	264 585	35 569	97 426
Овес	66 362	88 290	118 666
Ячмень	226 802	92 559	113 448
Гречневая крупа и гречиха	4 155	5 015	15 107
Пшено и просо	1 984	5 084	11 185

³ Российский гос. военно-исторический архив (РГВИА).Ф.499. Оп.3. Д.1251. Л.81.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф.1783. Оп.2. Д.371. Л.10.

⁵ Совещание уполномоченных 25–31 августа 1916 г. Материалы. Пг., 1916. С. 5.

⁶ Операционный год – с момента начала войны летом 1914 г. до середины следующего года и так далее. Заготовки для армии исчислялись по операционным годам, так как война началась в середине 1914 г.

Таким образом, к середине 1916 г. армейские закупки хлеба поглощают экспортный ресурс, а закупки крупы превысили его в 4,5 раза. Если учесть, что в первые два года войны тыл увеличил хлебное потребление как ввиду наличия финансовых средств на руках у населения, так и в силу необходимости компенсировать исчезавшие из продажи иные продукты питания, отправляющиеся фронту, то хлебные запасы к началу зимы 1917 г. не могут достигать внушительной цифры в 800 млн пуд [7, с. 131]. Вдобавок, снижение урожая 1916 г. в Европейской России на 400 млн пуд, еще более уменьшает указанную цифру (подвоз хлеба из Сибири был невозможен из-за перегруженности Транссибирской магистрали военными грузами) (см. табл. 2)⁷.

Таблица 2 Валовой сбор хлебов в 1916–1917 гг. (в млн пуд)

Год	1917	1916	В среднем за 1909–1913 гг.
Рожь	1002,3	1228,5	1210,9
Пшеница	1091,4	919,8	1197,5
Овес	733,7	794,2	847,5
Ячмень	484,3	468,9	576,2
Просо	116,2	113,9	145,8
Гречиха	74,9	72,1	66,6
Всего	3 502,8	3 597,4	4 044,5
Европейская Россия	2 646,2	3 035,9	3 406,3
Северный Кавказ	257,5	182,5	339,9
Сибирь	599,1	379,0	298,3

Как показывает таблица, в 1917 г. дальнейшее понижение сбора в Европейской России еще на 400 млн пуд сделало проблематичным снабжение фронта даже и хлебом при условии продолжения войны в 1918 г. и сохранении численности армии. Использование высокого урожая Сибири для снабжения армии, как говорилось выше, было невозможным, а потому расчет на товарные излишки урожая 1917 г. – около 700 млн пуд [1, с. 386–387] является неверным.

Представляется, что выход из явно обозначившегося продовольственного кризиса можно было найти лишь организационными мерами. Когда же к осени 1916 г. проблема оказалась понятой и осознанной, ситуация зашла настолько далеко, что любые мероприятия по выходу из нее носили запаздывающий характер, а значит, заведомо были обречены на неуспех. В расчет не были приняты такие

⁷ Урожай хлебов в России в 1917 году. М., 1918. С. 16.

факторы как низкое предвоенное потребление населения, что имело следствием его повышение в благоприятной для того ситуации, географическая разбросанность производящих регионов, что в условиях нараставшего транспортного кризиса не позволяло своевременно и в должной степени снабжать всех акторов снабжения, неравномерное распределение продовольственных ресурсов по территории огромной страны, слабая взаимосвязанность отдельных районов в рыночном отношении.

Наконец, недооценивалась роль транспорта и инфраструктуры, что в кризисный период усугубило общую сложную обстановку, подталкивая общество к перемене политического режима революционным путем. В связи с тем, что правительственная продовольственная политика первого периода войны не учла данные факторы, осенью 1916 г. они проявились в комплексе, что не дало возможности остановить развитие кризиса, когда он стал стремительно прогрессировать в негативную сторону. В результате, невзирая на тот факт, что Россия имела резервы продуктов питания (хотя и небольшие), которыми надлежало правильно и своевременно распорядиться, правительство не сумело преодолеть отрицательного эффекта накануне и в течение 1917 г.

Сохранение калорийности пайка личного состава Вооруженных сил во время Первой мировой войны с осени 1916 г., когда оказались исчерпанными всевозможные запасы продовольствия предвоенного времени и начального периода войны, оказалось возможным только за счет сокращения и без того невысокого потребления тыла. Нараставший дефицит практически всех продуктов питания имел следствием недопоставку требовавшейся войскам номенклатуры продовольственной продукции. В итоге, приходилось заменять недостаток одних продуктов (мясо, жиры) теми, что имелись в наличии (хлеб), тем самым еще более снижая продовольственный запас страны. Резкое увеличение на четверть количества «ртов» в районе фронта в конце 1916 г. (рост численности войск, румынские беженцы, работники общественных организаций, обслуживавших армию), усугубило продовольственный кризис в империи (см. табл. 3).

Недостаток мясных продуктов и жиров компенсировался введением мясопустных дней для солдат на фронте и в тылу (в эти дни выдавалась рыба – 2,6 млн пуд или яйца – 68,5 млн шт. и бобовые – 6,5 млн пуд), а также увеличением хлебного пайка, для чего покупали

лось больше хлеба. Увеличенные закупки хлеба объясняются как дополнительной дачей пшеничного хлеба вместо сокращения мясного пайка, а также учет подболточной муки – 6,2 кг в год на человека, что дает 3,1 млн пуд на 8-миллионную армию.

Таблица 3 **Расчеты на снабжение фронта в 1916 г.**

Продукт	Хлеб	Крупа	Мясо	Жиры	Овощи
+экспорт / - импорт (1913г.) пуд	+280 000 000	+6 000 000	+80 000	+100 000	+20 000 000
Пайк солдата в 1916г. (гр.)	1025	17	205	42	256
Годовой пайк (кг)	375	6,2	75	15,3	94
На 8-млн. армию 1916г. (пуд)	187 500 000	31 000 000	37 500 000	7 650 000	47 000 000
На 12 млн. «ртов» зимы 1917г.	281 250 000	46 500 000	56 250 000	11 475 000	70 500 000
Закуплено для армии в 1916г. (пуд)	340 000 000	30 000 000	31 200 000	5 300 000	7 300 000

Таким образом, Российская империя фактически не имела продовольственных излишков на случай длительной и широкомасштабной войны в Европе, когда из народного хозяйства была изъята почти ½ рабочих рук, а дополнительные 10 % населения (армия) стала питаться на уровне ведущих европейских стран. Хлебный экспортный ресурс, представлявший перед войной одним из главных козырей России в случае войны с Германией, был исчерпан вскоре по мере роста армии, а излишков прочих продуктов в стране не было вообще. Имевшиеся в стране излишки хлеба урожая 1913–1916 гг. в большей своей части были пущены на увеличение потребления крестьянского населения в первый период войны, располагавшего значительными финансовыми средствами и потому сумевшего улучшить собственное питание. Выправлять недостаток производства следовало организационными усилиями правительства и продовольственных организаций, транспортным маневрированием в масштабах всей страны, обращением к внешним рынкам.

Развитие российского сельского хозяйства к 1914 г., невзирая на наметившиеся определенные успехи аграрного реформирования, все-таки пока не привело к существенным переменам. Пик эконо-

мического подъема еще не был достигнут, почему в свое время П.А. Столыпин и требовал 20 лет мирного развития страны. Следовательно, возвращаясь к дискуссии о благосостоянии, «пессимисты» более верно оценивают уровень благосостояния населения России накануне революции, что заостряет проблему выявления ее причин и предпосылок.

Литература

1. *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
2. *Клепиков С.А.* Питание русского крестьянства. Часть I: нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920.
3. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
4. *Островский А.В.* Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М., 2016.
5. *Селезнев Ф.А.* Революция 1917 г. в свете современных теорий // Российская история. 2018. № 1.
6. *Челинцев А.Н.* Русское сельское хозяйство перед революцией. М., 1928.
7. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март – октябрь 1917 г. Л., 1967. Ч. 3.

Хлебный рынок Сибири в конце XIX-начале XX вв.: итоги и перспективы изучения²

В статье проанализирована дореволюционная, советская и постсоветская историография развития производства и торговли хлеба в Сибири в последнее десятилетие XIX – первые полтора десятилетия XX в., определены перспективы дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Сибирь; производство зерновых продуктов; торговля; рынок; историография; статистика.

Обширная литература, посвященная аграрному развитию Сибири в два предреволюционных десятилетия, затрагивает широкий спектр научных проблем. Но центральной среди них является производство хлеба и организация его сбыта. Подобная концентрация усилий историков вполне закономерна. Именно в этот период Сибирь стала восприниматься как край хлебного изобилия, а на повестку хозяйственной жизни Российской империи встала проблема конкуренции сибирского хлеба с зерновыми продуктами из регионов европейской части.

Есть все основания подвести итог накопившемуся историографическому материалу. Для более полного осмысления результатов усилий предшественников в фокус внимания необходимо поставить ключевые для историографии проблемы: освоение источниковой базы, адекватность методов ее анализа для исследования зернового хозяйства Сибири и формирование основных подходов к изучению хлебного рынка.

Концептуальное осмысление упомянутой тематики началось еще современниками и инициаторами преобразования Сибири в начале XX в. Настоящий «исследовательский бум» связан с подготовкой строительства Транссибирской магистрали и ее проведением по территории Сибири. Комитет Сибирской железной дороги провел серьезный анализ экономики Азиатской России, спрогнозировал возможность и целесообразность заселения степей Южной Сибири и резкое увеличение валовых сборов хлеба в результате такого засе-

---

¹ Рынков Вадим Маркович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, vadvet@list.ru, Россия, г. Новосибирск.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-00067 «Зерновая проблема в Сибири в XX веке: этап, методы, решения».

ления. На рубеже веков власти предприняли усилия по сельскохозяйственному освоению таежных районов Сибири [28, с. 296–374]. Кроме того, Комитет обосновал необходимость вывоза излишков зерна, уже имевшихся в Сибири и не находивших сбыта к концу XIX в.

Спустя почти два десятилетия итог переселенческой политике подвели проехавшие по Сибири П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин. Они отметили, что к 1910 г. фактором, сдерживавшим развитие сельского хозяйства Сибири, оставалась слабая транспортная инфраструктура, не позволявшая сбывать излишки произведенного хлеба в Европейскую часть России и за рубеж. Они же наметили выход, состоявший, с их точки зрения, в переориентации сельскохозяйственного производства на животноводческое, мясо-молочное [11, с. 74–89, 96–98]. Впрочем, следует отдать должное сибирской агрономической службе, развернувшей свою деятельность с 1892 г. и непрерывно увеличивавшей штат разнообразных специалистов в области сельского хозяйства. Почти два десятилетия ее служащие ориентировали сибирских крестьян на отраслевую диверсификацию, внушая посредством печати мысль о более высокой рентабельности незернового производства. Сибирские агрономы пропагандировали мясо-молочное скотоводство, маслоделие, овцеводство, пчеловодство, льноводство как выгодные альтернативы зерновой ориентации крестьянских хозяйств.

Тем не менее, за исключением бурно развивавшегося маслоделия, остальные отрасли демонстрировали скромные успехи, а зерновое производство сохраняло ведущее значение по крайней мере в зонах крестьянского освоения. В 1914 г. официальное издание бодро отчитывалось об увеличении в Западной Сибири посевных площадей с начала века на 52 %, что составило 40 % общеимперского прироста. Рост посевов и поголовья скота, по данным этого издания, вдвое обгонял прирост населения, а вывоз хлеба с 10 млн пудов поднялся до 50 млн пудов [2, с. 575].

Дореволюционные статистические издания содержат внушительный массив цифровых данных, свидетельствующих о повышении значения зернового производства в Сибири, усилении его товарности и возраставшем вывозе зерновой продукции за пределы региона. Но публиковавшаяся статистика не всегда интерпретировалась и анализировалась самими публикаторами и подчас нуждалась в дальнейшем изучении.

В первые годы советской власти экономисты продолжили изучение хлебного рынка, опираясь преимущественно на дореволюционные статистические издания. Будучи хорошо знаком с широким кругом не только статистических, но и иных научных и публицистических текстов дореволюционного периода, они оставались в рамках дореволюционного дискурса обсуждения проблемы. Н.И. Березин отметил, что, с одной стороны, в процессе сибирских переселений наблюдалось убывание полезности почвы. В результате товарный выход зерновой продукции в пересчете на одного работника или на десятину пашни сокращался. Это связано с тем, что старожилы освоили и распахали наиболее ценные угодья, которые стали постепенно истощаться, а переселенцы вынуждены были обходиться менее привлекательными участками, пригодными в основном для удовлетворения потребительских нужд. Но, с другой стороны, объем товарного хлеба в Сибири рос, и вывоз за рубеж в предвоенные годы становился все более рентабельным [4, с. 16–34]. А.А. Шиша обобщил сведения о ввозе в Сибирь сельскохозяйственной техники и пришел к выводу, что сибирские крестьяне в предвоенные годы были технически лучше обеспечены, чем их собратья в европейской части страны, что создавало условия для роста товарных излишков [35, с. 13–35].

Нельзя пройти мимо другой публикации известного сибирского статистика, С. Гензеля. Он ввел в научный оборот статистический материал о поуздной динамике урожайности в Сибири с 1896 по 1917 гг., а также сводные данные по всей Сибири. Это позволяет проследить не только долговременную тенденцию урожайности, но и колебания в пределах отдельных районов. Он выявил сильные годовые колебания урожайности, свидетельствовавшие о неизменной зависимости результатов крестьянского труда от капризов климата, на которые не прослеживалось влияние агрикультуры. Вместе с тем, его данные четко зафиксировали более высокие урожаи десятилетия перед первой мировой войной по сравнению с предшествовавшим десятилетием. Но публикация С. Гензеля вызывает много вопросов. В частности, он не раскрывает первоисточников своих данных, а также методику получения сводной статистики. Поэтому сложно судить о достоверности приведенных им сведений [5].

Исследователи 1920-х гг. сосредоточились на анализе условий производства хлеба в Сибири, уделяя мало внимания коммерческим

особенностям его рыночного оборота. В последующие десятилетия серьезный научный анализ дореволюционного опыта зернового рынка Сибири был «не в чести».

Изучение проблемы специалистами возобновилось только в 1950–1970-е гг. Основные результаты представлены в публикациях Л.М. Горюшкина, И.А. Асалханова, В.Г. Тюкавкина и В.И. Прони-на. Дореволюционные статистические данные по ключевым макро-экономическим показателям (посевные площади, урожайность, валовые сборы, соотношения зерновых культур, вывоз за пределы Си-бири) составлены ими в длинные динамические ряды [1, с.134-159; 6, с.370-402; 27], что позволило сделать вполне обоснованные выводы. Общий итог их исследований сводится к тому, что Сибирь явля-лась зоной стремительного формирования американского пути раз-вития сельского хозяйства. Вместе с тем, преобладало экстенсивное аграрное освоение территории. От начала XX в. до кануна Первой мировой войны в Сибири четко происходила переориентация общей структуры посевных площадей на производство наиболее товарной культуры – пшеницы, что обусловило рост товарного выхода хлеба и его вывоза. Причем проведение Транссибирской магистрали от-крыло возможность вывоза хлеба не только в западном, но и в во-сточном направлении, что привело к упадку зернового хозяйства и сухопутной хлебной торговли в Восточной Сибири.

Л.М. Горюшкин пришел к выводу о быстром развитии капи-талистических отношений в сибирской деревне, усиленном ее дви-жении по капиталистическому пути, в том числе быстрому росту товарности. Об этом свидетельствовал рост удельного веса посевов главной товарной культуры (пшеницы) с 1901 по 1917 гг. с 36,6 % до 48,3 %, тогда как в европейской части он, отставая от сибирских показателей в 2,5 раза, даже несколько сократился. Вместе с тем, исследователь отметил, что остатки хлеба на душу населения в Си-бири постепенно сокращались, а вопрос о доле товарного хлеба в изучаемый период решить непросто в связи с неучтенностью внут-ридеревенских продаж. Условия заготовок в Сибири оставались ар-хаичными, а накладные расходы по сбыту за пределами Сибири слишком высоки, что делало хлеб низкорентабельным продуктом [6, с. 309–312; 8, с. 138–155].

И.А. Асалханов детально проанализировал изменения в си-стемах земледелия в Сибири и применение производителями сель-

скохозяйственной техники. Он сделал акцент на том, что земельный простор позволял ряду районов юга Западной Сибири специализироваться одновременно на товарном земледелии и молочном скотоводстве. Быстрый темп развития капитализма обеспечило строительство Транссиба, и прилегающими к нему районами это развитие преимущественно ограничивалось [1, с. 102–179].

В.И. Пронин исследовал набор относительно узких, но принципиально важных научных проблем, связанных со спецификой производства, сбыта и потребления зерновых продуктов. Так он доказал крайнюю незначительность сбыта сибирского продовольствия в города до проведения железной дороги. Существенная часть сибиряков-горожан (до половины) занималась сельскохозяйственным производством и обеспечивала свои потребительские нужды. Лишь к концу XIX в. в Сибири сформировались крупные губернские центры, предъявлявшие стабильно высокий спрос на хлеб, совокупный объем потребления которого непроизводящим продовольствие городским населением автор определил в 6,4–8,5 млн пудов [22, с. 71]. Общий товарный излишек хлеба до строительства Транссиба В.М. Пронин оценивал в 10–15 млн пудов, из которых вывозилась примерно пятая часть в основном для снабжения уральских горных заводов [26, с. 108].

В других своих публикациях В.И. Пронин убедительно показал, что архаичные и кустарные на первый взгляд местные сельскохозяйственные орудия конца XIX – начала XX в. вполне соответствовали особенностям почвы и климата Сибири, позволяли поддерживать производительность на относительно высоком уровне. Внедрение заводской техники не привело к росту производительности земли [21, 23].

Продолжая ту же тему, И.В. Островский обратил внимание на другой ее аспект. Массовое переселение и распашка свободных пространств происходили с применением преимущественно архаичных старожильческих методов народной агрономии, пригодной лишь для уходившей в прошлое залежной системы земледелия и примитивных переселенческих навыков, не адаптированных для Сибири. Все это вместе вызвало кризис традиционной системы земледелия, привело к снижению плодородия почв. Интенсификация сельского хозяйства на базе технических новшеств стала одной из заметных тенденций, но не определяла его облик и не могла переломить уси-

ливавшегося кризиса [19].

В советской историографии шла многолетняя дискуссия об общем облике капитализма в сибирской деревне, о преобладании американского или прусского пути его развития. В эпицентре изучения оказались соотношение типов крестьянского хозяйства, масштабы аренды и применения наемного труда. Проблема организации заготовок, переработки и сбыта продовольствия отошла на второй план, что вполне следует из историографического обзора, хотя его автор, В.И. Пронин, впрямую данное обстоятельство не отмечал [20].

В постсоветской исторической науке можно выделить две тенденции. Первая заключается в продолжении и развитии прежних историографических традиций, вторая – в специализации и регионализации исследований хлебного рынка, обращении к новым научным проблемам.

В частности, дальнейшее развитие получила тема агрономических приемов земледелия сибирских крестьян, что впрямую связано с оценкой перспектив ведения ими ориентированного на рынок хозяйства [7]. В более объективном ключе поставлен вопрос об усилиях государства и общественности по развитию агрикультуры и созданию условий для товаризации крестьянских хозяйств сибиряков. Пропаганду государством агрономических знаний исследователи называют одним из факторов развития сельскохозяйственного производства. Но пока актуальность изучения данной проблемы только обозначена, очерчен круг источников, к анализу которых следует приступить [9, 10]. И.И. Кротт исследовал значение крупных предпринимательских хозяйств Сибири в товарном производстве хлеба. Он показал, что такие хозяйства стали центрами селекции, апробации передовых технологий, внедрения сельскохозяйственной техники, а также трансляторами новаций на соседние крестьянские хозяйства [15, с. 88–123].

В.И. Пронин, продолжив изучение рыночных связей Сибири в начале XX в., выделил зерновые продукты как главный предмет сибирского вывоза. Детально проследив пути транспортировки, места ввоза и потребления сибирского хлеба, автор отметил высокие транспортные издержки, делавшие выращивание хлеба низкодоходным занятием, а также отсутствие предприятий по переработке зерновой продукции внутри Сибири, вынуждавшее предьявлять к вы-

возу наиболее дешевую, необработанную зерновую продукцию [24, с. 48–57; 25].

Известный еще с советского времени историк сибирского крестьянства второй половины XIX – начала XX в. А.А. Храмов обратился к вопросу организации хлебного рынка. В ряде своих публикаций он отметил, что активно используемая историками железнодорожная статистика фиксирует вывоз хлеба по Сибирской железной дороге, а это не то же самое, что вывоз из Сибири. Автор проанализировал проблему с учетом экономического районирования. Основой для его построений стала дореволюционная публикация, содержащая значительный массив железнодорожных статистических данных, которые издатели, не сопроводили должным анализом [30]. Такой анализ и проделал А.А. Храмов, считая именно используемые им данные наиболее адекватно отражающими тенденции развития сибирского хлебного рынка.

Сделанные барнаульским автором выводы позволяют утверждать, что исследователи преувеличивали развитие хлебного рынка Сибири и влияние на него железнодорожного транспорта. Строительство железной дороги привело не к резкому росту вывоза хлеба из Сибири, а к перераспределению грузопотоков. Железнодорожный вывоз по Сибирской железной дороге рос, во-первых, за счет снижения водных перевозок, во-вторых, за счет сокращения вывоза с «не сибирских» станций, близких к хлебопроизводящим районам Западной Сибири и Степного края. Еще одно важное наблюдение – благодаря развитию железнодорожного транспорта увеличилось не только и не столько вывоз хлеба за пределы Сибири, сколько внутренние перевозки. Произошло усовершенствование хлеботорговых путей, сократилась дальность гужевых перевозок. Исследователь обратил внимание, что рост перевозок хлеба примерно совпадал с темпами прироста сельского населения Сибири. Если учесть, что за время между сооружением Транссиба и революцией 1917 г. протяженность железных дорог в Сибири удвоилась, такие темпы следует признать более чем скромными. Нестабильность валовых сборов вызывала сильные годовые колебания объемов товарного избытка. Приведенные А.А. Храмовым сведения доказывают, что такие колебания меньше всего сказывались на внутрисибирском рынке, снабжавшимся в первую очередь, сильнее отражались на вывозе хлеба в Европейскую часть России. 40 % всех вывозимых в запад-

ной направлении сибирских хлебных грузов приходилось на Урал. Перевозки в Европейскую часть России зависели от урожая и периодически чередовались с ввозом хлеба из этих же регионов в Сибирь. Наиболее подвержен был колебаниям экспорт сибирского хлеба, формировавшийся всегда по остаточному принципу. На экспорт шли не просто излишки, остававшиеся от прочих направлений, но при условии неурожая в центральной части государств, как бы компенсировали сокращение российского хлебного экспорта [32; 33; 34, с. 36–63].

Предметом изучения сразу нескольких авторов стала хлебная торговля, что является несомненной новацией, отражением повышенного общественного интереса к истории предпринимательства и коммерческих связей. Наибольшими территориальными рамками отличается исследование Е.А. Носовой. Ограничившись второй половиной XIX в., она показала уровень развития хлебного рынка ко времени проведения железной дороги. Выделив три района товарного производства излишков хлеба, она показала динамику изменения объемов торговли в каждом из них, скорректировав выводы В.И. Пронина в сторону увеличения. Ялуторовско-Курганско-Ишимский район снабжал Урал и Тобольский Север и Степной край, заселенный кочевым населением. Томско-Мариинско-Каинский район поставлял хлеб на винокуренные заводы и снабжал хлебом население Урала и Северного Приобья. Самый поздний из трех по времени складывания был алтайский район. Он обладал наибольшими излишками хлеба (до 15 млн пудов), но небольшой емкостью сбыта на сопредельные территории [17; 18]. Поэтому цены на Алтае стояли низкие. Автор отметила огромное влияние голода 1892–1893 гг. на активизацию вывоза хлеба с Алтая. Именно резко возросший спрос на рынках Европейской части России способствовал усиленной скупке зерновых продуктов на Алтае и организации их вывоза пароходами по Оби [16, с. 50–52].

Хлебная торговля в Томской губернии стала предметом диссертационного исследования и публикаций С.А. Суслиной, в Енисейской губернии – М.В. Константиновой [13,14, 31]. Оба автора отметили небольшую емкость местного рынка до проведения железной дороги и ее решающее значение. Опираясь на сибирскую периодическую печать, они дали описание достаточно архаичной системы скупки хлеба в производящих районах Сибири. В деревнях

господствовали мелкооптовые скупщики-ростовщики, а ярмарки оставались местом формирования крупных партий. Вопрос о ярмарочной торговле, в том числе хлебной, специально изучала Н.К. Щеглова, но она ограничилась югом Западной Сибири и северо-восточными районами Степного края [36; 37]. Организация скупки, подвоза и хранения хлеба на Алтае затрагивалась и в публикациях других авторов [29].

Достижения отечественной историографии открывают перспективы дальнейших исследований. Пожалуй, к наиболее значимым результатам современного периода следует отнести введение в научный оборот статистических данных и фактов, доказывающих, что дореволюционные и советские исследователи существенно преуменьшали масштабы рыночного оборота хлеба до проведения железной дороги, и преувеличивали ее влияние на рост товарной зерновой продукции. При этом на современном этапе обозначились очевидные и серьезные пробелы.

В условиях господства натурального хозяйства до строительства железных дорог важнейшей частью рыночных отношений являлось внутридеревенское коммерческое перераспределение хлеба, мелкорайонная торговля. Отражавшие данный процесс источники только начинают вводиться в научный оборот. Исследователи основываются преимущественно на материалах сибирской прессы, но полноценно используют ее только в исследованиях, выполненных в локальных территориальных рамках. Даже изучение темы в региональном масштабе отличает выборочное, почти эпизодическое привлечение прессы, тогда как газеты, журналы и справочная литература позволяет проследить становление и развитие инфраструктуры хлебного рынка, пространственные особенности и ежегодную динамику по отдельным районам.

Остался недостаточно изученным еще один аспект данной проблемы – функционирование хлебозапасной системы. В районах, удаленных от железной дороги, хлебозапасные магазины до революции 1917 г. оставались важнейшим местом накопления излишков хлеба, а выдача из них продовольственных и семенных ссуд составляла значительную часть оборота хлеба. Статистические и делопроизводственные источники позволяют выявить достаточно полные сведения, между тем, в историографии содержатся лишь отрывочные, часто иллюстративные данные.

Значение организующего влияния государства на хлебный рынок вполне осознано исследователями [12], а участие государства в перераспределении хлеба между районами его избыточного и недостаточного производства до сих пор не изучалась. Находясь почти целиком в зоне рискованного земледелия, Сибирь почти ежегодно подвергалась климатическим атакам на зерновое хозяйство, сталкиваясь с проблемами локальных недородов, а иногда и масштабных неурожаев. Одновременно в других районах могли собираться весьма хорошие урожаи. Губернская администрация выступала главным организатором продовольственной и семенной помощи населения. Почти каждый год она оказывалась одним из крупнейших скупщиков хлеба, играя большую, а в отдельные годы и определяющую регулирующую роль на рынке. В неурожайные годы государственная скупка хлеба для населения вырастала, а продажа в неурожайных местностях серьезно сдерживала рост цен. В урожайные годы население выплачивало долги по хлебным ссудам, что также влияло на рыночную конъюнктуру. Государство же к началу XX в. выстроило сложную систему хлебных бюджетов, включавшую волостные, губернские и общий имперский продовольственный капитал, расходование и восполнение которых стало частью оборота хлеба. До сих пор существует единственная специальная публикация о государственной продовольственной помощи сибирскому населению при неурожаях. Посвящена она одному из частных сюжетов и лишь «приоткрывает» крупную научную проблему [3].

Известно, что узким местом хлебного рынка на протяжении первых десятилетий XX в. оставалась его инфраструктура: устоявшиеся схемы подвоза, хранения, переработки. В современной историографии тезис о том, что недостаток мест хранения, их примитивность в техническом отношении оставались сдерживавшим фактором хлеботорговли, негативно сказывались на качестве поставлявшегося на рынок зерна и, в конце концов, понижали его рыночную цену, стал почти общепринятым. Но исследование упомянутых аспектов с советского времени остается спорадическим, и историки далеки от выстраивания обобщающей картины.

Не менее значимой частью хлебного рынка являлась его институциональная составляющая: взаимодействие продавца и покупателя, характер конкуренции, соотношение частных торговцев и хлеботорговых фирм, порядок взаимодействия розничных и опто-

вых торговцев. Специальных исследований данных аспектов почти нет, если не считать небольшие разделы в исследованиях по истории предпринимательства. Однако они ограничены локальными или региональными территориальными рамками, и хлебный рынок в них исследуется наряду с другими сегментами рыночных отношений, а не как самостоятельная тема. Значительный потенциал источников по этой теме остается невостребованным.

Проблемы зернового хозяйства Сибири, его организационной и агротехнической трансформации под влиянием переселений, а также более совершенной организации сбыта хлеба являлись предметом оживленных дискуссий в специализированных сельскохозяйственных изданиях. Богатейшее наследие теоретиков и практиков используется в современных исследованиях фрагментарно или на уровне постановки проблемы.

Более полное освоение источниковой базы темы с учетом накопленного историографического опыта открывает широкие перспективы для изучения развития хлебного рынка Сибири, его динамики и территориальных особенностей, что в свою очередь является основной для решения более общей проблемы анализа и оценки перспектив аграрного развития Сибири.

Литература

1. *Асалханов И.А.* Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975.
2. Азиатская Россия. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. СПб, 1914.
3. *Белянин Д.Н.* Основные мероприятия по оказанию помощи крестьянству в неурожайные годы в Томской губернии на рубеже XIX – XX вв. // Экономическая история Сибири XX – начала XXI в.: Материалы III Всерос. науч. конф. Барнаул, 2012. С. 186–193.
4. *Березин Н.И.* Материалы о вывозе из Западной Сибири пищевых продуктов (хлеб, мясные товары и скот, масло) и животного сырья (кожевенные товары и шерсть) и положение Западно-Сибирского района по отношению к общерусскому и мировому рынкам этих продуктов. М., Б.и., 1921.
5. *Гензель С.* Движение урожая с одной казенной десятины в Сибирском крае с 1896 по 1925 гг. // Статистический бюллетень. Новосибирск, 1927. № 9–10. С. 64–91.
6. *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967.
7. *Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Ноздрин Г.А.* Опыт народной агрономии в Сибири (вторая половина XIX начало XX в.): Монография. Новосибирск, 1993.
8. *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири в период империализма

- (1900–1917). М., 1976.
9. *Давыденко Н.А.* Сибирская агрономическая служба: информационные ресурсы источников конца XIX – начала XX в: источники по ее зарождению и развитию // Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII–XXI веков : коллект монография. Новосибирск, 2013. С. 93–106.
  10. *Давыденко Н.А., Котович Л.В.* Сельскохозяйственная печать как источник для изучения вопросов модернизации аграрного производства и систем землепользования в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII–XXI веков: коллект. монография. Новосибирск, 2013. С. 33–44.
  11. Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. / Ред. М.П. Щетинина, В.Н. Разгон. Барнаул, 2011.
  12. *Константинова М.В.* О роли государства в хлебной торговле Сибири в конце XIX – начале XX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сб. статей. Барнаул, 2005. С. 197–209.
  13. *Константинова М.В.* Хлебная торговля в Енисейской губернии в середине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007.
  14. *Константинова М.В.* Хлебная торговля Енисейской губернии: Монография. Красноярск 2010.
  15. *Кротт И.И.* Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: монография. Омск, 2009.
  16. *Носова Е.А.* Голод 1891–1891 г. в России и зерновой рынок Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. 2007. № 4–1. С. 48–53.
  17. *Носова Е.А.* Хлебная торговля Тобольской губернии (вторая половина XIX в.) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири: Межвуз. Сб. науч. статей. Вып. 2: XVIII в. – 1920-е гг. Барнаул, 1997, С. 82–98.
  18. *Носова Е.А.* Хлебная торговля Западной Сибири во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.
  19. *Островский И.В.* Сельскохозяйственные навыки сибирского крестьянства в период империализма // Земледельческое освоение Сибири в конце XIX – начале XX в. (трудовые традиции крестьян): сб. статей. Новосибирск, 1985. С. 87–97.
  20. *Пронин В.И.* Аграрный рынок Сибири эпохи капитализма в советской историографии // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: историография проблемы: сб. науч. трудов. Новосибирск, 1988. С. 61–80.
  21. *Пронин В.И.* Влияние трудовых традиций крестьян на развитие земледелия в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Земледельческое освоение Сибири в конце XIX – начале XX в. (трудовые традиции крестьян): сб. статей. Новосибирск, 1985. С. 98–111.

22. *Пронин В.И.* Города Сибири как рынки сбыта сельскохозяйственной продукции в период капитализма // Город и деревня Сибири досветского периода в их взаимосвязи: Межвуз сб. науч. статей. Новосибирск, 1988. С. 61–73.
23. *Пронин В.И.* Земледельческие орудия и сельскохозяйственные машины в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Из истории крестьянской Сибири. Томск, 1978. С. 80–98.
24. *Пронин В.И.* Сибирь в составе Всероссийского и мирового рынков (1897–1917 гг.): материалы к спецкурсу. Новосибирск, 1999. С. 48–57.
25. *Пронин В.И.* Хлебная торговля Сибири в конце XIX – начале XX вв. // «Сибирь – мой край...»: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1999. С. 47–66.
26. *Пронин В.И.* Торговля Сибири с Европейской Россией в период домонопольного капитализма // Проблемы истории дореволюционной Сибири: сб. науч. статей Томск, 1989. С. 94–112.
27. *Пронин В.И.* Динамика уровня земледельческого производства в Сибири во второй половине XIX–начале XX в. // История СССР. 1977. №4. С.59-75.
28. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем: исторический очерк / Сост. С.В. Саблер, И.В. Сосновский. СПб., 1903. VIII, II, 451, 12 с. 27 л. илл.
29. *Скубневский В.А.* Усть-Чарышская пристань в конце XIX – начале XX века // Нижнее Причарышье: очерки истории и культуры. Барнаул, Усть-Присань, 1999. С. 43–44.
30. Статистический обзор вывоза хлебных грузов из Сибири, Урала и Западного Предуралья за время с 1896 по 1913 год / Сост. Н.Д. Рудаков. М., 1916. 19 с., таблицы.
31. *Суслина С.А.* Региональный зерновой рынок Сибири в 1900–1917 г. (на примере Томской губернии): Дис. ... канд. ист наук. Барнаул, 2002.
32. *Храмков А.А.* Вывоз сельскохозяйственной продукции из Западной Сибири // Предпринимательство в Западной Сибири. Барнаул, 1994. С. 90–99.
33. *Храмков А.А.* Распределение железнодорожных перевозок хлеба в Сибири в 1896–1913 гг. по направлениям их назначения // Предприниматели и предпринимательство в Сибири: Межвуз. Сб науч. тр. Барнаул, 1997. С. 132–138.
34. *Храмков А.А.* Очерки истории крестьянства Сибири в начале XX в. Барнаул, 2014.
35. *Шиша А.* Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1922.
36. *Щеглова Т.К.* Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли: Монография. Барнаул, 2002.
37. *Щеглова Т.К.* Ярмарки Юга Западной Сибири в XIX – начале XX века: Монография. Барнаул, 2001.

**Некоторые особенности экономики крупного помещичьего хозяйства в конце XIX – начале XX в.
(по материалам Ракитянского имения Юсуповых
и Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых)²**

В статье рассмотрены особенности модернизации Ракитянского имения Юсуповых в Курской губернии и Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых в Тамбовской губернии. Изучена проблема технической интенсификации, отраслевой специализации, данные о капиталистических формах хозяйствования двух имений.

Ключевые слова: помещики; крупное хозяйство; Ракитянское имение Юсуповых; Ново-Покровское имение Орловых-Давыдовых.

Для сохранения своего положения в пореформенной России дворянству требовалось приспособиться к социальной и экономической модернизации. Налаживание хозяйственной жизни в имениях, переход к сельскохозяйственному предпринимательству стал для высшего сословия важнейшей задачей. Нельзя сказать, что традиционные группы дворянства никак не отреагировали на брошенный вызов. Несмотря на кризис дворянского землевладения и массовую продажу имений, в среде дворянства хватало предпринимателей, промышленников, владельцев образцовых хозяйств и т.д. Вопрос в другом – насколько пореформенное дворянство имело шансы на успешность модернизации, что толкало экономически активную часть сословия к поиску новых моделей хозяйственного поведения, почему для одних дворян сложившиеся условия не стали преградой к модернизации и эффективному производству, а другие вынуждены были оставить «родовые гнезда».

В данной статье обобщены экономические особенности развития крупных имений на микроуровне. В качестве объекта для исследования были выбраны Ново-Покровское имение семьи Орловых-Давыдовых в Тамбовском уезде Тамбовской губернии и Ракитянское владение Юсуповых в Ракитянском уезде Курской губернии.

Эти хозяйства, безусловно, заслуживают самого пристального

---

¹ Житин Руслан Магометович, кандидат исторических наук, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, *istorik08@mail.ru*, Россия, г. Тамбов.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-49-680004\18).

го внимания. Несмотря на кризис в развитии сельского хозяйства в конце XIX – начале XX в., Ново-Покровское и Ракитянское имения благодаря инновационным подходам в управлении и разнообразию собственных производств сохранили устойчивую динамику социальных и экономических показателей. Они повлияли на жизнь и быт крестьянского населения на территории уездов Тамбовской и Курской губерний, сумели привлечь на работу крестьян из Воронежской и Орловской губерний, а также области Войска Донского.

Источниковой базой работы стали материалы вотчинных архивов Ново-Покровского и Ракитянского имений, находящиеся в фондах двух государственных архивов³. Сохранившиеся данные позволяют проследить погодную динамику экономического развития двух хозяйств, изучить характеристики местных рабочих и служащих. В фондах содержатся распоряжения, циркуляры и инструкции Главной конторы по управлению имениями, дела о закупках породистого скота, сельхозинвентаря, об использовании земель, в том числе об аренде их окрестными крестьянами, о посевах сахарной свеклы и других сельскохозяйственных культур, о состоянии животноводства, реализации продукции и т.д. Подробность и разнообразие источниковых данных Ново-Покровского и Ракитянского вотчинных архивов во многом обуславливалась длительными традициями управления двумя хозяйствами, разработанностью норм вотчинного документооборота [4, с. 146–149].

Согласно источникам вотчинных архивов к капиталистической модернизации своих владений помещики приступили в последней четверти XIX в. Владельцы увеличили долю сельскохозяйственного инвентаря, расширили закупки рабочего скота и торговые отношения с партнерами.

Главной частью капитала двух экономий в пореформенное время была земля. Ее примерная оценка возможна на основании установившихся для конца XIX – начала XX столетия цен на землю (табл. 1).

За почти 35 лет нахождения Ново-Покровского в собственности А.В. Орлова-Давыдова площадь имения возросла на 38,5 %, а его ценность, благодаря увеличению размера экономии и росту стоимости земли, на 78,3 %. Таким образом, несмотря на то, что рост

---

³ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 195. Оп. 1; РГАДА. Ф. 1290 (Юсуповы). Оп. 5. Ч. 2; Ф. 1273. (Орловы-Давыдовы). Оп. 1. Ч. 1–4.

ценности земли в экономии опережал рост ее площади, владельцы имения не продавали землю, а расценивали ее как основной ресурс производственной деятельности.

Таблица 1

Рост площади земель и совокупной стоимости земельных ресурсов Ново-Покровского владения А.В. Орлова-Давыдова

Статья	Год		
	1885 г.	1891 г.	1912 г.
Количество земли (дес.)	7014	10230	11411
Оценка земли (руб.) за 1 дес.	106	106	300
Стоимость земли (руб.)	743484	1084380	3423300

Росту рентабельности сельского хозяйства двух имений служили постоянные инвестиции в аграрное производство. Как и в Ракитянской экономии, так и в Ново-Покровском имении широко использовались усовершенствованные машины и орудия, активно внедрялись новые методы землепользования, возростала роль искусственных и естественных удобрений. Уже к началу XX в. большая часть работ по выращиванию и уборке сельскохозяйственных культур, а также в животноводческих отраслях была механизирована. Траты на сельхозтехнику следует признать выдающимся явлением для своего времени. По данным Л.П. Минарик Юсуповы сконцентрировали у себя до половины усовершенствованных орудий всего Ракитянского уезда. Для обработки пашни в Ракитном имелось свыше 400 железных плугов, более 300 борон и около 200 культиваторов, а также сеялки, молотилки, сортировки. Большинство орудий и устройств были куплены в 1906–1909 гг., что позволяло использовать в имении относительно новые механизмы⁴.

Преимущества крупного производства определялись широкими финансовыми возможностями Юсуповых. Стремясь найти наиболее успешный путь модернизации, владельцы стремились использовать самые современные технико-технологичные решения. Например, проблему быстрой уборки урожая в Ракитном пытались решить закупкой молотилок Кейн, средней стоимостью 7 тыс. руб. за единицу [5, с. 379]. В 1910 г. в Ракитном с целью улучшения землепользования первым в Курской губернии появился трактор. Широкие закупки самых производительных сельскохозяйственных орудий позволили решить проблемы с наймом рабо-

⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ч. 2. Д. 1446. Л. 3-4.

чей силы, считавшиеся актуальными для крупных имений. «Новые условия хозяйства, – писал раakitянский управляющий, – требуют все более и более спешной молотьбы, почему в каждом хозяйстве число паровых гарнитур увеличивается. В настоящее время есть паровые молотилки-«самоходы», которые применяются для молотьбы и пахоты. Такое качество техники очень желательно, так как цены на скот и рабочие руки все увеличиваются»⁵.

Не меньшие масштабы имела техническая модернизация Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых. Наряду с российскими образцами в имение приходила техника немецких («Скривен»), английских («Глазков», «Ватзон»), американских («Мок») и других фирм⁶. Если в 1901-1904 гг. в модернизацию сельскохозяйственного производства было вложено 14 тыс.руб., то на отрезке 1905-1908 гг. эта сумма возрастает до 39 тыс.руб., а с 1909 по 1912 г. – до 189 тыс. руб. Таким образом, капитализация сельскохозяйственного производства в имении в начале XX в. выросла более чем в 10 раз. Общий капитал, вложенный в сельхозтехнику в расчете на десятину площади, увеличился в 10 раз (1901 – 1,3 руб., 1912 – 11,9 руб.)⁷.

Важным критерием, показывающим эффективность денежных инвестиций в производство, является стоимость закупленной техники на дес. площади. Учитывая, что средний показатель для российских имений не превышал 4 руб. на дес. посева [1, с. 140], показатели обоих владений следует признать высокими: в Ново-Покровской экономии он составлял 11,9 руб. на дес., в Раakitяном – 26 руб. на единицу площади.

Основной отраслью сельскохозяйственного производства двух имений в начале XX в. оставалось полеводство.

Из-за значительного увеличения посевов и начала специализации полеводства особый интерес представляет состояние Ново-Покровского имения в условиях роста хлебных цен⁸. Из-за колебания размеров площадей, отведенных под конкретные сельхозкультуры, материал был сгруппирован по 4-летиям (диаграмма 1).

В период с 1901 по 1912 г. отчетливо видны две тенденции:

---

⁵ Там же. Д. 1476. Л. 86.

⁶ ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 596. Л. 141.

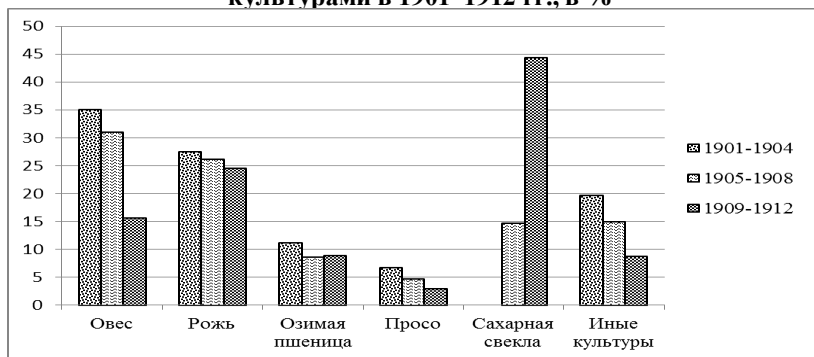
⁷ Там же.. Д. 102.

⁸ Там же.

расширение производства сахарной свеклы и сокращение площади под всеми остальными культурами. В общей структуре посевов площадь под зерновыми за 12 лет упала с 80% до 51%. Зато количество дес. сахарной свеклы увеличилось в 4-летие 1909-1912 гг. с 15% до 44%.

Диаграмма 1

Изменение площади под основными сельскохозяйственными культурами в 1901–1912 гг., в %

Посевная площадь сократилась бы еще значительней, если бы не сенокосные и пастбищные угодья. Между периодами 1901-1905 гг. и 1908-1912 гг., их совокупное пространство уменьшилось на 38 % (с 3997 до 2485 дес.). Наметившаяся в имении перестройка полеводства отразилась, в том числе и на подсолнечнике и льне. Именно эти растения составляли костяк наиболее ценных для аграрного рынка технических культур и наиболее активно распространялись в крупных экономиях [2, с. 207]. Однако полностью использовать землю под зерновыми в имении не стремились. Об этом свидетельствует то значение, которое придавали в имении культуре ржи. Несмотря на общее сокращение хлебов, ее площадь понизилась менее всего (на 3%). В результате, в 1909-1912 гг. рожь превратилась во вторую по значимости культуру в хозяйстве Орловых-Давыдовых, пропуская вперед только сахарную свеклу (24% посевных). Укрепление позиций ржи, и начало производства сахарной свеклы, свидетельствовало об оптимизации структуры полеводства в Ново-Покровке, выборе наиболее доходных культур. С 1900 по 1913 г. именно рожь стала одной из самых распространенных культур в Тамбовской губернии [2, с.206]. За первые 15 лет XX в. ее посевы возросли на 116 %. Что касается сахарной свеклы, то в начале

XX в. сахароварение становится фактически монополией крупных помещиков, принося заводчикам немалые барыши [3, с. 104-153].

Аналогичные процессы происходили и в Ракитянском имении. Для наиболее продуктивного использования своих производственных ресурсов, Юсуповы применили отраслевую специализацию. В качестве основы производства было выбрано свеклосахарное. В 1895 г. в имении Юсупова был построен сахарный завод. Ввод в эксплуатацию предприятия стимулировал развитие собственного полеводства. Специально для свекловичных плантаций в имение поступает усовершенствованная техника. В 1906 г. были куплены 42 многорядные сеялки типа «Звезда» и «Универсал», плуги для глубокой вспашки земли под посадку свеклы⁹. Развитие сахарной промышленности полностью себя оправдало. В 1900 г. прибыль от Ракитянского сахарного завода составила 311 тыс.руб., тогда как остальные 12 владений семьи принесли только 313 тыс. дохода.

Практиковалась в имениях сдача в аренду земли, однако, с разными целями. В Ракитном аренда земли использовалась для привлечения наемных работников. В Ново-Покровке аренда служила источником получения дополнительного дохода с неиспользуемой в хозяйстве земли, по мере ее вовлечения в севооборот аренда сокращалась.

Низкий уровень агрокультуры местных крестьян способствовал росту спроса на землю. Так, в 1905 г. крестьяне д. Городище Мордовской волости Усманского уезда, указывали «на нужду в земле», когда 500 душ земледельцев использовали только 470 дес. Отметив «крайнее свое разорение» они просили у экономии продажи 1000 дес. земли, но получили отказ, утвержденный лично владельцем имения. Подобные ответы крестьяне получали и в дальнейшем¹⁰. В имении никогда не отводилось к раздаче больше 11 % общей земельной площади.

Рост аренды до 1908 г. и ее уменьшение к 1912 г. иллюстрирует график. Уменьшение арендных отношений с крестьянами, очевидно, было связано с ростом собственных производственных мощностей имения. В это время заканчивался ввод в строй сахарного завода. По сравнению с 1908 г. в 1912 г. площадь под постройками возрастает на 47 %, количество удобной земли – на 16 %. В результате, в 1912 г. соотношение отдаваемой и имеющейся в собственном

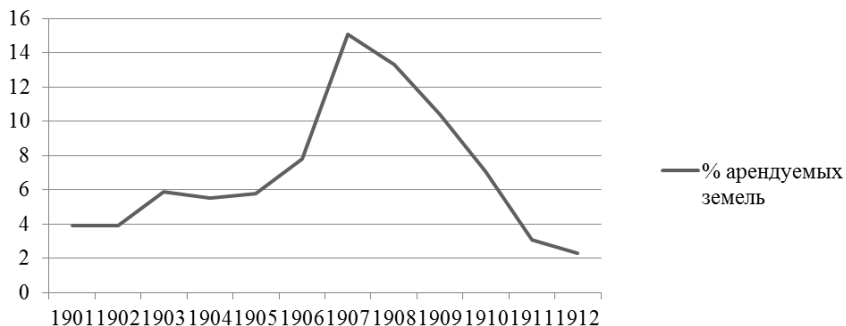
⁹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ч. 2. Д. 1483. Л. 78.

¹⁰ ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 213. Л. 39.

хозяйстве удобной земли опустилось до минимальных – 2,3 %. Отказ от арендных статей происходил, несмотря на повышение средней стоимости одной снятой десятины. С 1901 по 1912 г. она выросла почти вдвое – 14,67 до 31,74 руб.

Диаграмма 2

Динамика аренды крестьянами земли в Ново-Покровской экономии, %

В это же время в поволжских владениях семьи, ее экономиях в Подмоскowie, Орловской и Воронежской губерниях, происходило усиленное сокращение собственной запашки. Происходило резкое увеличение площади сданных в пользование крестьянам земель. За 1900–1910 гг. собственное хозяйство Орловых-Давыдовых сократилось с 37,9 тыс. дес. до 23,1 тыс. дес. Причем, рост арендных раздач происходил в основном, за счет увеличения аренды на один посев (+48 %) (табл. 2)¹¹.

Таким образом, рост собственной запашки и расходы на интенсификацию площадей в Ново-Покровке не соответствовали общей тенденции в хозяйственном комплексе Орловых-Давыдовых. Имение наращивало собственный потенциал на фоне снижения передовых форм организации землепользования в остальных имениях. Можно с уверенностью сказать, что в отношении владений Орловых-Давыдовых подтверждается тезис Л.П. Минарик о неравномерности капиталистического развития разных хозяйств отдельных владельцев [6, с. 138]. Помещик предпочитал вкладывать свои средства не во все имения, а только в одно-два, социально-экономическая динамика которых способствовала получению высоких прибылей. Такие экономии являлись крупными очагами концентрации

¹¹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 4. Д. 2592. Л. 47–58; Д. 2605. Л. 51–56.

сельскохозяйственной техники, наемных рабочих и производства. Причем, «накачка» капиталом имела вид долгосрочных инвестиций и не давала сиюминутного результата.

Таблица 2

Изменение землепользования в имениях Орловых-Давыдовых в 1909–1910 гг. (дес.)

Показатели	1900 г.	1910 г.
Всего удобной земли	171610	170786
Без леса	117596	118647
Земля, занятая в своем хозяйстве (без леса)	37871	23051
Сдано в аренду по долгосрочным контрактам	17128	15029
Сдано на один год	50029	74437
Сдано исполу	7112	657
Отведено бесплатно церкви и местному начальству	1212	1545
Сдано под рыбные ловли	2213	2213
Итого	77694	93881

В отличие от Ново-Покровской экономии владельцы Ракитянского имения расценивали аренду как средство привлечения наемных работников в производство. Даже в начале XX в. в экономике Юсуповых использовался инвентарь наемных работников, и применялась отработочная система. По всей видимости, таким образом, имение восполняло дефицит свободного найма. Наиболее трудоемкая сфера – уборка культур требовала до 10 тыс. работников. Важность некапиталистических форм землепользования в имении Юсуповых демонстрирует диаграмма 3¹².

Сопоставление стоимости полевых работ в Ракитном, которые производились крестьянским и собственным инвентарем, демонстрирует постепенное вытеснение крестьянских орудий сельскохозяйственной техникой имения. В 1904 г. на капиталистические формы производства приходится 41% стоимости произведенных работ, 59% – на отработочные. В 1907 г. соответственно – 46% и 54%, и в 1910 г. – поровну.

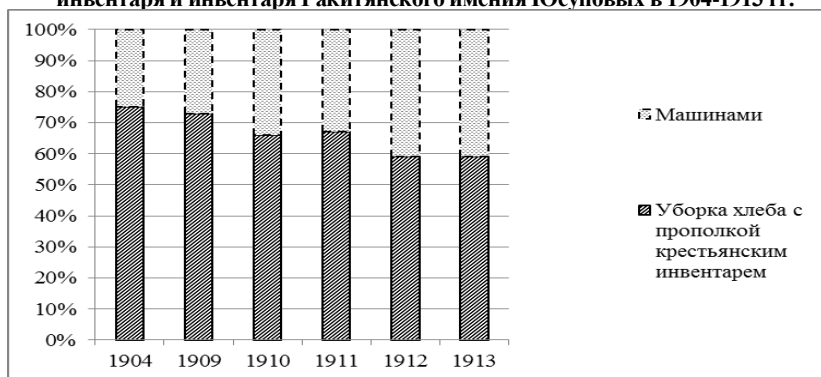
Таким образом, в начале XX в. Ново-Покровское имение Орловых-Давыдовых и Ракитянское имение Юсуповых превратились в крупные центры сельскохозяйственного производства. Изучение систем хозяйства в экономиях подтверждает тезис о чрезвычайно сильном влиянии сельскохозяйственного кризиса на поме-

¹² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ч. 2. Д. 1378, 1483, 1559.

щичьи владения. Одну часть своих имений владельцы ориентировали на малозатратную, отработочную модель производства, а другую – на эффективное хозяйствование. Такая стратегия позволяла экономить средства, направлять их на развитие наиболее рентабельных отраслей. Изучаемые имения принадлежали к передовым, интенсивно развивающимся владениям. Нарастание и совершенствование производственной части местных хозяйств в значительной степени стало возможным благодаря наличию необходимых денег у владельцев имений. Вместе с тем, инвестиции помещиков расходовались рационально и продуманно, служа повышению экономической мощи хозяйств.

Диаграмма 3

Изменение площади уборки хлебов и свеклы, с использованием крестьянского инвентаря и инвентаря Ракитянского имения Юсуповых в 1904-1913 гг.

Литература

1. *Анфимов А.М.* К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 65.
2. *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начале XX века). М., 1969.
3. *Гефтер М.Я.* Из истории монополистического капитализма в России (Сахарный синдикат) // Исторические записки. М., 1951. Т. 38.
4. *Житин Р.М.* Социальные характеристики административного аппарата Ново-Покровского имения графа А.В. Орлова-Давыдова // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 11.
5. *Минарик Л.П.* Система помещичьего хозяйства в Ракитянском имении Юсуповых // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 5. М., 1962.
6. *Минарик Л.П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в.: землевладение, землепользование, система хозяйства. М., 1971.

Крестьяноведение как теоретико-методологический подход в области аграрной истории

В статье рассматриваются обстоятельства появления слова «крестьяноведение» в отечественной аграрной историографии и сельской социологии. Показаны внутренние противоречия той междисциплинарной области гуманитарного знания, которая может быть обозначена этим понятием. Обосновывается целесообразность на сегодняшний день говорить о «персонализированном» крестьяноведении.

Ключевые слова: крестьяноведение; методология; община; сельская поселенческая сеть; крестьянские мемуары; коллективизация.

Инициатором появления самого слова «крестьяноведение» в отечественной историографии и обществоведении стал известный российский востоковед и историк Великой Французской революции, профессионально исследующий также проблемы аграрных отношений в современной Франции, А.В. Гордон. В 1977 г. он перевел таким образом более или менее укоренившееся к тому времени в западной гуманитарной науке «*Peasant Studies*» и проявил находчивость, убеждая начальство ИНИОН, что статью «Крестьянство и крестьянские движения Востока в западном крестьяноведении» следует публиковать в институтском сборнике именно с этой формулировкой. В интервью главному редактору журнала «Крестьяноведение» А.М. Никулину он вспоминает, как на вопрос замдиректора Института: «Что за крестьяноведение? Нет же рабочеведения?» он ответил: «Так и западоведения нет, а востоковедение есть» [9, с. 40]. Чисто крестьянская находчивость, скажет на это ценитель народных сказок. Кстати, А.В. Гордон, развивая и уточняя для себя стоящие за этим словом методологические позиции, счел совершенно необходимым обратиться в том числе и к таким источникам, как народная социально-утопическая легенда и русская сказка [9, с. 45–46].

Признаюсь, мне не хватило такой находчивости, когда 21 октября 2016 г. в аналогичной ситуации пришлось отстаивать терминологическую состоятельность слова «крестьяноведение». Защищая в Томском государственном педагогическом университете отлично

---

¹ Бабашкин Владимир Валентинович, доктор исторических наук, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, vbashkin@ranepa.ru, Россия, г. Москва.

выполненную диссертацию об эволюции сельской поселенческой сети Томской области со второй половины 1940-х по конец 1980-х гг., О.В. Усольцева отважно подчеркивала, что методологической основой, на которой она выстраивает свои обобщения и выводы, является крестьяноведение [16], чем и спровоцировала вопрос о «рабочеведении». Мне как официальному оппоненту требовалось поддержать молодого историка, и я вкратце привел те доводы, которые с некоторыми подробностями излагаются ниже. Вспомнил я и знаменитое «кухарковедение» Т. Шанина [15, с. 107]. Но, конечно, западоведение/востоковедение было бы остроумнее и доходчивее. Вряд ли ошибусь, предположив, что отнюдь не всем участникам нынешней XXXVI сессии Симпозиума целесообразность предлагаемого словоупотребления очевидна. Я уже не раз писал об этой целесообразности (см., например, [4; 5]). Стараясь особо не повторяться, снова выскажусь в пользу того, что и само слово, и стоящая за ним динамично развивающаяся академическая реальность для нашей гуманитарной науки полезны и своевременны.

Западные коллеги привычно обозначают словосочетанием «*Peasant Studies*» такую область знания, как теория и история крестьянских обществ, т.е. стран, которые в демографическом и социально-экономическом отношении продолжают оставаться такими обществами либо были таковыми в обозримой исторической ретроспективе. В середине 1960-х – начале 1970-х гг. в специальной англоязычной литературе зафиксирован бум крестьяноведческих публикаций. Начинает выходить весьма достойное издание «*The Journal of Peasant Studies*». В общественной науке накапливается критическая масса исследований, делающих очевидным тот факт, что подобные общества нельзя изучать при помощи того же аналитического инструментария, который дает теория прогресса. Основные постулаты этой теории, возможно, сохраняют свою пригодность для изучения обществ либерально-рыночной цивилизации. Но то обстоятельство, что многие отечественные обществоведы с легкостью сменили марксизм-ленинизм (научный коммунизм) на антикоммунизм западных советологических трактатов, лишь подчеркивает, что эти методологические подходы – отнюдь не антиподы. Их глубинное сходство перевешивает внешние различия и сводится к претензии на теоретическое знание о столбовой дорожке прогресса человечества. В самом начале 1970-х гг. были опубликованы монографии

«Крестьянские войны двадцатого века» Э. Вульфа (США) [19] и «Неудобный класс» Т. Шанина (Великобритания) [18], авторы которых по сути доказывают, что *Peasant Studies* представляют собой более адекватный методологический подход к исследованию российской исторической проблематики по сравнению с теорией и методологией прогрессизма.

В отечественной исторической науке в то время ни о чем подобном и речи быть не могло. «Оттепели» оказалось недостаточно, чтобы обеспечить полнокровную жизнь «нового направления» в советской историографии во главе с К.Н. Тарновским, А.М. Анфимовым, П.В. Волобуевым и др. Отрицать аграрный капитализм в отечественной истории начала XX в. было равносильно святотатству, поскольку в этой связи под сомнение неизбежно попадала трактовка Великой Октябрьской социалистической революции как прорыва в масштабах одной страны (а после Второй мировой войны – и целого «социалистического лагеря») к более совершенному по сравнению с капитализмом социально-политическому устройству. Поэтому, в отличие от США и Великобритании, где идеологические рамки официальных догматов либеральной веры не были настолько жесткими, чтобы пресекать развитие *Peasant Studies*, в СССР это только лишь намечавшееся направление историографии подверглось решительному разгрому (см.: [1, с.219-236]).

Таким образом, если в зарубежном обществоведении область гуманитарного знания, связанная с изучением теории и истории крестьянских обществ, начинала свое развитие с исследований по этнографии и исторической антропологии, то в России приблизительно в это же время историки пытались добыть аналогичное знание путем более пристального изучения эволюции аграрного производства в собственной стране. Этому способствовал экономический детерминизм, присущий советской разновидности теории прогресса. Но даже то, что стало открываться на уровне аграрно-экономических исследований российской истории, оказалось плохо совместимо с аксиоматикой и догматикой вульгарного марксизма и Краткого курса истории ВКП(б). Это направление историографии столкнулось в начале 1960-х гг. с непреодолимыми препятствиями. С 1990-х гг. и по настоящее время историки все чаще обращаются к данному кругу проблем, и то, что прежде положено было считать бесспорным, ныне вызывает довольно острые дискуссии.

Показательно в этом плане научное творчество А.В. Островского. Он считал себя марксистом по научным убеждениям, имея в виду как раз экономический детерминизм, т.е. первичность того, что происходит в экономике по отношению к другим сторонам общественного устройства в целом. Он сознательно и вполне успешно преодолевал то, что в последние более чем четверть века при характеристике методологической основы советской исторической науки нередко обозначают как «вульгарный марксизм». Идя по этому пути, историк пришел к тем же выводам в вопросе о становлении капитализма в аграрном секторе российской экономики, которые на излете «оттепели», мягко говоря, не приветствовались идеологическим «начальством». В частности, чтобы показать уровень товарности производства зерновых, он ссылается на так называемую «таблицу Сталина». Это статистические данные, которые И.В. Сталин привел в докладе «На хлебном фронте», указав, что соответствующие расчеты были сделаны членом коллегии ЦСУ В.С. Немчиновым. «Согласно этим данным, – пишет Островский, – накануне Первой мировой войны производство хлеба в Европейской России составляло 5000 млн пуд., из них 2500 млн давали средние и беднейшие хозяйства, 1900 – кулаки и 600 – помещики. На рынок поступало 1300 млн пуд., или же 26 % всего хлеба, 280 млн реализовали помещики (22 %), 650 – кулаки (50 %), 370 – середняки и деревенская беднота (28 %)» [14, с. 11].

Такая выкладка по главному сектору российского народного хозяйства существенно корректирует общий взгляд на предвоенную Россию по сравнению с привычным. Следует также принимать во внимание и те расчеты, которые проводит А.В. Островский по рентабельности разных секторов аграрного производства, и то, что он пишет о характере и размере обложения земли, о «ножницах» цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию на внутреннем российском и мировом рынках. На внутреннем рынке это был прецедент попыток индустриализации за счет ограбления, обескровливания сельского хозяйства. В плане экспорта-импорта не только этот разрыв, но и разница в ценах на зерно на российском рынке и на рынках западных стран обеспечивали десятилетия неэквивалентного обмена, самой бессовестной эксплуатации российской экономики со стороны мирового финансового капитала [14, с. 309–349]. Становится понятно, в чем марксизм автора.

Думаю, что в известном смысле можно говорить о «крестьяноведении Островского». Очевидно, что не случайно, но повинуюсь каким-то неисповедимым путям развития общественной науки, ученый пришел к необходимости обсудить свой доклад «Дискуссионные проблемы аграрной эволюции пореформенной России (1861–1917)» в Центре аграрных исследований РАНХиГС с перспективой публикации стенограммы обсуждения в периодическом издании Центра «Крестьяноведение» (тогда – ежегодник ученых записок, с 2016 г. – ежеквартальный академический журнал) [10]. И А.А. Куреньшев совершенно прав, подчеркивая в тезисах доклада на XXXVI сессии Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы, что сугубо экономические, казалось бы, подсчеты и соответствующие размышления А.В. Островского весьма убедительно обосновывают характер и сроки той революции 1902–1922 гг. в России, о которой в свое время стали говорить и писать В.П. Данилов и Т. Шанин [13, с. 145].

В подобном же смысле, убежден, стоило бы говорить о крестьяноведении каждого из большинства историков и обществоведов, так или иначе специализирующихся на изучении аграрных отношений в России. Исключение составляют адепты теории прогресса, у которых само понятие «крестьянство» ассоциируется с чем-то архаическим и несущественным. В самом первом приближении крестьяноведение можно определить как внутреннюю потребность и умение исследователя соотносить предмет своей узкой специализации с коренным крестьянским интересом и социальной психологией, менталитетом крестьянства. Диалектическое противоречие здесь кроется в том, что авторы обширных исследований и фундаментальных монографий могут и не испытывать такой потребности, будучи уверены, что добытые ими из классических источников факты и цифры сами за себя говорят. Но при формулировании обобщений и выводов все равно требуется какая-никакая теоретическая опора. И гипотеза настоящего доклада состоит в том, что для аграрных исследований России ни модернизм, ни, тем более, постмодернизм в этих целях не годятся, и чем глубже и тоньше изучаются детали, тем более крестьяноведческим становится исследование по своей сути. Я достаточно долго шел к такому вот «персонифицированному» взгляду на крестьяноведение и на сегодняшний день уверен в его правомерности. Приведу в подтверждение три примера.

Пример 1: «Крестьяноведение Данилова». Виктору Петровичу Данилову довелось ознакомиться с содержанием монографии Дж. Скотта «Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии» [15, с. 29–47] при любопытных обстоятельствах (см.: [4, с. 327–328]). В книге речь ведется о том, как крестьяне в сельских обществах некоторых стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX в. коллективно противостоят угрозе голода, к каким коллективным практикам взаимопомощи они прибегают в острых ситуациях, что считают справедливым и несправедливым в своих взаимоотношениях с крупными землевладельцами, помещиками, на какие моральные обязанности со стороны последних по отношению к себе рассчитывают, когда и зачем поднимаются на открытые бунты, какими способами противостоят давлению властей в обычной повседневной жизни. Все это Дж. Скотт описывает на уровне общих закономерностей сельского бытия, коренящихся в крестьянской ментальности и общинных архетипах.

Хотя в монографии нет почти ни слова о России, В.П. Данилов был приятно удивлен: многие из этих вещей он сам осмысливал и описывал со сходных теоретических позиций, и все время наталкиваясь на твердое противодействие со стороны советского идеологического руководства. Родилась идея обсуждения концептуального содержания «Моральной экономики крестьянства» силами специалистов по аграрной истории России, а также экономистов, социологов, социальных философов, представителей других областей обществоведения. Идею поддержал единомышленник и друг Данилова Т. Шанин (Великобритания), позиционирующий себя как специалиста по исторической социологии. Так совместными усилиями двух авторитетных ученых был создан теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития», заседания которого регулярно проходили с 1992 по 2000 г.

На заседаниях семинара решался, в частности, вопрос, существует ли в истории человечества крестьянство как таковое, возможно ли дать ему удовлетворительное теоретическое определение или более правильно речь вести о мелких земледельцах такой-то страны в такую-то историческую эпоху, не делая широких обобщений. В крестьяноведении данный вопрос решается в пользу первой из этих альтернатив, но нередко серьезные ученые-аграрники убеж-

дают себя и окружающих, что более правильно второе. Мне пришлось это слышать и в кулуарах XXXVI сессии Симпозиума, и даже в докладе на одной из секций.

25 февраля 1994 г. проходило седьмое заседание семинара «Современные концепции аграрного развития», посвященное обсуждению книги другого классика зарубежных *Peasant Studies* Р. Редфилда «Малое сообщество. Крестьянское общество и культура» [15, с. 317–362]. В.П. Данилов вспоминал тогда, как происходило становление секции «Общинные организации сельского населения» в ходе работы по подготовке и проведению XII–XV сессий Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1970–1974 гг. Весной 1976 г. секция была закрыта без объяснения причин. Причину, по словам В.П. Данилова, «знали все, но никто не говорил: разработка общинной проблематики была одним из направлений научной мысли, расходившимся с догматами официальной исторической концепции» [15, с. 323].

Эти догматы советской версии теории прогресса достаточно жестко определяли приоритетные направления в исторических исследованиях. Одним из таких приоритетов как раз и было то, что так и хочется обозвать пресловутым «рабочеведением» – какие-то смутные формулировки о союзе рабочего класса с колхозным крестьянством, в который в СССР якобы эволюционировала марксова вековечная классовая борьба. А общинная проблематика не относилась к приоритетным направлениям, так как ассоциировалась с некой архаикой. Обнаружение архетипов общинно-крестьянского мышления и поведения в советской повседневности, впечатков общинности в социальных, экономических и политических институтах советского общества ставили под вопрос представление о советской модели как прорыве к вершинам общественного прогресса.

Между тем у Редфилда содержится представление об универсальном характере «малого сообщества» – от форм общежития беотийских крестьян, со знанием дела описанных Гесиодом в «Трудах и днях» [15, с. 339], по настоящее время включительно. Сформулировал Редфильд и разумные правила, которых надлежит придерживаться при исследовании подобных «малых сообществ». Это определенный алгоритм сочетания взгляда «извне» (позиция академически образованного внешнего наблюдателя общинной жизни) со взглядом «изнутри» (его способность максимально вжиться в по-

вседневное бытие наблюдаемых обитателей общины, «влезть в их шкуру»). Вот за такой подход в изучении аграрной истории В.П. Данилов готов был голосовать обеими руками. Открывая обсуждение «Малого сообщества», он выразил «сожаление по поводу того, что эта книга к нам пришла не в 1960 г., когда появилась на свет, – тогда она была бы очень полезной в дискуссиях вокруг проблемы общины, которые у нас развернулись в 1960-е и 1970-е гг. Это был драматический период в развитии исторической науки, обществоведения в целом, связанный с постхрущевским, не скажу “ренессансом” сталинизма, но все же известным возвратом в “царство холода”, надолго прервавшим “оттепель”. К тому времени наше отечественное *общиноведение* [курсив мой. – В.Б.] и в российском своем направлении, и в востоковедном, и в этнологическом как раз подошло к постановке проблем, которые так широко рассмотрены в работе Редфилда» [15, с. 323]. В продолжающихся и поныне дебатах об общине мне совсем недавно удалось воспользоваться хорошим поводом, чтобы выразить свою солидарность с этой позицией В.П. Данилова [2].

Однако есть в «крестьяноведении Данилова» одна позиция, которая продолжает подвергаться критике специалистов и, по моему, вполне заслуженно (см.: [11, с. 6–9]). Это убеждение ученого в том, что в период нэпа крестьянская община уверенно эволюционировала через крестьянскую кооперацию во что-то качественно иное, более совершенное в социально-экономическом отношении. У этой ретроспективной альтернативы сталинской коллективизации был исторический шанс реализоваться. В.П. Данилов придерживался мнения, что с переходом к политике коллективизации сельская община прекратила свое существование. И здесь есть, с чем спорить [см.: 6].

Пример 2: «Крестьяноведение Усольцевой». Ольга Васильевна Усольцева в течение семи лет самым скрупулезным образом собирала материал из традиционных для историка источников, касающийся *всех* сельских населенных пунктов, существовавших на территории Томской области с 1939 г. (исторически максимальная поселенческая сеть и связанная с этим социально-экономическая освоенность региона) и продолжавших существовать в конце 1980-х гг., когда окончательно иссякла кампания ликвидации так называемых неперспективных деревень. И то, что исследователь сумела

выполнить огромную работу по сбору и систематизации такого объема информации, дает ей моральное право (как и положено по канонам крестьянской «моральной экономики») призвать земляков-томичей – как историков-профессионалов, так и краеведов-любителей – «сосредоточивая внимание на каждой отдельной деревне, ввести в научный оборот и интерпретировать все без исключения сохранившиеся документы, свидетельствующие об истории этих населенных пунктов и теоретико-методологически, так сказать, “не зависнуть”» [17, с. 8].

Это замечательное «не зависнуть» ассоциируется у меня с осознанной интеллектуальной установкой Усольцевой на независимость от привычных шаблонов прогрессистского мышления, все вариации которого содержат представление о естественности и закономерности урбанизации. А это, собственно, и есть обращение к крестьяноведению, теоретический потенциал которого, по ее словам, «позволяет адекватно объяснить <...> сложное и многоплановое явление, каковым, несомненно, является сельская поселенческая сеть» [17, с. 24]. «Признав ограниченность прежних теоретических концепций для исследования крестьянских обществ, – пишет она, – крестьяноведы поставили во главу угла изучение крестьян самих по себе и основное внимание обратили на выяснение целей и мотивов крестьянского поведения, логику их действий, их мироощущение и ценностные ориентации, верования и стереотипы, восприятие власти и “некрестьян”» [17, с. 25].

И это дает ей возможность более четко и чутко улавливать то, на чем «оптика» привычных методологических подходов старается не фокусироваться как на чем-то второстепенном и несущественном. Так, крестьянская реакция на самые первые попытки хрущевского прожектерства с укрупнением колхозов и, соответственно, сельских населенных пунктов в самом начале 1950-х гг. озадачивала партийных активистов. Волна этих «новых отходников» двинулась напрямик в города, как правило, минуя предназначенные для этого прожектами центральные усадьбы. Видимо, на уровне народного здравого смысла прочитывался заведомый авантюризм задумки с «агрогородами». О.В. Усольцева описывает интересный парадокс (а парадоксы, отмечу, – едва ли не синоним крестьяноведения). Она подчеркивает, что «критическая масса выходцев из деревни “окрестьянивала” город. Крестьянская ментальность родившихся в де-

ревне горожан причудливо переплеталась с потребительской психологией города, выражавшейся в инспирируемой самой властью парадигме так называемого неуклонного повышения благосостояния народных масс» [17, с. 195]. Парадокс состоял в том, что волна миграции из «неперспективных деревень» в города была непредвиденным следствием политического курса на укрупнение колхозов, который, в свою очередь, мотивировался борьбой с «мелкобуржуазными пережитками» в крестьянстве. Но эти «новые горожане» быстро проникались мелкобуржуазностью городского потребительства и несли остающимся в деревне родным и близким эту самую психологию. Главное, что все это, наряду с партийной пропагандой сближения города и деревни и соответствующими политическими шагами, стало одним из факторов предотвращения в 1980-е гг. полного исчезновения деревни. Такое вот хитросплетение исторических судеб и смыслов.

Пример 3: «Крестьяноведение Виноградского». Я упоминал выше тот факт, что у одного из докладчиков на XXXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы прозвучало весьма скептическое отношение к слову «крестьяноведение». Чисто риторически он решил аргументировать это умозрительными примерами вроде такого: поймают, мол, эти самые социологи старушку и давай пытаться, что она помнит о коллективизации, – а ей и было-то тогда четыре года. Особо сочувственной реакции в аудитории я не заметил, вместо этого оратор получил вопрос (не от меня): «А вам самому приходилось читать этих социологов, к примеру, работы Валерия Виноградского?» Было понятно: не приходилось.

Валерий Георгиевич Виноградский имеет ученые степени по филологии и социальной философии. То, что он делает сегодня в аграрной науке, вызывает у меня восхищение и белую зависть. В своей последней монографии он вспоминает, как много лет постоянного научного поиска минуло с тех пор, как стартовал первый из организованных Т. Шаниным проектов полевого исследования российской деревенской глубинки: «1 ноября 1990 года 14 российских социологов, разделившись попарно, разъехались в семь глубинных сельских регионов» и «каждый из полевых социологов отыскал собственный аналитический маршрут – накопленный материал позволяет двигаться во многих дисциплинарных направлениях» [7, с. 13, 15]. Крестьяноведение на самом деле междисциплинарно, оно плохо

укладывается в рамки уже устоявшихся гуманитарных и общественных наук. Я давно и заинтересованно слежу за научным творчеством В.Г. Виноградского. Кажется, его крестьяноведение, динамично развиваясь, все более сближается с тем, чем занимаются психологи и лингвисты. А ведь лингвистика, как известно, – это самая гуманитарная из точных наук и самая точная из гуманитарных [12, с. 63–64]. И это ко многому обязывает.

У Виноградского хватило мужества и решительности признать, сколь далека от совершенства была публикация результатов первой из «шанинских» полевых экспедиций под названием «Голоса крестьян» [8], в подготовке которой он сам принимал большое участие [7, с. 16–17]. Такое не часто встретишь у обществоведов. С тех пор ученый пребывает в постоянном интенсивном поиске, пытается максимально убедительно ответить себе самому на вопрос, как сделать достаточно надежным для социологов, культурологов, историков, лингвистов такой источник научной информации, как жизненные повествования, монологи-воспоминания людей рождения 1910-х гг., живших в деревне в 1990-е гг., равно как людей поколения их детей и внуков, живущих там сейчас. В какой-то момент показалось, что адекватный ответ найден, но возник другой вопрос: как убедить представителей смежных профессий гуманитарной науки в том, что источник не просто надежен, но способен существенно корректировать их обобщения и выводы? (см.: [3, с. 178–179]).

Полагаю, что довольно убедительны в этом плане результаты его собственной аналитики по поводу записанных крестьянских рассказов-размышлений. Вот он пытается обобщить то, что услышал от героев главы I «Дискурсы отцов» своей последней книги, от людей, сохранивших вполне отчетливые воспоминания о событиях коллективизации. Несмотря на внешнюю несхожесть этих повествований по форме, он видит общее: в них вновь и вновь «всплывает тот самый, таинственный и малопонятный, феномен бытийной терпеливости, смирения и даже некой толстокожести в ответ на суровость жизненных поворотов» [7, с. 101–102], «крестьянского вытерпеливания и нечувствительного смирения перед обстоятельствами бытия», которое совершенно естественным образом соседствует с «размашистым великодушием и безмятежностью» [7, с. 84, 85].

Окружающий мир в этих рассказах отождествляется с жизненным опытом, «существует как “то, что выпало”. В частности, что выпало на конкретную жизненную долю нашей рассказчицы. И этот мир, по всей видимости, *устраивает* субъекта. Больше того, – этот мир устроен так, что не нуждается в переустройстве. В нем все постижимо, все поддается понимающему приятию» [7, с. 113]. Попробуем соединить такое мировоззрение огромной части жителей России, СССР, с той картиной мира, что долгое время рисовала нам советская историография, а теперь с еще большим усердием рисует антисоветская, и мы увидим, что крестьяноведение Виноградского в обоих случаях не ко двору. Оно ни антикулацкое, ни, тем более, прокулацкое: «Нет, этот дискурс просто устраивается поодаль, находится в сторонке от прогрессистско-преобразовательного свербежа <...> Жизнь в нем не производится в ступенях и формациях, планомерно завершаясь и затвердевая в очередных ее этапах, но длится, длится и длится. И это ее движение естественно вмещено в безмятежные (точнее говоря, лишенные педалированной истерики) по настроению дискурсивные форматы натуральных крестьянских миров, подчиненных (особенно в поколении “крестьянских отцов”) цикличному движению исхоженной природной округи, маленькой родимой земли» [7, с. 114].

Подобные суждения, по моему мнению, имеют принципиальный методологический характер. Такое невозможно сформулировать в рамках обычного интеллигентного комментирования опубликованных (кем-то когда-то) крестьянских мемуаров, тем более имея привычную потребность втискивать это комментирование в уже сложившуюся в голове схему исторической эволюции. Здесь нужно на пределе интеллектуальных и духовных сил вглядываться, вслушиваться, буквально вживаться в эти крестьянские повести и делать все, от тебя зависящее, чтобы эти «голоса» составили надежный источник информации для твоих коллег – социальных историков, исторических социологов, филологов, социальных психологов и т.д. Это и делает В.Г. Виноградский.

Литература

1. *Анфимов А.М.* П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.
2. *Бабашкин В.В.* «...Жить единым человеческим общежитием, или Теория общины» // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 2. С. 179–187.

3. *Бабашкин В.В.* Когда мысль изреченная есть правда, или Крестьяноведение Валерия Виноградского // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1. С. 174–182.
4. *Бабашкин В.В.* Крестьяноведение и история аграрных отношений в России // Вестник Российской академии наук. 2016. № 4. С. 327–335.
5. *Бабашкин В.В.* Три противоречия современного крестьяноведения // Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития: материалы X Междунар. науч.-практ. конф., посв. 60-летию освоения целинных и залежных земель. Омск, 2014. Ч. 1. С. 5–13.
6. *Бабашкин В.В., Толстов С.И.* Особенности аграрного реформирования 1930–1950-х годов // Историческая психология и социология истории. 2016. № 2. С. 216–234.
7. *Виноградский В.Г.* «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности. М., 2017.
8. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996.
9. *Гордон А.В., Никулин А.М.* От «человека общины» я вышел к хозяйствующему на земле субъекту, «хозяину-труженику» // Крестьяноведение. 2017. № 2. С. 33–52.
10. Дискуссионные проблемы аграрной эволюции пореформенной России (1861–1917): стеногр. семинара // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки. 2014. М., 2014. С. 129–166.
11. *Кондрашин В.В.* Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. // Российская история. 2018. № 4. С. 3–13.
12. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2009.
13. *Куреньшиев А.А.* Некоторые проблемы современной аграрно-крестьянской историографии // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы: Тезисы, докладов и сообщений. Брянск, 24–28 сент. 2018 г. М., 2018. С. 144–147.
14. *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2013.
15. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015.
16. *Усольцева О.В.* Сельская поселенческая сеть Томской области во второй половине 1940-х – 1980-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2016.
17. *Усольцева О.В.* Сельская поселенческая сеть Томской области (1940 – 1980-е гг.). Томск, 2018.
18. *Shanin T.* The awkward class: political sociology of peasantry in a developing society: Russia, 1910–1925. Oxford, 1972.
19. *Wolf E.R.* Peasant Wars of the Twentieth Century. London, 1971.

Историографическая ситуация в историко-аграрных исследованиях России: конец XX – начало XXI в.

В статье анализируется современное состояние историографии аграрного развития России в XX в. Основное внимание уделено показу методологических подходов изучения истории сельского хозяйства и сельского социума. Проанализированы три концепции: аграрного перехода, огосударствления колхозно-совхозной системы и капитализации сельского хозяйства.

Ключевые слова: аграрная история России; историография; методологический подход; аграрный строй.

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. начался новый этап в развитии аграрной историографии России. Ликвидация идеологического диктата государства и начавшаяся «архивная революция» создали условия для бурного всплеска исследования изучения аграрной истории советского периода. Тщательный анализ историографии последнего времени, научные достижения российских историков-аграрников представлены в монографиях Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова и В.В. Кондрашина [1; 31]. В книгах проанализированы основные направления исследований, выявлены особенности постсоветского этапа развития историко-аграрной науки России. Фактический материал этих исследований не дает повода к введению термина «историографическая революция». Процесс накопления знаний историками продолжается из поколения в поколение. Революция – это разрыв между поколениями историков. Смена теоретических подходов естественный для науки процесс познания прошлого.

Отдельным изданием вышли материалы 15 заседаний междисциплинарного международного теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», который регулярно проводился в 1992–2000 гг. под руководством В.П. Данилова и Т. Шанина. Редактор книги В.В. Бабашкин являлся ученым секретарем семинара [51]. На этих заседаниях специалистами в разных областях гуманитарного знания, прежде всего историками, обсуждались концепции крестьяноведения как теории и истории аграрных крестьянских обществ. Полемика в основном была направлена на

---

² Корнилов Геннадий Егорович, доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, genakorn@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

обоснование степени их применимости к анализу российских аграрных реформ прошлых лет, а также аграрного реформирования 1990-х гг.

Историографические обзоры аграрной истории России XX в., содержащиеся в монографиях, многочисленных статьях свидетельствуют, что наступило время подведения определенных итогов поиска методологических подходов, использования новых методов исторического исследования, новых тем и проблем.

Главной особенностью аграрно-исторических исследований в России последних тридцати лет является особое внимание к теоретико-методологическим аспектам отечественной аграрной истории. Связано это с тем, что в советский период историко-аграрные исследования характеризовались детальной разработкой только отдельных ее аспектов. Основное внимание уделялось классовой борьбе в деревне, развитию производительных сил, колхозно-совхозному строительству, формированию класса колхозного крестьянства. Их изучение осуществлялась на основе доступных исторических источников, чаще на материалах съездов, конференций и пленумов ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. В значительной степени свободный научный поиск подменялся историками толкованием партийных догм [56].

Тем не менее часть историков давала свою интерпретацию ключевых аспектов аграрной истории России / СССР. В Институте истории СССР АН СССР под руководством В.П. Данилова сформировался еще в условиях «оттепели» коллектив историков-аграрников: И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, М.А. Вылцан и др.

Демократизация в СССР, кризис аграрной сферы обусловили особый интерес к аграрной истории и в среде зарубежных историков [45]. С конца 1980-х гг. стали публиковаться иностранные исследователи российской аграрной истории Т. Шанин, М. Левин, С. Уиткрофт, Р. Маннинг, Л. Виола, А. Берелович, Х. Окуда, Ш. Фицпатрик и др. Большая часть книг вышла в издательстве РОССПЭН в серии «История сталинизма». Изучение российского крестьянства на Западе было осложнено отсутствием доступа к советским архивам, однако западные коллеги имели преимущество перед советскими историками в свободе научного поиска. Они выработали подходы, отличающиеся и от традиционных марксистских схем советского обществоведения, и от современных модернистских по-

строений. Они имели единое позитивистко-сциентическое видение исторической реальности, рассматривая ее линейно (монизм).

Для зарубежной аграрной историографии характерно было два основных подхода к в трактовке социально-экономических преобразований в СССР, в том числе и в аграрной сфере. «Тоталитаристы» полагали, что все преобразования осуществляло государство, установившее тотальный контроль над обществом с помощью массового террор. «Ревизионисты», точнее «объективисты», на основе имевшихся у них исторических источников доказывали, что тотального контроля над обществом сталинскому режиму добиться не удалось, акторами преобразований выступало не только государство, но и отдельные социальные слои. Развитие этого подхода проходило в общем контексте становления методологии «социальной истории», «повседневной истории», рассказанной живыми «голосами снизу», а не изложенной в интерпретации политических элит. Несомненным достижением западной науки стало утверждение в качестве самостоятельного направления историко-аграрных исследований – крестьяноведения. Оно явилось одним из локальных видов социокультурного подхода.

«Материальной» основой активизации аграрных исследований и международного сотрудничества стала «архивная революция». С конца 1980-х гг. открылись закрытые архивы, многие секретные фонды. Историческую науку захлестнула настоящая «архивная лихорадка» [53, с. 69–74; 54, с. 118–138]. В.П. Данилов, благодаря своему научному авторитету среди отечественных и зарубежных исследователей, сумел организовать международные проекты с целью получения новых знаний по аграрной истории России XX в. на основе всестороннего изучения архивных документов, а также выработки адекватной методологии исследования. Наиболее крупными проектами были «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939 гг.», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг.», «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.», «Российские и японские исследователи в проекте "История российского крестьянства в XX веке"» [29; 32]. Работа по публикации документов и материалов продолжается. Заметным явлением стал трехтомник по истории голода в СССР 1929–1934 гг., подготовленный под руководством В.В. Кондрашина [10].

Важным результатом этих проектов было то, что они дали мощный толчок региональным историко-аграрным исследованиям. Под их прямым и опосредованным влиянием основные идеи апробировались в виде диссертаций, статей и монографий. Слабым местом исследований по аграрной истории являлось недостаточное использование современных методов исследования, недостаток теоретико-методологических разработок.

Теоретические поиски в области изучения аграрной истории свидетельствовали о преодолении концептуальных стереотипов советской историографии. Особое место заняли работы В.П. Данилова, в которых прослеживается развитие аграрных отношений в России в длительной исторической ретроспективе [11]. Многочисленные аграрные перестройки в нашей стране, по его мнению, «суть реформы и контрреформы эпохи первоначального накопления» [12, с. 310]. Несколько позже В.П. Данилов конкретизировал этот тезис и определил их как «потрясения крестьянской страны, вступившей на путь индустриально-рыночной модернизации». Реформы и революции в России заняли особенное место в историческом процессе, «стали определять характер не только аграрной эволюции, но и общий ход истории России» [13, с. 3, 4].

В.П. Данилов выделил и особенности модернизации в России: «Исторические судьбы страны второго или даже третьего “эшелона” перехода к капитализму, связанные с ее социально-экономической отсталостью, толкали Россию на путь “догоняющего” развития, усиливали роль и без того гипертрофированной государственной власти». В.П. Данилов отметил и факторы, которые тормозили модернизационные процессы: «Бросается в глаза сильнейшее влияние посторонних интересов (государственных, господствующих классов и т. п.) – посторонних тем задачам, которые реформы были призваны решать. С этим была связана прежде всего, их вынужденность разного рода политическими событиями: военными поражениями, социальными конфликтами, отставанием в “соревновании” стран, идеологическими устремлениями – самодержавно-патриархальными, социалистическими или, как ныне, либерально-буржуазными» [13, с. 20, 21].

Попытка встраивания аграрного развития России в широкий исторический контекст породила различные интерпретации теории модернизации. М.А. Безнин и Т.М. Димони выдвинули концепцию

государственной «капитализации» сельского хозяйства как особого российского способа аграрной модернизации. Базовой характеристикой и критерием модернизации, по их мнению, явился процесс накопления капитала, то есть овеществленного труда, возвращенного в производство [4, с. 39; 6, с. 94–121].

Они утверждают, что в условиях колхозного строя шло первоначальное накопление капитала, предложили классификацию типов крестьянской зажиточности. «Крестьянский» тип зажиточности, характеризующийся, по их мнению, потребительской ориентацией, сохранял свои позиции до середины 1950-х гг. Со второй половины 1950-х гг. происходило становление типа зажиточности – «прото-буржуазного», который формировался в процессе раскрестьянивания. По их мнению, в 1950-е гг. в «значительной степени» и в 1960-е гг. «по ряду характеристик» сформировался ранний государственный капитализм в российской деревне, и одновременно шел процесс формирования протобуржуазии (сформировавшейся к началу 1990-х гг.) [5; 7].

Стратификация советского села носила характер классового расслоения, а не только имущественного и профессионального. По их мнению, в советской деревне образовалось пять социальных классов. Принципиальной разницы между процессами аграрного развития в XX в. они не видят (первая модель «кулацко-кооперативная» до конца 1920-х гг., вторая – «колхозно-совхозная» с начала 1930-х и до конца советского периода). Сталинские преобразования придали процессу капитализации сельского хозяйства новый импульс, ускорили первоначальное накопление капитала. Вологодские историки назвали коллективизацию «капиталистической революцией сверху» [4, с. 87]. Социально-экономический строй СССР они определяют, как государственный капитализм. Верно отметил историк И.А. Кузнецов, что М.А. Безнин и Т.М. Димони работают в марксистской парадигме, но нагружают термины собственным специфическим смыслом [40]. На наш взгляд, отождествление колхозной эпохи с эпохой капитализма в российской деревне не перспективно ни в теоретическом, ни в практическом смыслах. Аграрного капитализма в классическом виде в России в XX в. не наблюдалось.

Новосибирский историк В.А. Ильных, анализируя сущность и основное содержание реализуемых в Сибири в XX в. моделей аг-

рарного развития, считает, что в условиях 1930 – 1980-х гг. происходило огосударствление аграрного строя страны. Организационно-производственной его основой стали крупные государственные сельскохозяйственные предприятия, в которые были превращены и колхозы [21, с. 644; 22; 23; 24]. Исследование моделей аграрного строя перспективно, однако оно применимо к конкретно-историческим периодам, иначе не ясным остается длительная динамика процессов в аграрной сфере, сложно выявляются агенты модернизации и их цели.

В 2015 г. вышла коллективная монография «Проекты преобразований аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации» (ответственный редактор В.А. Ильиных) [25]. Выводы авторов характеризуют не только региональное измерение аграрных преобразований, но и отражают осмысление проблем общероссийского уровня. Что, собственно, и является характерной чертой современной российской аграрной историографии. Однако в рецензии Н.Г. Кедрова на этот труд наряду с высокой оценкой труда сибирских историков отмечается, что выбранный подход «методологически контрпродуктивен». По его мнению, теория модернизации «совершенно бесполезна в качестве научного инструментария» [26]. В.А. Бондарев, не отрицая модернизации постоктябрьской деревни, называет ее «фрагментарной» и определяет ее как преобразования, которые охватили только отдельные сферы жизни государства и общества, но не были направлены (сознательно или невольно) на комплексное их изменение [9, с. 98].

Эти позиция не новы. В публикациях ряда зарубежных исследователей преобладает мнение, что аграрной модернизации в России не произошло. Однако разброс мнений даже в общем отрицании аграрной модернизации достаточно широк: от утверждений о том, что в бедной и нищей России вообще не было и не могло быть модернизации (П. Гэтрелл [61]) до различных ее допущений. Так, Э. Кингстон-Манн полагает, что в начале XX в. Россию и еще ряд стран наказание отсталостью могло привести к их покорению промышленно развитыми государствами. Она исследует крестьянство России в качестве агентов и жертв преобразований в рамках царской России и СССР [62].

Немецкая исследователь К. Бруиш на основе анализа идей, разрабатываемых российскими аграрными специалистами, прихо-

дит к мнению, что в крестьянской России в эпоху поздней империи возможна была ненасильственная модернизация русской деревни [59]. Ш. Мерль утверждает, что аграрно-технический прогресс насаждался в ходе коллективизации с применением жестокого насилия по отношению к аграрным производителям, что грандиозные региональные планы по преобразованию природы не привели к ожидаемым результатам, на долгий срок было блокировано повышение урожайности. Крестьяне, как крепостные, практически бесплатно принудительно трудились на полях в пользу государства [46].

Сельской модернизации России посвящен номер журнала «*Cahiers du monde russe*». Авторы ряда статей (К. Брюиш, К. Гетсва, Ш. Мерль) исследуют трансформацию сельской экономики России и СССР через призму развития научных знаний, техники для повышения урожайности и развития сельских районов. Авторы убеждены, что огромная аграрная периферия требовали усиления роли государственной власти и колонизации [60].

По мнению уральских историков, отрицать модернизацию в России невозможно: Россия вошла в XX в. аграрной страной, а вышла из него страной индустриальной. В разрабатываемой ими концепции «аграрного перехода» предложен широкий набор критериев аграрной модернизации, включающий совокупность трансформационных изменений собственности, агротехнологий, системы расселения, демографической, социальной, политической и культурной сфер жизни сельского социума [3; 36; 37; 38; 39].

Безусловно, нельзя однозначно оценивать результаты модернизации российской деревни. Модернизация в России советского периода насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью народа; ее успехи были достигнуты за счет насилия, дешевого принудительного труда, прежде всего крестьян-колхозников. Модернизация носила догоняющий и очевидный военно-политический характер. Она не решала многих задач классического варианта (создание рынка товаров, капиталов и труда, обеспечение свободы личности, создание механизма саморазвития). Однако отрицать ее невозможно. Модернизация являлась мировой тенденцией XX столетия, это было явление цивилизационного масштаба. Процессы модернизации определяли все сферы жизни и деревни, другое дело, в какой форме они происходи-

ли, какие приоритеты были на различных ее этапах, к каким результатам они привели.

Аграрная сфера является базисным элементом устойчивости любого общества. Нестабильность аграрного строя, несоответствие уровня развития сельского хозяйства стоящим перед страной внешнеполитическим и внутриполитическим задачам, осознание необходимости его радикальной трансформации стали одной из главных побудительных причин революционных событий в 1905 г., в 1917 г., в 1991 г. Несмотря на предпринятые в их рамках попытки преобразования аграрных отношений, аграрно-крестьянский вопрос в России столь же актуален в начале XXI в. Методологические подходы, предложенные сибирскими и уральскими историками-аграрниками, на наш взгляд, наиболее продуктивны. Значительная часть работ по аграрной истории российских регионов выполнена в модернизационной парадигме.

Исторический опыт XX в. показывает, что всероссийская модель структурно состоит из региональных составляющих, включающих особенности сложившихся историко-географических, историко-экономических, историко-культурных реалий, которые необходимо изучать и знать. Историки исследуют трансформацию аграрной сферы России, сельскохозяйственное производство, его результаты и последствия, изменения в политических и социальных отношениях, в поведении и менталитете крестьянства, опираясь на материалы Центрально-Черноземного района, Юга России, Поволжья, Кавказа, Урала и Сибири. Особое историографическое значение имеют труды С.А. Есикова об альтернативах коллективизации [15, с. 468–479; 16, с. 94–100; 17, с. 152–161; 18; 19; 20], В.В. Кондрашина по истории крестьянского движения в Поволжье, коллективизации сельского хозяйства, истории голода в СССР [5; 28; 30; 33; 34; 35; 50], И.Е. Козновой о крестьянской памяти [37], В.А. Лабузова о социально-экономической ситуации на Южном Урале [41], Л.Н. Мазур о сельском расселении [42; 43; 44], В.В. Наухацкого о модернизации сельского хозяйства в 1960–1980-е гг. [47; 48; 49], О.А. Суховой о крестьянском менталитете [52], В.В. Филатова о трансформации уральской деревни в 1930-е гг. [57] О.Р. Хасянова о повседневной жизни в послевоенной жизни крестьянства Поволжья [58], Е.Н. Бикейкина об аграрной модернизации в республиках Поволжья [8], В.Н. Томилина по истории МТС [55],

С.Н. Андреевкова о реформировании колхозно-совхозной системе в 1953–1964 гг. [2] и др.

Несмотря на существенное приращение исторического знания, историография аграрного развития в XX в. в целом отличается фрагментарностью (отдельные темы, различные периоды). Отсутствует в современной исторической литературе комплексный анализ общих закономерностей и региональных особенностей становления и функционирования аграрного строя России, а также основных факторов, детерминирующих трансформацию и эволюцию аграрных отношений.

Литература

1. Аграрная история XX века: историография и источники / Под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара, 2014.
2. *Андреевков С.Н.* Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск, 2016.
3. *Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А.* Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928 – 1934 гг. М., 2009.
4. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России в 1930 – 1980-х годах. М., 2014.
5. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Победа капитализма в России: история и мифы // Экономические и социальные перемены. 2012. № 1. С. 163–167.
6. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве // Отечественная история. 2005. № 6. С. 94–121.
7. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Рабочая аристократия в сельском хозяйстве России 1930 – 1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2012.
8. *Бикейкин Е.Н.* Аграрная модернизация во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.: региональный дискурс: (По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР). Саранск, 2016.
9. *Бондарев В.А.* Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов-на-Дону, 2005.
10. Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. / Под ред. В.В. Кондрашина. Т. 1. В 2 кн. М., 2011; Т. 2. М., 2012; Т. 3. М., 2013.
11. *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В 2-х ч. М., 2011.
12. *Данилов В.П.* Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М, 1992.
13. *Данилов В.П.* Аграрная реформа и крестьянство в России (1861 – 1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. Материалы XXIV сессии симпозиума по аг-

- рарной истории Восточной Европы, Москва, 27 – 30 сентября 1994 г. М., 1995. С. 3–23.
14. *Данилов В.П.* Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861 – 2001) // *Россия в XX веке: Реформы и революции.* В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 20–37.
  15. *Есиков С.А.* «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу // *История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции* (г. Москва, 5–7 декабря 2008 г.). М., 2011. С. 468–479.
  16. *Есиков С.А.* Аграрный кризис конца 1920-х годов и его последствия // *Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XXI вв.: эволюция и кризисы: сб. статей.* Оренбург, 2009. С. 94–100.
  17. *Есиков С.А.* Был ли нэп «крестьянским раем»? Крестьянское производство в 1920-е гг.: общесоюзный и региональный аспекты // *История сталинизма: крестьянство и власть: материалы международной научной конференции* (г. Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). М., 2011. С. 152–161.
  18. *Есиков С.А.* Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929 – 1933 гг.). Тамбов, 2005.
  19. *Есиков С.А.* Коллективизация сельского хозяйства как средство модернизации // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2013. № 4. С. 21–27.
  20. *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) М., 2010.
  21. *Ильиных В.А.* Аграрный строй Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития // *Россия в XX веке: Реформы и революции.* В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 644–654.
  22. *Ильиных В.А.* Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X – XXI вв. М., Брянск, 2012. С. 620–630.
  23. *Ильиных В.А.* Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005.
  24. *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М., 2010.
  25. *Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / Ильиных В.А., Рынков В.М., Анореев С.Н. и др.* Новосибирск, 2015.
  26. *Кедров Н.Г.* Век аграрных реформ // *Крестьяноведение.* 2017. № 2. С. 142–152.
  27. *Кознова И.Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.
  28. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов. Трагедия российской деревни. М., 2008.

29. *Кондрашин В.В.* В.П. Данилов – публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX века // Отечественная история. 2012. № 6. С. 37–44.
30. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 гг. в российской деревне. Пенза, 2003.
31. *Кондрашин В.В.* Историки-аграрники России XX – начала XXI вв.: творческий путь и международное сотрудничество. Прага, 2014.
32. *Кондрашин В.В.* К итогам российско-французского проекта «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ - НКВД» // Вестник Пензенского государственн. ун-та. 2013. № 3. С. 26–31.
33. *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001.
34. *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
35. *Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1934 гг.). М., 2014.
36. *Корнилов Г.Е.* Аграрная модернизация России в XX веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X – XXI вв. М., Брянск, 2012. С. 607–620.
37. *Корнилов Г.Е.* Аграрная модернизация Урала в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 4–14.
38. *Корнилов Г.Е.* Аграрный переход в России в XX веке: особенности, темпы, результаты // История науки и техники. 2018. № 1. С. 78–92.
39. *Корнилов Г.Е.* Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» Токио, 2005. С. 286–313.
40. *Кузнецов И.А.* Приключения государственного капитализма в сельском хозяйстве СССР (по поводу одной исторической концепции) // Крестьяноведение. 2016. № 1. С. 171–179.
41. *Лабузов В.А.* Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917–1932 гг.). Оренбург, 2004.
42. *Мазур Л.Н.* Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург, 2012.
43. *Мазур Л.Н.* Села и деревни Среднего Урала в XX веке. Статистико-этнографическое описание. Екатеринбург, 2003.
44. *Мазур Л.Н., Бродская Л.И.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006.
45. *Мерль Ш.* Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 373–387.
46. *Мерль Ш.* Как удалось Сталину воспрепятствовать «зеленой революции» в России? К вопросу о торможении аграрно-технического про-

- пресса (1927–1941) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10. М., 2015. С. 88–147.
47. Наухацкий В.В. Аграрная политика в СССР в 1965 – 1990 годах: проблемы разработки и реализации. Ростов-на-Дону, 1996.
  48. Наухацкий В.В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965 – 2000. Ростов-на-Дону, 2003.
  49. Наухацкий В.В., Кабанов А.Н. Развитие социальной сферы села Ростовской области в 1965–1991 гг. Ростов-на-Дону, 2005.
  50. Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / Науч. ред. В.В. Кондрашин. М., 2011.
  51. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015.
  52. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начала XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
  53. Тархова Н.С. Документальные публикации по аграрной истории Урал // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2008. № 2. С. 69–74.
  54. Тархова Н.С. История крестьянства в российских документальных публикациях за последние 15 лет // History of Russian Peasantry in 20-th Century (volume 2). Токуо, 2004. P. 116–141
  55. Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009.
  56. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х т. 2-е изд. М., 1976.
  57. Филатов В.В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: противоречия трансформации. Магнитогорск, 2006.
  58. Хасянов О.Р. Очерки истории повседневной жизни советского крестьянства (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей). Ульяновск, 2015.
  59. Bruisch K. Als das Dorf noch Zukunft war: Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Köln, 2014.
  60. Cahiers du monde russe. 2016 / 1 (Vol. 57). P. 7–30.
  61. Gatrell P. Economic and demographic change: Russia's age of economic extremes // The Cambridge History of Russia. Volume III. The Twentieth Century / Edited by Ronald Grigor Suny. Cambridge University Press, 2006. P. 383–410.
  62. Kingston-Mann E. Transforming peasants in the twentieth century: Dilemmas of Russian, Soviet and post-Soviet development // The Cambridge History of Russia. Volume III. The Twentieth Century / Edited by Ronald Grigor Suny. Cambridge University Press, 2006. P. 411–439.
  63. Kondrashine Victor. La famine en URSS. 1929–1934. Paris, 2013.

«Даниловский сектор» Института российской истории РАН: прорыв в исследованиях аграрной истории России первой половины XX века

Статья посвящена анализу творческой деятельности научных сотрудников центра аграрных исследований Института российской истории РАН, которые под руководством В.П.Данилова добились выдающихся результатов в изучении истории крестьянства и сельского хозяйства России.

Ключевые слова: аграрная история России; Институт российской истории РАН; В.П. Данилов

Ярким событием в аграрной историографии конца 1980-х – 1990-х гг. стала деятельность группы историков-аграрников Института российской истории РАН, объединенных в структурном подразделении Института (секторе-отделе-центре-группе) под руководством Виктора Петровича Данилова [2; 4; 22; 23; 24; 35; 36; 53]. На наш взгляд, речь идет о феномене «могучей кучки Данилова». Так называли сотрудники ИРИ РАН и коллеги из регионов коллектив историков-аграрников, объединившихся вокруг В.П. Данилова в указанный период в рамках международных проектов «Крестьянская революция в России», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание», «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД», а также других «плановых» тем «Даниловского сектора» [9; 18; 25, с. 140–163; 33].

Именно В.П. Данилов выступил инициатором организации международных проектов по публикации архивных источников по актуальным и малоизученным аспектам аграрной истории России (СССР) XX века. Используя свой высокий авторитет в научном мире, в том числе и за пределами страны, а также среди отечественных архивистов он получил поддержку руководства Института российской истории, Росархива, зарубежных научных фондов. В результате были созданы международные коллективы историков и архивистов, сумевшие выявить и опубликовать огромный массив источников из центральных и региональных архивов страны по указанным

---

¹ Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, vikont37@yandex.ru, Россия, г. Москва.

темам. Даниловские проекты – это уникальный опыт успешного международного сотрудничества ученых России и зарубежных стран в области изучения отечественной истории [25, с. 140–163].

В состав «даниловского сектора» входили: непосредственные участники международных проектов – В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий, И.Е. Зеленин, М.А. Вылцан, а также В.В. Кабанов, М.Л. Богденко, А.П. Тюрина, работавшие в рамках своих «авторских тем». Также, на наш взгляд, членами «Даниловского сектора» можно считать «молодых» коллег – аспирантов, докторантов и стажеров (М.А. Безнина, С.А. Есикова, В.В. Кондрашина, Г.Е. Корнилова, Е.А. Тюрину, Н.С. Тархову и др.), в той или иной форме задействованных в вышеназванных проектах, или осуществлявших свои собственные исследования под научным руководством В.П. Данилова, И.Е. Зеленина и Н.А. Ивницкого [1; 12; 19; 28; 43; 51].

Имеются все основания для утверждения о действительном прорыве в исследованиях аграрной истории России первой половины XX в., осуществленном В.П. Даниловым и его коллективом.

Во-первых, сотрудниками «Даниловского сектора» и работавшими с ними историками и архивистами были подняты и исследованы самые дискуссионные и трагические страницы в истории крестьянства и сельского хозяйства страны первой половины XX в.: крестьянские восстания периода революции 1917 г. и Гражданской войны, коллективизация и голода 1932–1933 гг., кооперативное движение в доколхозный период, творческое наследие А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева и др. На эти темы ими опубликованы многочисленные сборники документов, статьи, монографические исследования.

Их научная значимость состоит в том, что в широкий научный оборот введен огромный комплекс архивных источников по аграрной истории России первой половины XX в., ранее не доступных исследователям, в том числе из Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ.

Например, самой высокой оценки заслуживает документальная серия даниловского проекта «Крестьянская революция в России» (сборники документов и материалов о крестьянском восстании в Тамбовской губернии в 1917–1921 гг. (2 тома), о крестьянском движении в Поволжье в 1919–1921 гг., о крестьянском движении на

Юге Украины под предводительством Нестора Махно) [20; 30; 31; 32; 34; 52].

Важнейшим его результатом стали новые знания о причинах, масштабах, ходе и последствиях крестьянского движения в России и на Украине в 1917–1922 гг. Была доказана единая основа крестьянского повстанчества в рассматриваемый период во всех изученных регионах бывшей Российской империи, которая заключалась в стремлении крестьян защитить свои права на землю и свободное хозяйство на ней, завоеванные в результате общинной аграрно-крестьянской революции 1917 г., от посягательств со стороны большевиков и противостоявших им режимов. Крестьянские восстания на территории Тамбовской губернии, на Дону, в Поволжье и Украине в 1918–1921 гг. носили антигосударственный характер, были направлены против разорявшего крестьянское хозяйство политики «военного коммунизма» большевиков. В то же время они не носили контрреволюционный характер, не были направлены против основных завоеваний революции: советской власти и аграрного законодательства большевиков 1917 г. Также изученные крестьянские выступления не могут быть квалифицированы как «кулацкие», поскольку основными их участниками были середняки, и сами они носили общекрестьянский характер.

В ряду документальных публикаций «даниловского сектора» пятитомное издание в шести книгах документов и материалов по истории коллективизации и созданию колхозно-совхозной системы в СССР в 1927–1939 гг. «Трагедия советской деревни». В нем убедительно показан насильственный характер сталинской «революции сверху» и охарактеризованы ее трагические последствия для всей советской деревни [44; 45; 46; 47; 48; 49]. В рамках этого проекта в научный оборот введены уникальные документы. Среди них: материалы комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с В.М. Молотовым «для выработки мер в отношении кулачества» [45, с. 116–131], «Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г.», подготовленная Секретно-политическим отделом ОГПУ. Особенно ценным в вышеупомянутой записке является хроника и статистические данные о массовых крестьянских выступлениях в 1930 г. Их было 13756 с количеством участников примерно 3,4 млн человек. Это значит, что в антиколхозных выступлениях участвовала огромная масса крестьянства, а не только его зажиточно-кулацкая

часть, как утверждалось в официальных документах и в советской историографии [45, с. 787–809].

Уникальной документальной серией, выполненной под руководством В.П. Данилова сотрудниками сектора, коллегами-архивистами и историками стал четырехтомный сборник документов в пяти книгах «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД» [9; 38; 39; 40; 41; 42]. В ней опубликованы документы концептуального значения. Например, это сводки ВЧК о реакции крестьян на наступление армии Деникина летом 1919 г. и настроениях крестьян после освобождения их селений от власти белых. В это время в прифронтовых губерниях резко ослабевала и даже приостанавливалась борьба крестьян с большевиками. Из лесов возвращались дезертиры и добровольно вступали в Красную Армию, в деревнях создавались отряды самообороны, прекращались восстания. На освобожденной от Деникина территории крестьяне приветствовали Советскую власть, поскольку испытали на себе власть белых и поняли, что она еще хуже, чем власть большевиков, поскольку действовала не только в плане реквизиций и мобилизаций, но и ставила под сомнение их право на землю [38, с. 155, 163, 182, 185, 194, 195, 201, 202, 206, 209, 213]. Таким образом, кратковременный союз крестьянства и большевиков в период кульминации вооруженного противостояния Красной и Белой армий в значительной степени предопределил его исход.

В контексте проблемы репрессий в советской деревне в 4-м томе серии «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД» опубликованы документы, указывающие, что в 1937 г. советская деревня также попала под «большой террор». Речь идет не только о показательных процессах в отношении партийного и хозяйственного актива, отраженных в материалах тома [42, с. 562, 546, 591, 593, 607], но и о выполнении приказа по НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. о «бывших кулаках». Всего по этому приказу было арестовано и осуждено 584899 человек [42, с. 575]. Задания руководства «по бывшим кулакам» были перевыполнены в 3 раза, в том числе по расстрелам в 5 раз. Их вычистили из новостроек, шахт, совхозов и даже с руководящих должностей в колхозах [42, с. 239, 287, 229, 447]. Таким образом, в 1937 г. массовые репрессии коснулись не только партийно-хозяйственного актива и армии, но сотен тысяч

крестьян. Это новые знания, полученные в результате осуществления проекта.

Классикой современной аграрной историографии России стали публикации по истории коллективизации одного из самых активных сотрудников «Даниловского сектора» Н.А. Ивницкого. Его монографии на эту тему, а также о судьбах раскулаченных крестьян фактически – самые востребованные книги в системе исторического образования России, а также в среде специалистов, занимающихся различными аспектами данной проблемы, особенно на региональном уровне [14; 15; 16].

То же самое можно сказать о публикациях И.Е. Зеленина, посвященных истории советской деревни после завершения сталинской коллективизации – в 1932–1934 гг. [13; 37]. Так, И.Е. Зеленин назвал голод 1932–1933 гг. организованным голодом во имя модернизации страны (индустриализации), обвинив в его «организации» И.В. Сталина и сталинский режим [13, с. 276]. В качестве аргументов в подтверждении этого вывода он привел следующий перечень решений вождя, которые можно интерпретировать как «механизм организации голода: 1) создание по инициативе Сталина и посылка (при его соответствующем инструктаже) в основные зерновые районы страны чрезвычайных комиссий по хлебозаготовкам (октябрь–декабрь 1932 г.), которые возглавляли Каганович, Молотов, Постышев, а в Казахстане – де-факто Ф. Голощекин как секретарь крайкома; 2) Закон от 7 августа 1932 г. («о пяти колосках»), основным автором и редактором которого был Сталин; 3) выступление генсека на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) 27 ноября 1932 г. (теоретическое обоснование репрессий против всего крестьянства и программа действий – «ответить сокрушительным ударом»; 4) постановление ЦИК и СНК СССР о паспортной системе 27 декабря 1932 г. (для «всех» граждан за исключением крестьян, перемещение которых по стране должны строго контролировать органы ОГПУ); 4) Директива Сталина – Молотова от 22 января 1933 г., предписывающая органам ОГПУ «арестовывать пробравшихся на Север крестьян» («за хлебом»). Так возникли «кордоны на дорогах» на Украине и Северном Кавказе, «фильтрационные лагеря» [13, с. 277]. «С публикацией Директивы от 22 января 1933 г. круг замкнулся: основные (субъективные) предпосылки

для общекрестьянской трагедии были созданы при личном участии Сталина», – указывал И.Е. Зеленин [13, с. 277].

На наш взгляд, не потеряли своей актуальности публикации и дискуссии В.П. Данилова, В.В. Кабанова, Е.А. Тюриной о крестьянском хозяйстве в годы Гражданской войны, противоречивом характере развития крестьянской кооперации в советский доколхозный период, альтернативах сталинской коллективизации [10; 11; 17; 51].

То же самое можно сказать о новых подходах М.А. Вылцана и Г.Е. Корнилова к теме сельского хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны, а А.П. Тюриной к истории советского сельского хозяйства в 1960–1980-е гг. В первом случае речь шла о пересмотре устоявшихся мифов советской историографии о прогрессе аграрной экономики страны в годы войны, во втором – об «успехах» аграрной политики в указанных период [3; 27; 28; 29; 50].

Заслугой «Даниловского сектора» было привлечение внимания специалистов и широкой общественности к вопросу о цене сталинской модернизации сельского хозяйства страны, ее пагубных последствий для судеб миллионов сельских тружеников (изучение голода 1932–1933 гг., «кулацкой операции» 1937 г. и т.п.).

Деятельность «Даниловского сектора» дала толчок активизации аграрных исследований в российских регионах, появлению там крупных специалистов, укреплению между ними научных и личных связей [25, с. 164–173]. Так, например, автор настоящей статьи, как бывший аспирант и сотрудник «Даниловского сектора», продолжает традицию изучения историю голода 1932–1933 гг., а также крестьянского движения в годы Гражданской войны, дополняя концептуальные выводы В.П. Данилова и его коллег по сектору на новых архивных материалах [5; 6; 7; 8; 21; 26].

Литература

1. *Безнин М.А.* Колхозный двор в Российском Нечерноземье, 1950–1965 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991.
2. *Вылцан М.А., Емец В.А., Слепнев И.Н.* Творческий путь Виктора Петровича Данилова // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 150–162.
3. *Вылцан М.А.* Крестьянство России в годы большой войны, 1941–1945. Пиррова победа. М., 1995.
4. *Вылцан М.А., Емец В.А., Слепнев И.Н.* Виктор Петрович Данилов – фронтовик, гражданин, ученый, борец за демократию и свободу // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке: избр. труды: в 2-х ч. М., 2011. Ч. 1. С. 16–68.

5. Голод в СССР. 1929 – 1934: в 3 т. М., 2011. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 1 / Отв. сост. В.В. Кондрашин.
6. Голод в СССР. 1929 – 1934: в 3 т. М., 2011. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 2 / Отв. сост. В.В. Кондрашин.
7. Голод в СССР. 1929 – 1934: в 3 т. М., 2012. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933 / Отв. сост. В.В. Кондрашин.
8. Голод в СССР. 1929 – 1934: в 3 т. М., 2013. Т. 3: Лето 1933 – 1934 / Отв. сост. В.В. Кондрашин.
9. *Danilov V., Berelowitch A.* Les documents de la VCK–OGPU–NKVD sur la campagne sovietique 1918–1937 // Cahiers du Monde russe. XXXV (3). Paris, 1994. P. 633–682.
10. *Данилов В.П.* «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, ученый: сб. стат. М., 1990. С. 82–130.
11. *Danilov V.* Bukharin's Alternative for the Countryside // Bukharin in Retrospect. Armonk, New York, London, 1994. P. 133–145.
12. *Есиков С.А.* Крестьянство Тамбовской губернии в начале века (1900–1921 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
13. *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». М., 2006.
14. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994.
15. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов): учеб. пособие для вузов и школ. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1996.
16. *Ивницкий Н.А.* Трудный путь в науку: автобиографические заметки. М., 2013.
17. *Кабанов В.В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997.
18. *Кананерова Е.Н.* Международные проекты по аграрной истории России XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007.
19. *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2001.
20. *Кондрашин В.В.* Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: научный проект и научная концепция: предварительные заметки // Уральский исторический вестник. 2008. № 2 (19). С. 85–89.
21. *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
22. *Кондрашин В.В.* Виктор Петрович Данилов – выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // Люди во времени: записки историка. Пенза; Саранск, 2012. С. 42–65.
23. *Кондрашин В.В.* В.П. Данилов – публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX в. // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 37–43.

24. *Кондрашин В.В.* В.П. Данилов – историк и гражданин // Самарский земский сборник. 2013. № 2 (23). С. 16–26.
25. *Кондрашин В.В.* Историки-аграрники России XX – начала XXI вв.: творческий путь и международное сотрудничество. Выпуск первый. Прага, 2014.
26. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2018.
27. *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990.
28. *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. М., 1993.
29. *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993.
30. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. Тамбов, 1994.
31. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: документы и материалы // Серия: Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002.
32. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2003. (Серия: Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.).
33. *Мякиньюков С.И.* Презентация международных научных проектов по истории российского крестьянства XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки. 1999. М., 1999. С.299–306.
34. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2006. (Серия: Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.).
35. Памяти Виктора Петровича Данилова (4 марта 1925 г. – 16 апреля 2004 г.) // Отечественная история. 2004. № 6. С. 210–211.
36. Памяти Виктора Петровича Данилова // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ученые записки. 2005 / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина. М., 2006. Вып. 5. С. 10–90.
37. *Сенявский А.С.* Послесловие ответственного редактора // Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 306–309.
38. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. М., 1998. Т. 1: 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова.
39. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. М., 2000. Т. 2: 1923–1929 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова.

40. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. М., 2003. Т. 3: 1930–1934 гг. Кн. 1: 1930–1931 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова.
41. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. М., 2005. Т. 3: 1930–1934 гг. Кн. 2: 1932–1934 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова.
42. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. М., 2012. Т. 4: 1935–1939 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова.
43. *Тархова Н.С.* Красная армия и коллективизация советской деревни. 1928–1933 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2006.
44. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 1999. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.
45. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.
46. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.
47. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2002. Т. 4: 1934–1936 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.
48. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2004. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг.
49. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2006. Т. 5. Кн. 2: 1938–1939 / Под ред. В. Данилова.
50. *Тюрин А.П.* Советская деревня на путях обновления. М., 1989.
51. *Тюрин Е.А.* Источники по истории планирования сельского хозяйства, 1921–1925 гг.: по материалам Госплана СССР и Наркомзема РСФСР: дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
52. Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.): документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997.
53. Юбилей Виктора Петровича Данилова // Отечественная история. 2000. № 6. С. 208–210.

**От «классовой борьбы» к крестьянским
представлениям: развитие темы крестьянского
социального протеста в постсоветскую эпоху²**

В статье прослеживается динамика развития проблематики изучения крестьянского социального протеста после исчезновения догматических установок советского периода. На основе анализа тематики симпозиума и ряда иных аграрных форумов автор обращает внимание на осязаемое падение исследовательского интереса к данной проблеме.

Ключевые слова: историография; социальный протест; крестьянские представления; симпозиум по аграрной истории Восточной Европы.

Тема классовой борьбы традиционно воспринималась как одна из наиболее значимых в советской историографии. Соответственно классовому протесту крестьянства столь же традиционно уделялось особое внимание. Уместно напомнить, что любое исследование экономического положения крестьян обязательно содержало параграф о крестьянских выступлениях. Конечно, без крайностей не обходилось: поиск фактов крестьянских выступлений превращался у исследователей едва ли не в самоцель. В подобные факты записывались порой хулиганские и даже уголовные деяния: побои старосты, разграбление помещичьего имущества, «оскорбление величества» и т.п.

Негласная установка ориентировала на видение ситуации как поступательного развития крестьянского протеста, его усиления в количественном и качественном смыслах. Соответственно, информация, свидетельствующая об обратном, была нежелательна, а факты такого рода игнорировались. И все же, с позиций сегодняшнего дня более важно то положительное, что было сделано. Было собрано значительное количество фактической информации, составлялись «хроники» крестьянского движения, велись плодотворные дискуссии о формах протеста, единицах протеста, иных критериях статистического учета.

---

¹ Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, Оренбургский государственный университет, d_safonov@mail.ru, Россия, г. Оренбург.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00149 «Феномен “красного” повстанчества в гражданской войне: сопряженность идейных установок, военных и организационных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».

Символическим и одновременно качественным рубежом стал 1917 г., точнее – октябрь 1917 г., установление советской власти. Оценка крестьянской активности полярно меняла знаки: погромы помещичьих имений до октября были положительным явлением, после октября – отрицательным. Классовая борьба крестьян заканчивалась с началом революции 1917 г., превращаясь в дальнейшем в «кулацкие мятежи» и бандитизм.

Постепенно исследователи крестьянского протеста пришли к осознанию чрезвычайно важного момента – крестьянское движение, крестьянская социальная активность лишь часть большего. Выступления есть прежде всего действия, но помимо их есть еще взгляды, мысли, воззрения, – все то, что объединяющее можно назвать крестьянским сознанием. Действия и идеи тесно взаимосвязаны, находятся во взаимном влиянии, но не идентичны. При существовавшем базовом тезисе, наряду с констатацией роста крестьянской активности, происходила констатация роста сознательности, революционизирования крестьянства до уровня рабочего класса.

Исследователи стали приходить к теме крестьянского сознания постепенно, примерно с 1970-х гг.: разными путями, с разных позиций, с различной терминологией и различным пониманием таковой. Последнее, вероятно, самое досадное – по причине наличия сложностей при сопоставлении выводов и наблюдений. В определенном смысле оправдывает то, что в смежных науках – философии, социологии – вопрос этот в рассматриваемый период также был предметом дискуссий и споров. Поэтому не было единства взглядов и у историков: авторы писали о «психологии» (Б. Литвак (1971)); «социальной психологии» (М. Сваране (1970), В. Фурсов (1980) А. Сальникова (1991)); «крестьянском самосознании» (Г. Кавтарадзе (1969)); «крестьянском сознании» (Н. Пруцков (1981)); «классовом сознании» (Д. Секиринский (1978); «классовом самосознании» (В. Чупров (1991)); «мировоззрении» (В. Виноградов (1980)); «правосознании» (В. Крутиков (1983), А. Пушкаренко (1984), А. Рамазанов (1995)); «идеологии» (П. Попельницкий (1916), В. Федоров (1972)); «политических настроениях» (Ю. Поляков (1966), В. Гуров (1976), Н. Третьяков (1993)); «крестьянских настроениях» (В. Федоров (1975)); «представлениях» (П. Мирошниченко (1976), Е. Степанова (1981)); «общественно-политических взглядах» (И. Побережников (1989)), «социально-политических воззрениях»

(Д. Сафонов (1993)); «социальном настроении» (М. Рахматуллин (1988)); «крестьянском менталитете» (Ю. Бокарев, В. Кондрашин и др. участники конференции «Менталитет и аграрное развитие России» (Москва, 1994)); «массовом сознании» (Д. Ибрагимова (1997)); «политическом сознании» (Л. Бородкин, И. Кирьянов (1989), Д. Сафонов (1992)); «общественном сознании» (М. Рахматуллин (1972), Д. Раскин (1975), О. Нилова (1982), О. Буховец (1986), И. Кирьянов (1987), Д. Сафонов (1989, 1996), В. Чупров (1992)); «крестьянской ментальности» (О. Буховец (1996)); и т.п.

При этом все авторы по большому счету имели в виду одно и то же – внутренний мир крестьянства, его взгляды и представления. Анализ таковых в основном оставался в рамках формулы «земля и воля», традиционно воспринимаемой как своеобразная квинтэссенция крестьянских воззрений, хотя нет никаких убедительных доказательств того, что все крестьяне именно так формулировали свои чаяния и намерения. И все же, изучение крестьянских воззрений на конкретно-историческом материале стимулировало разработку проблемы на региональном уровне, что также следует отнести к положительным результатам. Основной интерес исследователей был направлен на изучение всего нового в крестьянском сознании.

В «постсоветский» период произошли серьезные изменения. Формулирование проблемы как изучение «классовой борьбы» стало неприемлемым; на смену пришли «социальная активность» или просто выступления, активные действия. Вполне логично и рационально исследования крестьянской активности и крестьянских воззрений тесно сблизилась, взаимодополняя друг друга, даже слились. По сути, в итоге произошло поглощение одной темы другой. Изучение воззрений, а также факторов, влиявших на воззрение крестьян, стало преобладающим. При этом имевшийся мощный задел фактического материала (хроники и т.п.) активно использовался как источниковая база.

Одновременно наблюдался резкий спад интереса к проблеме в целом. Можно предположить, что влияли усталость от прежнего, жестко поставленного в рамки, идеологизированного подхода, а также повышенный интерес к новым, ранее неразрабатываемым по тем же причинам сюжетам и направлениям, прежде всего по послеоктябрьскому периоду.

Определенным подтверждением данного тезиса может, на наш взгляд, стать анализ тематики докладов и сообщений симпозиума по аграрной истории Восточной Европы 1991–2016 гг., несомненно, самого авторитетного научного форума по аграрной истории. Анализ позволяет определить некоторые характерные моменты. Вплоть до середины 2000-х гг. число выступлений и докладов, так или иначе касавшихся крестьянского сознания, составляло не более 1,5–2 % общего числа; в отдельных случаях такая тема не затрагивалась вообще (1994, 2004)³. Со второй половины 2000-х картина несколько менялась – от 2 % в 2016 г., до 10,8 % в 2010 г.; средний показатель – 7 %. О крестьянских действиях последний раз разговор на симпозиуме поднимался в 2014 г. По тематике можно выделить несколько основных направлений: протестное движение и социальная активность крестьян (Буховец О.Г. (1991), Сафонов Д.А. (2000, 2008, 2014), Кукушкин В.Л. (2000), Соколова Н.В. (2010), Иванова Е.Г. (2012), Безгин В.Б. (2014), Ковалев Д.В. (2014)); источники по крестьянским воззрениям (Сенчакова Л.Т. (2002), Роднов М.И. (2008), Щербакова Н.А. (2008), Кудюкина М.М. (2008), Голубев А.В. (2008), Кедров Н.Г. (2008, 2010), Сухова О.А. (2010), Сафонов Д.А. (2010), Безденежных А.Ю. (2010), Кузнецова О.В. (2010), Пахомова Е.В. (2010)); слухи в крестьянской среде (Побережников И.В. (1991), Голубев А.В. (2010)); представления и настроения крестьян (Тарабанова Т.А. (1996), Сухова О.А. (2012, 2014), Сафонов Д.А. (2012), Голубев А.В. (2012), Филимонов В.Я. (2014), Мизис Ю.А. (2016)); крестьянская память (Кознова И.Е. (2000, 2008, 2010, 2012, 2016)). В процентном отношении распределение выступлений по тематике: социальная активность – 9 (32,1%), слухи в крестьянской среде – 2 (7,1%), источники по крестьянским воззрениям – 9 (32,1%), представления крестьян – 8 (28,7 %). Хронологически: вплоть до революции 1917 г.- 10 (35,7%), революция, гражданская война, военный коммунизм - 12 (42,9%), дальнейший период – 6 (21,4%).

Уместно напомнить, что в советское время аграрный симпозиум обращался к подобной тематике значительно активнее. Проблеме социально-политического развития деревни были полностью посвящены две сессии – XVIII (Воронеж) и XIX (Уфа). Разумеется,

---

³ Здесь и далее указаны годы проведения сессий симпозиума.

приведенные цифровые данные не соответствуют тому количеству публикаций, которыми сегодня располагает научное сообщество, но показывает, на наш взгляд, недостаточность внимания к теме со стороны именно симпозиума. Между тем, именно он реально объединяет основной контингент исследователей аграрной истории, задает определенную тональность в изучении аграрной истории, служит бесспорным ориентиром исследователям, особенно молодым. Невольно создается впечатление о приоритете экономической истории над социальной. Возможны резонные возражения, что анализ публикаций симпозиумов постсоветского времени не может дать гарантированно реальную картину того, чем интересуются и чем занимаются исследователи сегодня: научный форум проводится раз в два года, имеет заданную общую тему.

Поэтому мы поставили задачей проанализировать эти данные вкрупне с материалами еще нескольких региональных аграрных конференций: Коломна (2007–2017), Мичуринск (2014–2017), Оренбург (2006–2014). Их объединяет схожий принцип регулярности проведения, общность тематики, и вероятно, самое главное – организаторами всех названных конференций и ядром участников являлись и являются участники аграрного симпозиума.

Прежде всего – международная конференция в Коломне, проводимая в государственном социально-гуманитарном университете по инициативе А.И. Шевелькова в годы, следующие за годом очередного аграрного симпозиума. В период 2007–2017 гг. таких конференций было шесть. Все они проводились под единым названием «Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XX века». Интересующей нас проблеме посвящены 6 % статей (от общего количества 775). Из этих 48 статей: крестьянскому движению, выступлениям, проявлениям социальной активности – 18 (37,5 %), настроениям, представлениям крестьян, а также отношению к власти и крестьянской психологии – 26 (54,2 %) и 4 – крестьянской исторической памяти (И.Е. Кознова) (8,3 %). Хронологически темы распределялись следующим образом: дореволюционный период – 17 (35,4 %), революция и гражданская война (до середины 20-х гг.) – 22 (45,8 %), последующий период, преимущественно 1930-е гг. – 9 (18,8 %).

В 2014–2017 гг. ежегодно проводилась международная конференция в г. Мичуринске Тамбовской области, также с общей те-

матикой «Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений», с 2015 г. посвященная памяти российского аграрника, профессора С.А. Есикова. Нашей проблеме посвящено 12,8% выступлений (из 94). По тематике: крестьянское движение – 33,3%, правовые воззрения – 25, крестьянское сознание – 33, требования крестьян – 8,3%. Хронологически: дореволюционный период – 75%, революция и гражданская война – 16,7, начало 30-х гг. – 8,3%.

В 2006–2014 гг. по инициативе профессора В.А. Лабузова проходили ежегодные научно-практические конференции в г. Оренбурге. Тематика каждой конференции была различной: продовольственная безопасность, продовольственная политика, деревня в условиях модернизации в России и др.; хронологические рамки XVIII – начало XXI вв. По итогам каждой выходил том статей – всего 9. Из 733 статей интересующей нас теме посвящено 2 % (15 статей). По тематике: социальная активность крестьян – 6 (40 %), взгляды и настроения крестьян – 4 (33,3 %), взаимоотношения крестьян с властью – 5 (41,7 %). Хронологически: XVIII – начало XX вв. – 6 (40 %), революция и гражданская война – 5 (41,7 %), 30-е гг. – 4 (33,3 %).

Поделимся некоторыми наблюдениями. Бросается в глаза осязаемое оскудение исследовательского интереса к более ранним эпохам – из общего числа только два выступления затрагивали XVIII в., и одно – XVII в.: И.В. Побережников о слухах на Урале в XVIII в. [29], Р.Н. Рахимов о социальном протесте XVIII – первой половины XIX в. на Южном Урале [30], Н.В. Соколова «Крестьянская община сквозь призму “теории конфликта”: источниковедческий аспект (на материалах монастырской деревни Центра России XVII – середины XVIII в.)» [43].

Большая часть выступлений по приведенным выше направлениям касалась «советской» эпохи, что является безусловной новацией. Основное внимание уделялось периоду Гражданской войны и перехода к нэпу. Одновременно ощущается тенденция углубления исследователей в период нэпа – публикации в основном доводятся до конца 1920-х гг.

К более поздним периодам исследователи почти не обращаются. Некоторое исключение представляет собой Н.Г. Кедров, изучавший политическое сознание крестьянства Русского Севера в

1930-е гг. [12; 13; 14] и еще несколько авторов: В.В. Якоб о крестьянских настроениях в 1930-х гг. (на материалах республики Коми) [52], В.В. Божичко о взаимоотношениях крестьянства и власти в первые послевоенные годы [5], О.В. Кузнецова о целинниках [28]. Также затрагивалось современное крестьянство в работах И.Е. Козновой [20; 21; 25].

Значительная часть авторов, обращавшихся к интересующей нас тематике, публиковалась единожды, что говорит об отсутствии системного подхода или наличия специального интереса к данной теме. Хотя есть и вероятность того, что единственная публикация является первой, тем более, что среди подобных сюжетов есть весьма интересные и многообещающие; как, например, формы сопротивления крестьян в 1928–1930 гг. (А.В. Калдузова [11]), протестные формы поведения крестьян в 1920-х гг. (Е.Г. Иванова [10]).

Из тех, кто работает в тематике давно и результативно, следует отметить И.Е. Кознову – ряд ее работ о крестьянской исторической памяти: о зажиточном крестьянстве 1920-х гг., о российской модернизации, о прошлом, коллективизации, наследии крепостной эпохи, о региональных аспектах социокультурных процессов в современной российской деревне, пространственном измерении крестьянской памяти, советской фискальной политике, российской деревне как «месте памяти» [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27]. Многопланово и творчески изучал социальные конфликты и требования крестьян тамбовской деревни в период столыпинских аграрных преобразований Н.В. Токарев [48; 49; 50; 51]. Неоднократно к проблемам крестьянского правосознания конца XIX – начала XX вв. обращался В.Б. Безгин [1; 2; 3; 4]. О крестьянских выступлениях (крестьянском сопротивлении) на Урале в годы Гражданской через призму действий органов безопасности писала Е.А. Кобелева [15; 16; 17; 18]. А.В. Голубев обращался к вопросу о представлениях крестьян [6; 7; 8]. Взаимоотношениями крестьян и власти, крестьянской активностью занимался Г.А. Салтык [31; 32]). Крестьянская социальная активность и перемены в крестьянском сознании в новых исторических условиях – предмет изучения Д.А. Сафонова [33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42]. Взаимоотношения крестьян и государства в 1920-х гг., а также их политическое сознание – темы публикаций О.А. Суховой [44; 45; 46; 47]. Также здесь стоит указать

уже упомянутого выше Н.Г. Кедрова с его темой политического сознания крестьян 1930-х гг. [12; 13; 14].

В качестве некоторого итога отметим несколько моментов: среди положительных – усиление регионалистики и выход исследователей за рамки нэпа. Среди задач: привлечение к данному направлению молодых исследователей, расширение хронологических рамок далее 1930-х гг.

Литература

1. *Безгин В.Б.* Нравственность крестьян в зеркале моральной статистики конца XIX – начала XX века // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: Мат-лы [П] межд. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2015. С. 12–19.
2. *Безгин В.Б.* Нравственный кризис и правосознание крестьян: к причинам революции 1917 года // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: Матер. IV Межд. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2017. С. 24–29.
3. *Безгин В.Б.* Насилие в борьбе за хлеб (на материалах губерний Центрального Черноземья) // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. М., 2014. С. 136–138.
4. *Безгин В. Б.* Восприятие крестьянами чинов уездной полиции (конец XIX в.) // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2015. С. 29–32.
5. *Божичко В.В.* «Т. Сталин мы не обижаемся лично на вас»: колхозники и власть в первые послевоенные годы. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2018. С. 213–216.
6. *Голубев А.В.* Мир и мир: внешнеполитические стереотипы советского крестьянства 1920-х годов (источники и историография) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография: методы исследования и методология: опыт и перспективы. М., 2008. С. 118–120.
7. *Голубев А.В.* Крестьянские слухи и толки: источник или предмет исследования? (на примере внешнеполитических представлений первой четверти XX века) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X – XXI вв.: источники и методы исследования. М., 2010. С. 102–104.
8. *Голубев А.В.* Социальная структура крестьянства как фактор формирования инокультурных представлений (1920-е годы) // Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X – XXI вв. М., 2012. С. 147–149.
9. *Ермаков В.А.* Революционный потенциал российской деревни в начале XX в. и детерминанты развития массового крестьянского движения в

- революции 1917 г. (по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства) // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: Матер. IV Межд. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2017. С. 54–59.
10. *Иванова Е.Г.* Протестные формы поведения крестьян в процессе самообложения в пользу кресткомов в начале 1920-х гг. // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. М., 2014. С. 150–153.
  11. *Калдузова В.А.* Оренбургское крестьянство в 1928–1930 гг.: формы сопротивления политике власти // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: Мат-лы [II] межд. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2015. С. 156–163.
  12. *Кедров Н.Г.* Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы: историографический и источниковедческий аспекты // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография: методы исследования и методология: опыт и перспективы. М., 2008. С. 137–138.
  13. *Кедров Н.Г.* Крестьянские «письма во власть» как форма политической репрезентации (на материалах северной деревни 1930-х годов) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы. М., 2010. С. 127–129.
  14. *Кедров Н.Г.* Представления крестьян Русского Севера о политических лидерах СССР в 1930-е годы: к проблеме «наивного монархизма». // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2009. С. 298–302.
  15. *Кобелева Е.А.* Особенности крестьянского сопротивления мероприятиям Советской власти в Пермской губернии (1918 г.) // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: Мат-лы [III] межд. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2015. С. 137–144.
  16. *Кобелева Е.А.* Роль Прикамских органов безопасности в подавлении крестьянских выступлений (на примере Шлыкковского восстания в 1918 г.). // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2009. С. 141–144.
  17. *Кобелева Е.А.* Крестьянские выступления на Западном Урале в 1919 г. глазами советских органов безопасности // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века.. Коломна, 2011. С.181–188.
  18. *Кобелева Е.А.* Дубровско-острожское восстание в Пермской губернии как угроза безопасности советского государства // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2013. С. 260–264.
  19. *Кознова И.Е.* Зажиточное крестьянство 1920-х годов в памяти российского крестьянства (по свидетельствам конца XX в.) // Зажиточное кре-

- стьянство России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С.410-416.
20. *Кознова И.Е.* Российская модернизация и крестьянская память // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2007. Ч. 1. С. 3–10.
  21. *Кознова И.Е.* Представления русских крестьян о прошлом в XX веке: основные направления исследований // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография: методы исследования и методология: опыт и перспективы. М., 2008. С. 154–156.
  22. *Кознова И.Е.* «Ета власть»: образ коллективизации в воспоминаниях крестьянства (1970–1980-е гг.) // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2009. С. 534–540.
  23. *Кознова И.Е.* Наследие крепостной эпохи: крестьянский взгляд 9 по документам первой трети XX в.) // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2011. С. 155–160.
  24. *Кознова И.Е.* Региональные аспекты социокультурных процессов в современной российской деревне // Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X – XXI вв. М., 2012. С. 195–197.
  25. *Кознова И.Е.* Пространственное измерение крестьянской памяти: взгляд на XX в. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2013. С. 439–444.
  26. *Кознова И.Е.* Советская фискальная политика в восприятии российских крестьян. // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. М., 2014. С. 190–192.
  27. *Кознова И.Е.* Российская деревня как «место памяти» // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М., 2016. С.176-178.
  28. *Кузнецова О.В.* Источниковая база повседневной истории целины: репрезентативность, достоверность, верификация // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы. М., 2010. С. 143–145.
  29. *Побережников И.В.* Роль слухов в динамике межэтнических отношений на Урале в XVIII в. // Аграрный рынок в историческом развитии. Екатеринбург, 1996. С. 84–93.
  30. *Рахимов Р.Н.* Тепляри и бобыли в движениях социального протеста в XVIII – первой половине XIX века // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX – XX вв.: эволюции и кризисы: сб. статей Оренбург, 2009. С. 280–286.
  31. *Салтык Г.А.* Учредительное собрание и крестьянство Центрального Черноземья: к вопросу о власти // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2008. Ч.II. С 92-98.

32. *Салтык Г.А.* Штигровский крестьянский союз П.С.-Р.: история становления и деятельности (1905-1907 гг.) // Государственная власть и крестьянство в конце XIX–начале XXI века: сб.ст. Коломна, 2009. С.98-102.
33. *Сафонов Д.А.* Зажиточное крестьянство и социальные конфликты // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С. 240–246.
34. *Сафонов Д.А.* Крестьянское движение как проблема крестьяноведения: итоги и перспективы изучения // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография: методы исследования и методология. М., 2008. С. 90–91.
35. *Сафонов Д.А.* Крестьянство и советская власть начальный этап взаимоотношений // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2008. Ч. II. С. 127–135.
36. *Сафонов Д.А.* Между «красными» и «белыми»: крестьянство Южного Урала в период гражданской войны // Государственная власть и крестьянство в конце XIX - начале XXI века. Коломна, 2011. С.176-181.
37. *Сафонов Д.А.* Гражданская война как фактор воздействия на аграрную сферу // Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X – XXI вв. М., 2012. С. 134–136.
38. *Сафонов Д.А.* Крестьянство и «общество»: взаимное восприятие XIX – XX вв. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2013. С. 165–170.
39. *Сафонов Д.А.* «Отказ от исполнения повинностей» как форма социального протеста // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. М., 2014. С. 102–104.
40. *Сафонов Д.А.* Отречемся от старого «мира»: крушение сельской общины и общинности // Российская деревня в XVIII – XXI веках: социокультурное измерение: сб. ст. IX междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2014. С. 218–220.
41. *Сафонов Д.А.* Ценностные ориентиры крестьян в революции 1917 года: формирование, деформация или восстановление? // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: Мат-лы [III] междунар. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2016. С. 38–42.
42. *Сафонов Д.А.* Российская деревня в 1917 году // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: Мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2017. С. 4–8.
43. *Соколова Н.В.* Крестьянская община сквозь призму «теории конфликта»: источниковедческий аспект (на материалах монастырской деревни Центра России XVII – середины XVIII в.) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. М., 2010. С. 33–35.

44. *Сухова О.А.* Информационные сводки ОГПУ и проблемы властно-политического регулирования в 1920-е гг.: методика и методология изучения // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. М., 2010. С. 117–119.
45. *Сухова О.А.* Проблема «оскудения земледельческого центра России» в историографии и крестьянском сознании // Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X – XXI вв. М., 2012. С. 46. 101–103.
46. *Сухова О.А.* Крестьянство и налоговая система в условиях революции в России: возможности и пределы адаптации // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. М., 2014. С. 93–96.
47. *Сухова О.А.* Массовые настроения советской деревни «в зеркале сводок ОГПУ» // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2009. С. 204–209.
48. *Токарев Н.В.* От революции до революции: мотивы и объекты крестьянских выступлений против столыпинской аграрной реформы в Тамбовской губернии // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: Мат-лы [II] межд. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2015. С. 63–70.
49. *Токарев Н.В.* Протестные требования сельского населения Тамбовской губернии в период столыпинских преобразований // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: Мат-лы [III] межд. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2016. С. 18–22.
50. *Токарев Н.В.* Социальные конфликты в Тамбовской деревне в условиях столыпинской модернизации: опыт создания электронной базы данных // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2013. С. 225–228.
51. *Токарев Н.В.* Социальные конфликты в тамбовской деревне в период столыпинских преобразований: объекты крестьянского сопротивления // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2015. С. 107–110.
52. *Якоб В.В.* Крестьянские настроения в 30-е годы (на примере Коми АО, с 1936 г. АССР) // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2007. Ч. 1. С. 242–248.

Сельская советская и постсоветская повседневность в новейших российских исследованиях

Рассматриваются тенденции изучения сельской советской и постсоветской повседневности и основные подходы к ней в работах российских исследователей последних лет.

Ключевые слова: культура; повседневность; крестьянство; советское; колхозы.

Исследования повседневной жизни различных групп и слоев общества представляет собой динамично развивающуюся сферу современной гуманитаристики, отличаясь многообразием подходов к интерпретации данного феномена. При этом на протяжении последних десятилетий произошло переключение внимания с изучения «больших структур», с институциональной и макрособытийной стороны повседневности на «микроуровень», с усилением акцента на человеческом содержании и измерении истории – «истории снизу». Эвристический потенциал истории повседневности связывается с выявлением механизмов существования общества, правил регулирования совместной жизни, возникновения социальных связей и разрешения конфликтов, с возможностью воссоздания множественных и гибких социальных идентичностей [16; 20; 22; 23].

В самом общем понимании повседневность предстает в гуманитарных исследованиях как целостный социокультурный мир, специфическая, многогранная область жизненной реальности, находящая воплощение в социальном действии и коммуникации.

Очевидна историчность повседневности: каждая эпоха создает особый тип повседневности, ее «культурный код», которому присущи специфические стереотипы сознания и поведения, материально-вещественные характеристики. Несомненна и двойственность природы повседневности: реальность субъективна, но одновременно в повседневной жизни человек живет и взаимодействует с себе подобными. При всей уникальности и автономности отдельного человека, при всем многообразии повседневного опыта каждого, существуют пределы индивидуализации повседневной жизни, регла-

---

¹ Кознова Ирина Евгеньевна, доктор исторических наук, Институт философии РАН, i.koznova@gmail.com, Россия, г. Москва.

ментирующие и ставящие ее в определенные «рамки». Цивилизационные, социальные, материальные параметры жизни объективно задают определенную «матрицу» повседневности. Так, крестьянин привязан к природным циклам, и крестьянская повседневность определяется бытием на границе природного и социального. Несомненно, «макро-» и «микроуровни» тесно связаны между собой, и важно выяснение некоего инварианта, позволяющего показать дихотомию институциональных и общественных факторов, изучить символику повседневной жизни на обоих уровнях [16; 20; 23].

Повседневность является такой сферой совместной жизни и деятельности людей, в которой собираются и хранятся смысловые «осадки» многообразного прошлого опыта и разнообразных социальных практик. Все большее развитие в исследованиях приобретает представление о повседневности как о продукте социального конструирования, позволяющее выяснить, как в ее пространстве социальные практики возобновляются через воплощение, интерпретацию, переоценку и переосмысление прошлого опыта, его преодоление или забвение. Повседневность выступает и контекстом, внутри которого формируются исторические субъективности и идентичности, и формирующимся под их воздействием социально-культурным пространством. В последние годы наметилась тенденция движения истории повседневности от «новой социальной истории» в сторону «новой культурной истории» с ее интересом к символическим аспектам повседневности.

Хотя повседневность вмещает в себя нечто привычное, повторяющееся, «нормальное», подчас неприметное, то, что можно обозначить как рутинное, обыденное, будничное, ежедневное, в последние годы акцент делается и на ее изменчивости, а также на единстве обычного и необычного. Важным моментом в развитии проблематики повседневности является интерес к анализу переходных и переломных эпох, «повседневности в чрезвычайное время», таких экзистенциальных ситуаций, когда происходят разрывы в повседневном существовании.

Одним из центральных вопросов в истории повседневности является исследование того, как «большинство» на собственном опыте переживало расширение товарного производства, усиление власти и бюрократии [18]. В этом смысле изучение складывания советского общества, создания совершенно новой действительности

неотделимо от истории повседневности, акцентирующей внимание на субъективном аспекте исторического процесса. Советской повседневности был присущ и свой специфический язык, система знаков и символов [14; 16; 19; 22].

Основное внимание при изучении российской истории в XX в. в «повседневном» аспекте уделяется городской повседневности, и по мнению некоторых историков, она является ключевым [23]. Подобное мнение справедливо отчасти: ведь «большинство» в России, по крайней мере до 1960-х гг., было крестьянским.

Что важно для понимания крестьянской повседневности? В-первых, крестьянин представляет собой определенный культурно-антропологический тип, во-вторых, выступает как исторический агент (актор). Именно из этого исходит крестьяноведение.

Крестьянствование – это целостный хозяйственный социокультурный мир; крестьянская повседневность выступает как определенным образом структурированная система, все составляющие которой тесно связаны друг с другом и благодаря которой крестьянское общество воспроизводит себя. Безусловно, следует подчеркнуть двойственность крестьянского положения. С одной стороны, крестьянская жизнь и повседневность, нацеленные на самовывживание, подчинены естественным природным ритмам, но внешние влияния (изменения климата, ландшафта и пр. в результате урбанизации, сельскохозяйственных технологий) меняют формы выражения этой зависимости. Крестьяне занимают низкое положение в социальной структуре, испытывая и внешнее государственно- административное давление, и смены политического и социально- экономического курса. Но, с другой стороны, крестьяне показали себя активными субъектами истории, особенно в первой половине XX в.

К настоящему времени в историографии сложился уже определенный круг вопросов, относимых к разряду сельской повседневности. Истоки подобного изучения историки относят по меньшей мере к XIX в., а применительно к нашей теме – к 1920-м гг. Тем не менее выделим труд, ставший, на наш взгляд, переломным в подходах к осмыслению истории крестьянства и его повседневной жизни – коллективную монографию П.С. Кабытова, В.А. Козлова, Б.Г. Литвака «Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения» (М., 1988), а также публицистику В.И. Белова.

В настоящей статье наше внимание прежде всего привлекают работы, появившиеся в последние годы, отмеченные всплеском интереса к истории повседневности.

Общие подходы к изучению сельской повседневности представлены в исследованиях В.Б. Безгина, нацеленных на показ ее регулятивной роли в поддержании нормативности крестьянской культуры. Придерживаясь историко-этнографического подхода, Безгин ставит в центр своего изучения материальные и социальные структуры деревенской повседневности – характер крестьянского землепользования, общинную систему, взаимодействие крестьян с властью, обычное право, семейный уклад, веру и обрядность, нормы и девиации, – и стремится показать устойчивые составляющие бытовой жизни в сельской микросреде. Его внимание сосредоточено более на статичности крестьянской повседневности, нежели на изменениях последней под влиянием макросреды, а восприятию крестьянством тех процессов, которые переживала деревня на рубеже XIX–XX вв., включая период нэпа отведена роль второго плана [3]. Представляется, что широкие возможности Тенишевского архива в плане анализа, систематизации и типологизации крестьянской повседневности могли быть использованы В.Б. Безгиным основательнее.

Предложенный В.Б. Безгиным подход к сельской повседневности Центрального Черноземья, ставший своего рода «модельным», оказался наиболее востребованными у историков и используются на материалах других регионов и разных периодов советской истории. В большинстве работ, особенно диссертационного характера, скорее используется внешний подход: на первый план выходит реконструкция повседневности деревни в ее предметно-материальном выражении, а под повседневностью чаще всего понимается жилище и домашний быт, питание и продовольственное потребление, одежда; характер труда; семейно-брачные отношения, различные девиации на этой почве; досуг; религиозность; праздники. Отмеченное во многом определяется уже сложившейся в историографии традицией «бытописания». Это то, что традиционно изучается, лучше обеспечено источниками и может быть описано с помощью привычных для историков методов. Нередко внимание сосредоточено на том, что чаще можно охарактеризовать как «государственная политика» или «государственные меры».

Между тем, как замечает Н.Л. Пушкарева, принципиальное отличие изучения повседневности от этнографических исследований быта состоит во-первых, в понимании *значимости событийной истории*, в стремлении показать именно многообразие индивидуальных реакций на череду событий; во-вторых, во внимании историка не к описанию материального предмета, не к фиксации тех или иных сторон быта, а к жизненным проблемам и осмыслению их людьми; в-третьих, не к описанию повторяемых, устойчивых деталей бытовой жизни в определенной микросреде, а к уяснению механизма появления новаций [20, с. 14].

В наибольшей степени историков привлекает генетически связанная с дореволюционным временем нэповская деревенская повседневность, описываемая на материалах Поволжья и/или его национальных регионов (А.А. Гермашев, Д.В. Давыдов, Л.В. Лебедева, А.Г. Рыбков, Э.С. Маруцкий), Дона, Кубани и Ставрополья (Ж.О. Абрегова, С.Д. Багдасарян, А.П. Скорик), Урала (А.Л. Воробьева). При этом авторов интересует прежде всего проблема соотношения традиций и новаций в нэповской сельской повседневности.

Так, в монографии Л.В. Лебедевой, предпринявшей изучение традиций и перемен в полиэтничной пензенской деревне в 1920-е гг., сельская повседневность показана сквозь призму локальной истории и представляет собой срез ее материальных и духовных составляющих [17]. Однако данной работе явно не хватает микроисторического подхода, многоголосия «снизу», хотя введенный Лебедевой в оборот уникальный архивный материал, вероятно, обладает еще большим потенциалом, чем удалось показать в монографии.

Для обозначения характера сельской повседневности С.Д. Багдасарян и А.П. Скорик применительно к периоду нэпа, а М.А. Гадицкая – к времени утверждения колхозного строя используют предложенный В.А. Бондаревым термин «фрагментарная модернизация», показывая разную степень советизации повседневности.

С.Д. Багдасарян рассмотрела состояние и динамику ведущих структурных компонентов материальной культуры южно-российского крестьянства в 1920-х гг.; предложила обзор его производственной повседневности; осветила мероприятия по улучшению санитарно-гигиенических условий домашнего быта, оптимизации социальной инфраструктуры сельских поселений, формированию

сети медучреждений, внедрению занятий физкультурой и спортом, развитию сети курортов, сферы праздничной культуры и досуга крестьян; показала сдвиги в области семейно-брачных и межполовых отношений; исследовала различные девиации. В качестве сущности крестьянской обыденности на Юге России в годы нэпа отмечен переходный характер, выразившийся в конфронтации досоветских традиций и советских новаций; скромный характер подвижек в области материальных аспектов повседневности, более заметный в сфере досуга, доминирование в коллективной психологии традиционных установок, приоритет локализма над гражданственностью [1; 2].

Переходным характером, хотя уже на иной социально-экономической основе, обладала и повседневная жизнь деревни в начальный колхозный период, которая по мнению В.А. Бондарева и М.А. Гадицкой в синтезе старины и новизны нередко принимала причудливые и даже гротескные формы. В центре их внимания оказалась прежде всего многомерная и неоднозначная производственная повседневность колхозной деревни Юга России, неотъемлемыми чертами которой стали идеологизация и политизация труда, социально-профессиональная, гендерная, отраслевая дифференциация. Она обладала и своими специфическими деталями – наличием сторожевых вышек для охраны колхозных полей, активностью «пионеров-дозорников». В.А. Бондарев и М.А. Гадицкая подчеркивают особую конфликтность раннеколхозной повседневности и пишут, что стимулированная коллективизацией социальная агрессия в деревне сохраняла свою инерцию в деревне вплоть до начала 1950-х гг. Для 1930-х гг. были особенно характерны девиации, всплеск преступности, грабежей, воровства, разгул бандитизма. В.А. Бондарев и М.А. Гадицкая отметили многомерность, трехуровневость конфликтов в сфере производственно-трудовой повседневности и проанализировали их разнообразие – между работниками партийно-советских властных структур районного уровня и колхозным начальством, с одной стороны, дирекцией МТС, сотрудниками политотделов МТС и совхозов – с другой; между администрацией колхозов и МТС – и простыми колхозниками, трактористами, рабочими (наиболее частые и общие, как отмечают авторы); между рядовыми аграриями. Подобные конфликты находили выражение в издевательствах и оскорблениях рядовых работников («отбитие банок» и «столбухи»), в самоубийствах на этой почве, в протестах

колхозников («волынках»). Благодаря фрагментам микроисторий, демонстрирующих встроенность земледельцев в колхозный мир и/или противостояние ему, авторы показали изменения традиционной деревенской психологии [11]. Это дает основание увидеть продолжение исследований крестьянской колхозной повседневности авторами в ракурсе «новой культурной истории».

Правда, пока в своей монографии М.А. Гадицкая продолжила вектор исследований, связанный с изучением внешних материальных факторов повседневности. В частности, она показала изменения ландшафта сельских территорий, по ее определению, метауровня деревенской обыденности (например, лесопосадки с того времени стали неотъемлемым элементом типичного южно-русского пейзажа). Подробно рассмотрена Гадицкой база модернизации сельской обыденности: дорожно-мостовая сеть; система благоустройства станций и сел, их санитарное состояние; сельская электрификация и радиофикация. Особое внимание уделяется новым техническим средствам передвижения (автомобили, мотоциклы, велосипеды). Гадицкая обращает внимание на нормативное регулирование государством разных сегментов колхозной повседневности, на освоение колхозниками такого понятия, как «культурный досуг» [10]. И хотя в намерение автора монографии об «истоках колхозной повседневности» входила задача дополнения и уточнения социальных настроений колхозников, их отношения к сталинскому режиму, советской власти, колхозам, участию в общественном производстве, именно эти аспекты оказались представленными в наименьшей степени.

В понимании сельской повседневности перспективен анализ коммуникативных практик, рецепции политической пропаганды и репрезентации крестьянами институтов политической власти в СССР (Н.Г. Кедров).

Предметом исследований историков является также повседневная жизнь советской деревни разных регионов в послевоенный период (С.В. Ковригина, И.В. Кометчиков, Ю.В. Костяшов, В.Е. Малязёв, О.В. Ралкова, О.Р. Хасянов). О.В. Кузнецова изучала повседневную жизнь первоцелинников (1954–1965 гг.). «Матрица повседневности» послевоенной деревни рассмотрена на материалах Среднего Поволжья (О.Р. Хасянов) и Калининградской обл. (Ю.В. Костяшов). Панорама трансформационных процессов средневожской деревни концептуализирована О.Р. Хасяновым именно в

аспекте повседневности. В его интерпретации структуры повседневности представлены демографическими процессами, трудовыми отношениями, взаимоотношениями с властью, праздничной культурой, формами досуга и религиозно-культурных действий [24].

В русле «новой социальной истории» Ю.В. Костяшов провел реконструкцию повседневной жизни переселенческих колхозов Калининградской обл., включив в нее такие стороны, как мотивы и процесс переселения; создание переселенческих колхозов, трудовая деятельность и колхозная демократия; освоение немецкого наследия; взаимодействие и конфликты между работниками и администрацией; механизмы адаптации и стратегии выживания колхозников в экстремальных условиях; социальные типы и модели поведения; досуг, праздники и ритуалы, религиозная жизнь и др. Используя рукописные протоколы колхозных собраний, автор показал сельскую повседневность, формирующуюся хотя и в новом локальном пространстве, но по сути воспроизводящую черты колхозной системы образца 1930-х гг. со всеми ее достоинствами (колхозная демократия), но в большей степени – с ее пороками. О последних, в частности, можно судить по проведенной Костяшовым типологии сельских руководителей, в которой из семи выделенных им базовых типов наиболее распространенным оказался тип «председатель-пьяница». Описание повседневных жизненных практик сельских жителей сочетается с изучением самоощущения колхозников. Те же протоколы демонстрируют не только некоторую свободу в суждениях и поведении, а также солидарность и взаимовыручку, особенно необходимые на вновь осваиваемой территории, но и отчужденность, недоброжелательность, зависть, разобщенность и даже ненависть [15].

Рассматривая аграрный строй России периода существования колхозно-совхозной системы как время вызревания и господства госкапитализма на селе и выделяя новые социальные классы на селе, М.А. Безнин и Т.М. Димони оговариваются, что не ставили перед собой задачи полномасштабной характеристики социальной деревенской повседневности. Однако, привлекая к исследованию разнообразный и представительный корпус источников, они выходят на многие ее аспекты. В частности, рассматриваются вопросы о путях формирования идентичности выделяемых ими классов, причем в разных аспектах, в частности, через внутридеревенское обще-

ние, с точки зрения инкорпорированности в те или иные слои сельского сообщества и восприятия ими друг друга. Например, авторы ставят под сомнение представления о родстве менталитета председателей колхоза и крестьян (рядовых работников). Ведется ими речь и о сопротивлении «протобуржуазии» командам «сверху», борьбе ее за власть, отстаивании корпоративных интересов. Обращается внимание на проблему неоднозначности социального происхождения колхозных управленцев [4].

Женская ипостась сельской повседневности в аспекте трудовых будней, семьи и быта на материалах второй половины XX в. подробно и обстоятельно, с привлечением писем колхозниц в советские периодические издания и фольклора, исследована Л.Н. Денисовой. Она подчеркивает именно женский профиль послевоенной колхозной и сегодняшней постколхозной повседневности: деревня и женщина (и, главным образом, старшего поколения) – это во многом синонимы [12,13].

В коллективном двухтомном историко-этнографическом труде «Русские Рязанского края», охватывающем период с XIX до начала XXI в., являющимся своего рода модельным при анализе народной культуры, представлен живой образ русского крестьянства и его повседневности. Авторы представляют материальные и духовные стороны повседневности как единый и неразрывный комплекс, поэтому любой аспект крестьянской жизнедеятельности характеризуется не только как таковой, но и с точки зрения связанных с ним представлений, оформленных в виде обычаев и обрядов.

В книге показано, что хозяйствование на земле воспринималось рязанским крестьянством как неотделимая от образа жизни духовная миссия, как нравственная обязанность перед памятью прежних поколений. Описывая статичные образцы повседневности рязанской деревни, авторы вместе с тем заостряют внимание на ее динамике. При всей нормативности традиционной культуры, она отличалась вариативностью и многообразием в рамках одного региона, опосредованной, в частности, сельско-городским взаимодействием, включенностью в рыночные отношения, что влияло на отношение крестьян к земле, труду на ней и собственности. Главное внимание в монографии уделено трансформации сельской повседневности в советский период, особенно на колхозном этапе, когда произошла даже определенная консервация некоторых проявлений

традиционности, что вело к сохранению вплоть до середины 1960-х гг. преемственности отдельных сторон хозяйственной практики, быта и культуры колхозной деревни с деревней единоличной, а разрыв преемственности сильнее всего затронул производственную и семейно-брачную сферу. В постсоветской же рязанской деревне хозяйствование на земле перестало быть образом жизни [21].

Объемно и всестороннее представлена на основании «голосов снизу» повседневная жизнь алтайской деревни в XX в. в исследованиях Т.К. Щегловой. На основе устных исторических источников сделаны «срезы» психологии и сознания сельского населения на разных отрезках советского времени, у разных социальных групп. В частности, на материалах доколхозной и колхозной деревни показано, как менялись мотивации труда, критерии благополучия. Одновременно прослеживается и традиционность, преемственность в крестьянском обществе, например, при рассмотрении взаимоотношений крестьянства с властью, в частности, сохранения патерналистских настроений и установок. Исследовательница обращает внимание на особую значимость этнокультурного фактора в повседневной жизни алтайской деревни, пишет о большой разнице в представлениях о «белых» и «красных», о революции и Гражданской войне, о кулаках и раскулаченных на территории Алтайского края и в Центральной России или на Кубани, о различиях в представлениях о бедности и богатстве между алтайскими старожилами и российскими переселенцами [25].

На основе устных воспоминаний жителей Кировской области В.А. Бердинских изучает народную память о единоличной и колхозной повседневности, в переломные годы коллективизации и войны [5; 6]. Реализуемый им проект, посвященный «крестьянской цивилизации в России», помогает понять деревенские технологии включения в советское общество.

В целом история сельской повседневности в советский период предстает в работах, за некоторым исключением, в значительной степени как социальная история, в то время как на материалах постсоветского села исследования проводятся преимущественно в русле исторической и культурной антропологии (С.Б. Адоньева, В.Г. Виноградский, А.М. Никулин, А.Е. Творогов, О.М. Фишман). Проведенный сотрудниками Санкт-Петербургского Центра независимых социологических исследований анализ правил социального

взаимодействия и механизмов циркуляции информации в деревенском сообществе, смыслов происходящих событий, схем их восприятия людьми, выстраивание «карт» семейных и соседских связей – все это позволяет проникнуть в содержание и характер деревенской повседневности, вскрыть ее различные аспекты и обозначить проблемные зоны [7; 8].

В понимании «культурного кода» крестьянской повседневности особое место занимают исследования В.Г. Виноградского. В них на основе записанных в 1990–2010-е гг. реальных семейных историй сельских жителей представлена трансформация повседневной жизни российского села с доколхозного периода до сегодняшнего дня. Делая акцент на двойственности крестьянского положения (разные формы и типы подчиненности), Виноградский на примере отдельного крестьянского двора, и целого локального сельского сообщества показывает воспроизведение разнообразных механизмов выживания крестьянина как социального типа. Именно двор как инструмент выживания выступает для Виноградского таксономической единицей крестьянской повседневности. Давая подобный срез, исследователь показывает и сокращение междворовых контактов в силу наличия, в частности, разнообразных зон напряженности, и возможность существования сельского поселения в качестве единого саморегулирующегося сообщества. Механизмом самосохранения крестьянской повседневности для Виноградского служат разнообразные «орудия слабых», направленные на поддержание социальных приемов жизни вместе и защиту от внешнего влияния и давления. Что касается сегодняшней деревни, то она становится областью перелома социального времени, местом перестройки и смены пространств повседневного существования [9].

Подводя некоторые итоги, отметим, что история сельской повседневности утверждается как направление историко-аграрных исследований. Разные периоды советской истории представлены в них неравномерно на общероссийском и региональном уровнях. Необходима корреляция с тем, что достигнуто в зарубежных и отечественных трудах в плане изучения повседневности, в том числе советской, более основательное методологическое оснащение исследований сельской повседневности, а также большая антропологизация ее истории. В разработке нуждается типология сельской повседневности, а также ее символические аспекты. Ожидают

осмысления предметно-материальные структуры и реалии с точки зрения содержащихся в них культурных смыслов.

Литература

1. *Багдасарян С.Д.* Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы / Отв. ред. А.П. Скорик. Новочеркасск, 2015.
2. *Багдасарян С.Д., Скорик А.П.* Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е гг. Новочеркасск, 2012.
3. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов, 2004.
4. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014.
5. *Бердинских В.А.* Крестьянская цивилизация в России. М., 2001.
6. *Бердинских В.А.* Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011.
7. *Богданова Е., Ткач О.* Назад в «поле»: опыт исследования деревенского сообщества // Уйти, чтобы остаться. Социолог в поле: сб. стат. / Под ред. В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб, 2009. С. 102–114.
8. *Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни* / Под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб, 2014.
9. *Виноградский В.Г.* «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности. М., 2017.
10. *Гадицкая М.А.* Истоки колхозной повседневности. Новочеркасск, 2018.
11. *Бондарев В.А., Гадицкая М.А.* Трудовая повседневность колхозной деревни: складывание новых производственных отношений в селах и станицах Юга России 1930-х годов / Отв. ред. А.П. Скорик. Новочеркасск, 2014.
12. *Денисова Л.Н.* Женщины русских селений. Трудовые будни. М., 2003.
13. *Денисова Л.Н.* Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М., 2007.
14. *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
15. *Костяшов Ю.В.* Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М., 2015.
16. *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д., 2011.
17. *Лебедева Л.В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М., 2009.
18. *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с нем. М., 2010.

19. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.
20. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
21. Русские Рязанского края: в 2 т. / Отв. ред. С.А. Иникова. М., 2009.
22. Сальникова А.А. Источники по истории советской повседневности: основные разновидности и особенности анализа // Перекресток культур. М., 2004. С. 264–286.
23. Сенявский А.С. Повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов н/Д., 2009. С. 9–15.
24. Хасянов О.Р. Очерки истории повседневной жизни советского крестьянства (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей). Ульяновск, 2015.
25. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008.

Сельскохозяйственные трудовые коммуны в 1917-начале 1930-х гг.: причины создания и вступления в коллектив²

Рассмотрены основные причины организации коммун в советской деревне в 1917 - начале 1930-х гг. Представлены категории населения, которые изъявили желание вступить в коллектив, и их мотивы. Установлена значительная роль государства в стимулировании коммунарского движения в деревне.

Ключевые слова: сельскохозяйственная трудовая коммуна; коммунистический проект в деревне; Советская Россия в 1917 – начале 1930-х гг.

Сельскохозяйственные трудовые коммуны в раннесоветский период занимали исключительное место в действительности советской деревни. Концепт «коммуна» был сформирован еще в XIX в. и к началу нового века состоял из теоретических и практических изысканий европейских социалистов-утопистов, российских народников, марксистов о необходимости перехода к коммунистической коллективной форме труда и быта как идеальной системе организации жизни (см. [10; 12; 15; 19]).

Первые подобные коллективы с высоким уровнем обобществления средств производства, труда и быта появились в России еще в дореволюционный период и были представлены экспериментальными сектантскими, интеллигентскими и иными опытами, завершившими свое существование к началу XX в. [4]. С осени 1917 г. идея создания коллективной формы хозяйствования в деревне получила новый импульс.

Изучение сельскохозяйственных коммун началось почти сразу с момента их возникновения. Сначала это были агитационные и критические статьи, брошюры, позднее – главы в исследованиях и несколько специальных работ [1; 5; 6; 8; 13; 14; 16; 18]. В современной историографии исследования по истории данных коллективов представлены работами Д. Дюран на общероссийском материале и П.А.Якушева, И.В.Гончаровой, Е.В.Диановой – на региональном [2; 7; 9; 21].

---

¹ Семерикова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, olgasemerikova8@yandex.ru, Россия, г. Екатеринбург,

² Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Целью данной статьи является изучение причин организации и вступления в сельскохозяйственную трудовую коммуну различных категорий населений на основе метода социального проектирования (К. Поппер, Ф. фон Хайек, П. Бергер, Т. Лукман) [3]. Последний позволяет «переосмыслить перемены, произошедшие в российском обществе после Революции, взглянуть на них как на результат целенаправленной деятельности людей, движимых социалистической идеей, мифологически преломленной в их сознании» [11, с. 9].

Актуальность исследования данных трудовых коллективов, причин их создания проистекает из потребности в понимании развития и распространения коммунистических идей в России. Исследование темы позволяет ответить на вопрос: что способствовало формированию сельскохозяйственных коммун непролетарскими категориями населения, каковы были мотивы последних. Актуализирует изучение темы также и то, что созданные как самостоятельно, так и при поддержке государства в рамках реализации большевистского проекта «коммуна» данные коллективы стали площадкой для воплощения в жизнь теорий об идеальной жизни и трудовой деятельности, а также практической основой для большевистской партии по выработке механизмов формирования в деревне «нового человека» и новой советской реальности («новой крестьянской культуры») уже в первое десятилетие советской власти.

Началом последовательного государственного конструирования новой коммунистической реальности в деревне стало опубликование «Основного закона о социализации земли». В этот законодательный акт впервые были внесены положения об особом положении в Советской республике коллективной формы хозяйства и указаны ее виды (коммуна, артель, ТОЗ)³.

В дальнейшем был создан пакет подзаконных актов⁴ и бланковой документации⁵, который постоянно пополнялся на протяже-

---

³ Основной закон о социализации земли 27 января (9 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 416. Принят 18 января 1918 г. III Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и утвержден в окончательной редакции ВЦИК 27 января 1918 г.

⁴ Постановление СНК РСФСР от 2 июля 1918 г. «Об ассигновании 10 миллионов рублей на мероприятия по развитию земледельческих коммун»; Постановление СНК РСФСР от 3 августа 1918 г. «Об ассигновании Наркомзему 50 миллионов рублей для выдачи ссуд местным исполнительным комитетам на нужды земельных органов и организацию земледельческих коммун»; Декрет СНК РСФСР от 2 ноября 1918 г. «Об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства».

нии 1920-х гг., а также сформированы организационные структуры (курирующие подразделения при земельных управлениях на всех уровнях власти⁶), что определило траектории развития сельскохозяйственных коммун под контролем местных органов власти. На начальной стадии возникновения коллективов (1917–1919 гг.) степень свободы и самостоятельности в хозяйственной жизни была выше, в 1920-е гг. ситуация несколько поменялась. Во-первых, была искусственно скорректирована численность коллективов, когда в результате обязательной перерегистрации в 1921–1922 гг. «были ликвидированы малоземельные потребительского типа коллективы, преимущественно коммуны» [5, с. 81]. Во-вторых, контроль власти не способствовал формированию естественных механизмов развития и выработке внутренних мотиваций по сохранению стабильного существования на основе самостоятельных решений. Тем не менее, заинтересованность партии и правительства в сохранении сельскохозяйственных коммун в деревне как примера высшей формы коллективного производства способствовала корректировке решений власти о судьбе данных коллективов на основе мнения и реальных процессов функционирования коммун. Последнее обстоятельство вызывало сохранение импульса самодеятельности народных масс в создании новых коллективов.

В истории сельскохозяйственных трудовых коммун необходимо выделить три этапа. 1) 1917–1919 гг. – коллективы возникали в европейской части России преимущественно на землях бывшей частной, личной и иной формы собственности, сроки их существования не превышали 2 лет. 2) 1920–1924/1925 гг. – значительная часть коммун была ликвидирована в результате самороспуска или по результатам процедуры обязательной перерегистрации в 1921–1922 гг.; новые сельскохозяйственные коммуны появились на территориях, где завершилась гражданская война, особенно выразительно эти процессы были представлены на Урале и в Сибири. 3)

---

⁵ «Примерный устав трудовой земледельческой коммуны», утвержденный Наркоматом земледелия РСФСР (НКЗ) 21 июля 1918 г. // *Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.)*. Документы и материалы. М., 1954. С. 400–403; «Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун», утвержденный НКЗ 19 февраля 1919 г. // Там же. С. 433–441; *Примерный устав сельскохозяйственной коммуны (1922) г.* (Государственный архив Пермского края. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 422. Л. 8–17 об.

⁶ «Инструкция для организации бюро коммун», утвержденная НКЗ 17 августа 1918 г.; «Положение об инструкторах по коммунам», утвержденное НКЗ от 17 августа 1918 г.

1926/1927 – начало 1930-х гг. – наблюдалось сокращение желающих организовать коммуну; проявилась высокая самостоятельность крестьян по созданию коллективов со значительной долей среди них деревенской молодежи, получившей образование в советской школе и идеологически подготовленной в рамках пионерской и комсомольской организаций, а также зажиточных крестьян; в 1929–1931 гг. некоторая часть коммун стала крупными рентабельными хозяйствами, что подняло их статус среди крестьян [20, с. 157]. К 1934 г. все сельскохозяйственные трудовые коммуны прекратили свое существование по решению центральной власти.

Организаторами первых коммун, созданных по инициативе народных масс, чаще всего были не представители традиционного крестьянства, а промышленные и сельские рабочие, мастеровые, бывшие солдаты, лица, имеющие отходнический опыт, хуторяне, отрубники, служащие, учителя. Всех их объединяла активная жизненная позиция, целеустремленность, готовность к новому. С лета-осени 1918 г. большевистская партия активно включилась в процесс конструирования новой социальной реальности в деревне через внешнее стимулирование коммунарского движения, и в число инициаторов создания коммун целенаправленно были включены члены РКП(б). Всемерная поддержка власти оказала принципиальное воздействие на процесс роста численности коллективов, в том числе и в среде традиционного крестьянства. Последнее обстоятельство повлияло в свою очередь и на устойчивость коммун.

Причины организации сельскохозяйственных трудовых коммун условно можно разделить на две группы: идеологические и экономические. Проследить мотивы создания коммун помогают архивные и опубликованные материалы (прошения и заявления в коммуну и земельные отделы, анкетные и опросные листы, протоколы общих собраний коллективов, отчеты, стенограммы совещаний и съездов представителей коллективных хозяйств и прочие).

Приведем примеры. Крестьяне с. Курчино Николаевской волости Боровского уезда Калужской губернии в сентябре 1918 г. писали: «Мы изголодавшиеся и бедные материально крестьяне. Но мы богаты духом, сильны и тверды настроением <...>. Мы свято верим в победу трудового класса. Мы, как пролетариат и беднейшее крестьянство. Мы раскроем невиданный и желанный идеал братского единения и таким путем уничтожим желание личной наживы и толкнем массы к воспитанию прекрасного здорового и цветущего

жизнью детеныша социализма. Во имя этих идей мы и просим об отводе одного из имеющихся у вас имений со всем инвентарем, живым и мертвым»⁷. В этом примере налицо та реальность, которая существовала среди некоторых жителей сельской местности: одновременное наличие потребности найти экономические возможности для выживания и/или повышения уровня жизни и желание реализовать свои представления о новой жизни, о «новом человеке». Мотивирующим фактором для организаторов коммун становилась и судьба их детей, для которых они хотели создать такие условия жизни, которых не было у старшего поколения.

Из коммуны «Луч солнца» Тюменского округа, организованной в 1918 г., сообщали в начале 1925 г., что «входили в коммуну потому, что искали новых путей в коллективном строительстве и сожительстве, облегчения своему труду, многие входили из-за идей, ибо большая часть товарищей в коммуне – члены коммунистической партии» [17, с. 60].

На наш взгляд, идеологические мотивы создания коммуны доминировали у сознательных организаторов процесса. В их состав входили те, кто принципиально был настроен реализовать свои накопленные теоретические знания, и те, кто, являясь членом большевистской партии, получал задание по построению социалистического будущего в деревне. Практики гражданской войны (сотрудничество и общий быт в армии и партизанских отрядах, идеологическая работа большевиков среди солдат и партизан) расширили число желающих реализовать идеи коммунизма.

Экономические (прагматические) причины организации и вступления в коммуну в большей степени присутствовали у основной части коммунаров, кто руководствовался, прежде всего, неблагоприятной макро- и микроэкономической ситуацией, а также практиками выживания в условиях смены идеологической парадигмы в стране. Из Московской губернии 19 февраля 1921 г. сообщали: «Коллективы объединены различными элементами: и рабочие, и крестьяне, и мелкие собственники, которые путем объединения стремятся остаться в насиженном углу. Организуются железнодорожные служащие и советские служащие ради продовольственного кризиса. Объединяются сектанты-духоборы и бывшие монастыри, и надо заметить, что хозяйственная сторона дела религиозных объ-

---

⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 23. Л. 1.

единений находится на должной высоте»⁸.

Среди коммунаров-прагматиков присутствовали также мало- и безземельные крестьяне; батраки; беженцы, вынужденные в военный и революционный период покинуть прежнее место жительства и искать средства к существованию; оставшиеся без семьи подростки и молодежь; вдовы красноармейцев и женщины с детьми без мужа и поддержки семьи. Приведем в пример заявление Валова Егора Ильича, 17 лет, от 26 января 1921 г.: «Прошу Совет Смолинской сельскохозяйственной коммуны "Энергия" принять меня в единую вашу семью членом. Я не имею родных и живу в настоящее время у советского ямщика Ольховского озера»⁹.

Относительно женщин традиционно считалось, что они отрицательно восприняли коммунальное строительство. Согласно нашему исследованию, подобная позиция имела место на всех этапах, но особенно в 1917-1919 гг. Но параллельно существовала иная тенденция. В первой половине 1920-х гг. многие из женщин вместе с детьми оказались в сложной жизненной ситуации (мобилизация, ранение или смерть мужа на фронте, голод), что привело их к решению о вхождении в коммуну.

К экономическим причинам вступления в коллектив сельского населения также необходимо отнести: получение земельных участков, живого и мертвого инвентаря, финансовой и иной помощи со стороны государства; улучшение условий землепользования (увеличение количества, переход от дальнотемелья и чересполосицы); понимание выгоды коллективных форм хозяйства и внедрение улучшенных методов хозяйствования (на основе прежнего практического опыта или в теории); сохранение собственности (для лиц непролетарского происхождения: помещики, монахи, частные владельцы). Сопутствующим, а порою определяющим мотивом на всех этапах возникновения коммун являлось стремление входивших в коллектив спасти себя и своих детей от голода и смерти (стратегия выживания).

Организованные коллективы, которые в большевистской терминологии именовались «лже-коммуны», идеологической составляющей имели меньше всего или не имели вовсе. Так, сельскохозяйственная трудовая коммуна монахов Николаевского Коря-

---

⁸ Там же. Оп. 5. Д. 8. Л. 150–151.

⁹ ГА в г. Шадринске. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 150. Л. 3.

жемского монастыря Сольвычегодской губернии Вологодской губернии, организованная по ходатайству настоятеля от 1 мая 1918 г., уже 24 сентября 1918 г. была распущена как «гнездо контрреволюционеров»¹⁰. Были примеры организации коммун непролетарскими слоями общества (например, в Марьинскую сельскохозяйственную трудовую коммуно-школу Калужской губернии, основанную в 1918 г. «для пропаганды коммунистических начал в сельском хозяйстве», вошли частный землевладелец, сын дворянина и помещика, член уездного земельного отдела, бывший комиссар уездной финансовой комиссии и др.¹¹). В подобных случаях причиной создания коллектива явилось стремление к поиску адаптационной модели выживания в рамках новой социалистической реальности. Отметим, что эта тенденция более отчетливо наблюдалась в регионах с развитым товарным сельским хозяйством, сетью хуторов и отрубов, а также в районах со значительным числом беженцев и пришлого населения. Из этой среды было гораздо больше лиц, готовых к быстрому поиску новых моделей хозяйствования с целью сохранения и расширения материальных ресурсов.

Таким образом, рассмотрев причины создания и вступления в сельскохозяйственные коммуны необходимо указать следующие аспекты: коллективы возникали как на основе самодеятельности народных масс, так и благодаря целенаправленной политике большевистского правительства; разными участниками движения коммуна представлялась и как идеал жизненного пространства, и в качестве адаптационной модели к советской действительности (где целью непролетарских категорий населения явилось сохранение в полном объеме правового, социального статуса, материальных ресурсов, пролетарских – физическое выживание); активная государственная поддержка в 1918–1920 гг., сохранение налоговых и иных преимуществ вплоть до начала 1930-х гг., неблагоприятные экономические условия на макро- и микроуровнях стимулировали постоянный интерес сельского населения к созданию коммун.

Литература

1. *Васильев П.Г.* Вопросы труда и организации капиталов в сельскохозяйственных коммунах (опыт с[ельско]-х[озяйственных] коммун Сибири). Новосибирск, 1928.

---

¹⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 135. Л. 160.

¹¹ Там же. Д. 97.

2. *Гончарова И.В.* Коллективные хозяйства Центрального Черноземья в 1920-е гг. // Экономическая история. Ежегодник 2008. М., 2009. С. 221–237.
3. *Горбачев О.В.* Теории конструирования социальной реальности в XX веке и советский проект // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики. Екатеринбург, 2016. С. 29–49.
4. *Гордеева И.А.* Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX–XX вв.: [Предисловие] // Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России. СПб., 2010. С. 7–74.
5. *Гришаев В.В.* История сельскохозяйственных коммун. Красноярск, 1986.
6. *Гришаев В.В.* Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М., 1976.
7. *Дианова Е.В.* О сельскохозяйственных коммунах Олонецкой губернии // Клио: журнал для ученых. 2010. № 2. С. 81–83.
8. *Дышлер П.Я.* Как устраивать сельскохозяйственные коммуны. М., 1918.
9. *Дюран Д.* Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России. СПб., 2010.
10. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1971. Т. 3.
11. *Мазур Л.Н.* Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 годах // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. С. 7–28.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М., 1974.
13. *Маслов С.* Коллективно-земледельческое движение в современной России // Современные записки. 1922. Кн. X. С. 195–233. URL: <http://www.emigrantika.ru/bib/228-bookv> (дата обращения 05.10.2018).
14. *Милицин Н.А.* Земледельческие артели и коммуны // Сельскохозяйственные коммуны (Воронеж). 1918. № 5–6. С. 33–35.
15. *Оуэн Р.* Из книги о новом нравственном мире // Избранные произведения. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 5–115.
16. Сельскохозяйственные коммуны по материалам обследования Московского высшего Кооперативного института в 1923 г. М., 1924.
17. Труды Первого Всесоюзного совещания сельскохозяйственных коллективов (коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли) 26 февраля – 6 марта 1925. М., 1925.
18. *Усатова А.Н.* Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии. Владимир, 1961.
19. *Чернышевский Н.Г.* Что делать? М., 1957.
20. *Щеглова Т.К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. Барнаул, 2008.
21. *Якушев П.А.* Организация и деятельность коллективных хозяйств крестьян Смоленской губернии в период Гражданской войны: ноябрь 1917 – декабрь 1920 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010.

Сельские советы в контексте раннесоветского проектирования²

В статье на основе проектного подхода рассматривается эволюция роли и значимости сельских советов в 1920–1930-е гг. Показано, как происходило сужение сферы компетенции органов местной власти, в результате чего им пришлось ограничиться сферой текущего хозяйственного и культурного развития под жестким контролем правящей партии.

Ключевые слова: проектный подход, сельские Советы, административно-территориальное устройство, община, Советская Россия – СССР в 1920–1930-е годы.

Теоретическая база

Понимание роли сельсоветов как органов местного управления и закономерностей их эволюции в раннесоветский период может быть расширено с учетом проектного подхода к изучению советской истории. Важно увидеть, как изначальные цели большевиков трансформировались под влиянием среды и логики изменений в системе советской власти.

На существующие интерпретации роли сельских советов до сих пор большое влияние оказывают тоталитарный (либеральный) и ревизионистский подходы в историографии. Первый из них подчеркнута антибольшевистский (Р. Пайпс, З. Бжезинский и др.) [14; 23] и предлагает видеть в советах исключительно инструмент для манипулирования массами. На позиции либеральной школы легко встали советские историки-диссиденты, поскольку именно советский режим был главным объектом их критики [3], а также многие историки 1990-х гг.

В рамках ревизионистского подхода предметом интереса авторов было, в первую очередь, само крестьянство, а также традиционные институты общинной демократии. Это направление, в част-

---

¹ Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, og_06@mail.ru; Соловьева Татьяна Владимировна, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, solovyeva-tv@e1.ru, Россия, г. Екатеринбург

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

ности, способствовало формированию крестьяноведческого мифа 1990-х гг. о «хорошем» крестьянстве и «плохой» власти. В конечном счете, обе исследовательские парадигмы способствовали схематизации восприятия отношений между властью и народом.

В рамках популярной ныне «новой культурной истории» тема места институтов власти в советском обществе считается перспективной [26, р. 273-274], но до сих пор она не получила достойного освещения.

Проектный подход, в основе которого лежат идеи конструирования социальной реальности К. Поппера, П. Бергера, Т. Лукмана и др. (см.: [4]), позволяет понять, как изначальные цели большевиков трансформировались под влиянием среды и логики изменений в системе советской власти.

Облик местной власти в представлениях большевиков

По нашему мнению, на облик местной власти после Октября 1917 г. оказали влияние многие факторы, среди которых были представления В.И. Ленина и его соратников о месте и роли государства в социалистическом обществе, наиболее определенно заявленные в работе «Государство и революция» (1917 г.) [10] и выраженные в идеологемах «диктатура пролетариата», «самоопределение наций» и др.; текущие практические задачи большевиков, а также величина и разнообразие территории бывшей Российской империи.

Форма организации сельских советов в советской системе определялась политическим, экономическим и территориальным контекстами.

Политические соображения базировались на идее народного самоуправления как ориентире для большевистской революции. При этом идеологически сельские (крестьянские) советы воспринимались как подчиненные (вторичные) по отношению к пролетарским.

На *экономическом* уровне признавалась польза советов как формы самоуправления для решения местных хозяйственных вопросов. В этом смысле местные советы как вариант правительственного организационного реформирования были отчасти преемственны земствам.

В *территориальном* смысле советы были формой организации советского пространства, противостоящей прежнему административно-территориальному делению.

Местное самоуправление в условиях диктатуры пролетариата воспринималось Лениным в контексте «демократического централизма». Будущее государство должно было опираться не столько на административное управление, утрачивающее политический характер, сколько на инициативу победивших угнетенных классов [10, с. 40]. Ключевая роль в реализации этой инициативы отводилась советам всех уровней.

Если в первые послеоктябрьские дни создаваемые большевиками структуры еще выступали придатками существующих в деревне органов управления (земельные комитеты должны были действовать параллельно с волостными земствами) [16], то после ликвидации волостных земств в конце 1917 – начале 1918 г. [20, с. 40–41] инициатива должна была перейти к советам.

Формирование управленческой вертикали

В реальности ситуация оказалась более сложной, и множественность идеологических и практических целей большевиков породила многообразие форм организации власти на местах. Приоритетными структурами в этом списке были советы и учрежденные в декабре 1917 г. совнархозы, дополнительными – разнообразные ревкомы, комбеды и т.п. Следуя принципу «демократического централизма», реализовывалась двойная подчиненность вновь создаваемых местных органов власти: местному совету и соответствующему центральному органу.

Примерно до середины 1920-х гг. имела место конкуренция между экономическим и административным принципами организации территории. Она вытекала не только из целей большевистского реформирования, но и была выражением подходов к районированию, сложившихся еще в досоветский период [27].

Для большевиков было принципиально уйти от прежнего губернского-уездного принципа организации территории. Новая терминология («административно-хозяйственное районирование») отразила неприятие прежнего принципа. Как в 1925 г. отмечал К.Д. Егоров, «термин “административное деление” дышит архаизмом, он устарел и может быть применяем лишь к положению в до-революционное время, когда государство разделялось на административные единицы для удобства управления территорией в фискальных и полицейских целях». Отныне управление в основе своей должно было стать экономическим, поскольку «нет административ-

ных вопросов, которые не имели бы глубокой экономической основы» [7, с. 10]. В этой оценке теоретические марксистские представления соединялись с приоритетами специалистов Госплана.

Доминирование экономического принципа при недооценке административного привело к тому, что к 1919 г. территория страны была хаотически поделена между совнархозами. Выступая на VIII Всероссийском съезде советов, один из будущих лидеров «левой оппозиции» Тимофей Сапронов констатировал: «например, если у крестьянина украли корову, он идет в один город, а если у него запахали полосу, то он принужден идти в другой город. И крестьянину не распутаться в этом анархическом способе деления» [18, с. 203]. Усиление администрирования в этой ситуации диктовалось и принципами «военного коммунизма», и стремлением к формированию понятной управленческой вертикали. После создания в феврале 1920 г. Административной комиссии ВЦИК стало ясно, что инициатива переходит от хозяйственных органов управления (совнархозов) к административным (советам), которые теперь наделялись экономическими функциями.

Такого рода централизаторские устремления далеко не везде имели одинаковый эффект. В национальных районах переключивание хозяйственных функций на плечи местных советов вело скорее к децентрализации. Экономическое районирование в условиях национального разграничения было крайне затруднительным. Поэтому вскоре было признано, что «республики единого Союза не могут основывать свои решения исключительно на национальном принципе» [25, р. 211]. Противоречия между экономическими и национальными интересами привели к дискуссии между Наркоматом по делам национальностей и Госпланом (1921 г.), особенно активной на этапе создания СССР [24, р. 146]. В конечном счете верх взяли «экономисты». С июня 1923 г. прекратилось публичное обсуждение национального вопроса. В резолюциях XII съезда ВКП (б) отмечалось, что Советское государство будет максимально поддерживать лишь те формы национального устройства, которые не противоречат его целям [5, с. 695-696]. В дальнейшем «национальный вопрос» использовался в качестве рычага административного регулирования.

Таким образом, к середине 1920-х гг. становилось все более очевидно, что советы предназначены быть не столько органами

народного волеизъявления, сколько частью управленческой вертикали. Еще в 1920 г. Ленин выступил за ограничение коллегиальности, что выглядело безусловным отступлением от первоначальной интерпретации советов как коллективной формы власти. Тенденции прямого администрирования не могли миновать и органы власти на местах.

С точки зрения территориальной организации, система местных советов была предназначена заменить собой прежнее административное деление, которое, как считалось, применялось «в полицейских и фискальных целях» [7, с. 10]. В четырехзвенной структуре *губерния – уезд – волость – сельское общество* первоначально планировали заменить последний элемент *сельсоветами*, а затем в Госплане родилась трехзвенная схема «*область – округ (район) – волость (сельсовет)*» в том числе для того, чтобы в результате сокращения количества уровней управления с четырех до трех «приблизить власть к народу» и уменьшить издержки на содержание управленческого аппарата.

Наибольшая неопределенность существовала как раз по поводу низового уровня. Разработчики реформы в Уральской области³ писали: «Подготовка районирования, в сущности, свелась к двум стадиям работ: организации областной территории и организации более дробных хозяйственно-административных единиц. Несмотря на всю сложность работы по определению границ областного хозяйства, эта работа оказалась более доступной и легкой, чем организация полутора десятков округов с двумя сотнями районов. Чем ниже опускалось районирование, тем труднее было выдержать единую методологическую линию и тем рельефнее выпирали организационно-административные моменты. А, между тем, главная тяжесть работы лежала именно в правильном построении сетки округов и районов»⁴.

Сразу после начала административно-территориальной реформы в 1923 г. появились предложения об укрупнении районов и уменьшении сельсоветов. Подвижность административно-территориального деления на низовом уровне скорее всего можно объяснить тем, что функции низовых единиц были не до конца осмыслен-

---

³ Существовала с 1923 до 1934 г.

⁴ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2320. Л. 103–106.

ны. Изначально предполагалось, что именно на уровне сельсоветов и районов должно было начинаться функционирование системы «самоуправления». Но именно этот уровень был теоретически слабо проработан. Вероятно, предложения об уменьшении сельсоветов базировались в том числе на идеологических основаниях - в небольших по размеру органах легче реализовать низовую демократию.

Территория Уральской области не укладывалась в трехзвенную схему: либо волость слишком отдалялась от населения, и требовалось создание еще одного уровня управления (сельсовета), либо следовало отказаться от создания области и сохранить губернии⁵. Важно отметить, что в ранний период своего существования сельские советы не воспринимались большевиками как безальтернативная форма власти. В одной из дискуссий предлагалась обтекаемая идея некоей коммуны для руководства коммунальным хозяйством⁶.

Поскольку прямых указаний центра на этот счет не было, местное руководство на Урале предложило и реализовало деление на область – округ – район – сельсовет. Важно отметить, что на этом этапе административно-территориальной реформы функция низовой единицы меняется с самоуправленческой и самоорганизационной на хозяйственную, а точнее, сельскохозяйственную. Это проявилось в процессе взаимовлияния административно-территориального реформирования на низовом уровне и процесса землеустройства.

Для понимания тогдашней ситуации на местах нельзя не принять во внимание еще одно обстоятельство – устойчивость традиционной сельской общины.

Сельские советы и община

Как неоднократно отмечалось, фактически до начала коллективизации сельские советы были вынуждены опираться на действующие общинные институты (см. напр.: [2; 8]). Примечательно, что этот союз довольно долгое время не носил характер вынужденного. С точки зрения крестьянства взаимодействию способствовало то, что сельсоветы были единственной структурой, где существовала прямая выборность [17, с. 13]. Со стороны власти признавалось, что община – удобная форма для реализации первичных форм ко-

---

⁵ Там же. Л. 113–115.

⁶ Там же.

операции [19, с. 441]. Объективно подобные представления также способствовали установлению взаимодействия с существующими сельскими структурами.

На Урале, как и в других регионах, авторитет сельских советов во многом определялся их участием в процессе землеустройства. Это вытекало из их функции организации и рационализации сельского хозяйства в границах сельсовета. На первом этапе (с 1920 г.) реализовывалось межселенное землеустройство, главной задачей которого было уменьшение чересполосицы и дальнотемелья. На втором этапе (с 1925 г.) началось внутриселенное землеустройство, целью которого был переход на улучшенные способы сельского хозяйствования с последующим объединением в сельхозколлективы⁷.

Отсутствие идеологического запроса на освобождение сельсоветов от общинного влияния проявилось в том, что вновь издаваемые декреты в сфере советского строительства в первой половине 1920-х гг. в наибольшей степени затрагивали губернско-уездно-волостной уровни, редко опускаясь до сельсоветов.

Между тем, в течение 1920-х гг. действовало немало факторов, ставивших под сомнение прочность союза сельсоветов и крестьянской общины. Одним из них был вопрос взаимоотношений сельских советов с земельными обществами и сельскими сходами. Дело в том, что на уровне сельсовета фактически существовало три формы демократического участия. *Первая* – это собрание правоспособных избирателей, выбиравших членов сельсовета и заслушивавших его отчеты. *Вторая* – земельное общество, т.е. собрание всех домохозяев, являющихся членами одного земельного общества, которых в сельсовете могло быть несколько. *Третья* – сельский сход, т.е. собрание всех, в том числе и неспособных граждан данной деревни или села⁸. Противоречия между ними были заложены в законодательстве. К примеру, Земельный кодекс определял, что исполнительным органом земельных обществ, территориально совпадающих с сельсоветом, является сельсовет [21, с. 8]. В условиях множественности форм крестьянского волеизъявления была неизбежна деградация форм общинной демократии.

---

⁷ ГАСО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 103. Л. 205–207.

⁸ См.: там же. Л. 210.

Другой фактор, способствовавший упадку общины – постепенное занятие общинных должностей советскими работниками, выходцами не из крестьянской среды [2; 22, с. 88–89]. Справедливо отмечается, что это происходило из-за нежелания крестьян участвовать в советских органах власти. Начавшаяся в 1923 г. административно-территориальная реформа в числе прочего имела следствием укрупнение сельсоветов, что для крестьян – членов сельсовета обращивалось необходимостью отрыва от повседневной хозяйственной деятельности [2].

Еще одна причина невысокой крестьянской активности по отношению к местным советам видится в их невысоком авторитете. Уже в начале 1920-х гг. управление в советах перешло к президиумам исполкомов, а сами президиумы попали в полное подчинение к партийным комитетам [13, с. 54; 6, с. 411]. Логика подобных действий была сформулирована Лениным в марте 1921 г. на X съезде РКП (б): «Как правящая партия мы не могли не сливать с “верхами” партийными “верхи” советские – они у нас слиты и будут таковыми» [10, с. 15]. Приняв однажды решение о необходимости партийного контроля, в дальнейшем Ленин четко выдерживал этот курс. Естественным результатом такой политики стало дальнейшее падение авторитета советов, чему способствовал и рост их бюрократизации.

В апреле 1921 г. «с целью установления связи советских учреждений с широкими массами трудящихся, оживления советского аппарата и постепенного освобождения его от бюрократических элементов» был принят декрет Совнаркома «О привлечении рабочих и крестьянок к работе в советских учреждениях»⁹.

О провале кампании «оживления советов» красноречиво свидетельствует тот факт, что на выборах сельских и волостных советов в 1922 г. в голосовании приняло участие лишь 20,4 % избирателей [6, с. 412]. Попытки реанимировать советы предпринимались и позже. Следующее «оживление» было объявлено в октябре 1924 г. Результаты предполагали добиться с помощью вполне дежурных мероприятий – через активизацию беспартийных, улучшение материального положения низовых советских работников, усиление контроля за соблюдением выполнения норм законности на выборах и в деятельности советов, в том числе со стороны парторганизаций [15]. Существенных улучшений кампания не принесла.

---

⁹ СУ РСФСР. 1921. № 35. Ст. 186.

Помимо того, что местные советы постепенно теряли привлекательность в глазах крестьян, кампании «оживления» советов объективно способствовали углублению разрыва между сельсоветами и крестьянскими обществами: привлечение молодежи и женщин к хозяйственному управлению разрушало авторитет домохозяев [17, с. 15]. Курс на «профессионализацию» советов (1925 г.), начатый по причине недостаточной эффективности кампании «оживления» имел следствием дальнейшее игнорирование низовой демократии. Одновременно устанавливалось правило согласования кандидатуры председателя сельсовета с райисполкомом и райкомом [1, с. 582]. В течение всего десятилетия 1920-х гг. в деятельности сельсоветов последовательно реализовывалась политика административного оттеснения «классово чуждых элементов» от принятия решений на общинных сходах. Кроме того, в условиях свертывания нэпа оказалось возможным волевыми решениями формировать бюджеты сельсоветов за счет бюджетов общины [19, с. 436–439].

Ограничение компетенции сельских советов

При всей противоречивости отношения сельских жителей к местным советам они постепенно утверждались в качестве органа власти, и в этом смысле можно считать, что на протяжении 1920-х гг. сельсоветы объективно способствовали разрушению института общины. Параллельно шел процесс ограничения полномочий самих советов.

Уже в первой половине 1920-х гг. в условиях принятия ключевых решений на партийном уровне советское законотворчество оказалось свернутым, и реально работали только исполкомы советов. Серьезным шагом в направлении дальнейшего ограничения роли советов стало принятие в апреле 1927 г. на XV партконференции ВКП(б) курса на централизацию власти и управления. Постепенно сошла на нет кампания «оживления» местных советов. С 1928 г. начались «чистки» аппаратов местных советов и центрального аппарата. Был принят новый закон о финансах местных советов, который вводил остаточный принцип финансирования местных органов власти (после затрат на индустриализацию) [12, с. 23].

С началом коллективизации задачи сельсоветов также менялись. Теперь одной из основных их функций стало выстраивание работы с колхозами. В записке Уральского облисполкома (1930 г.) отмечалось: «Основным плановым заданием районов и сельсоветов

является увязка деятельности этих организаций и направление ее в сторону планового развертывания коллективизации сельского хозяйства <...>. Работа районных исполкомов и сельских советов, в условиях реконструкции сельского хозяйства на социалистических основах главным своим назначением имеет организацию планирования сельского хозяйства; с этим планированием связано развитие индустриальных отраслей и социально-культурного сектора; последние должны быть построены применительно к задачам организации производства. Поэтому сеть районов и сельсоветов должна быть приурочена к сети и организации основных производственных агро-индустриальных ячеек; в районах сплошной коллективизации это будут районные агро-индустриальные колхозы, с которыми должны быть связаны границы районов, а с их производственными участками должна быть связана сеть сельсоветов»¹⁰.

Таким образом, если прежде сельсоветы территориально соответствовали сельским обществам, то теперь их границы должны были корректироваться в соответствии с планами колхозного строительства. На примере этой трансформации находит подтверждение тезис, что сельсоветы рассматривались в первую очередь как орудие хозяйственной деятельности.

Результатом организационной реформы должно было стать укрепление базы низовых советов, а численность управленческого аппарата снизиться. Но теперь функции сельских и районных советов начали пересекаться с функциями колхозных администраций. Это привело к новому видению роли низового уровня территориального деления. Позже сельсоветы и районы начали встраиваться в работу МТС. Последующая механизация сельского хозяйства привела к дальнейшему укрупнению районов и сельсоветов. Если прежде сельские советы были последним прибежищем прямой демократии, то в результате серии укрупнений они лишились этой функции, и в них, как и в советах более высокого уровня, формально утвердилась демократия представительная.

К началу 1930-х гг. сложилась довольно ограниченная сфера компетенции сельских советов, которая практически не менялась в течение последующих десятилетий (см. таблицу).

Поскольку бюджет сельских советов примерно наполовину формировался из бюджета районов, это ставило их в зависимость и

---

¹⁰ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 535. Л. 28–28об.

от районных органов власти, и от местных сельскохозяйственных организаций (колхозов и совхозов). В результате, как отмечает Л.Н. Мазур, сельсоветы имели слабые позиции в сельском социуме, находясь между различными административными и хозяйственными силами, а также сельским обществом. Однако, на этом уровне управления все же сохранялись демократические механизмы контроля снизу, что снижало степень бюрократизации этих структур [11, с. 154].

Таблица

Сельские советы в 1930-1980-е гг.: порядок формирования и полномочия

Сельский совет	Выборный орган, 1 депутат от 200 чел.	Утверждение бюджета, контроль исполнения бюджета, выборы председателя и исполком.
Исполком	Избирается из членов сельсовета	Административные, фискальные, статистический и военный учет, руководство местным хозяйственным и культурным развитием, благоустройством, формировали местный бюджет
Председатель, зам. председателя	Избирается из членов исполкома, согласовывается с райисполкомом и райкомом	
Секретарь	Наемный технический работник	Ведение делопроизводства, бухгалтерского учета, кадрового, составление похозяйственной книг и проч.
Участковый милиционер	Назначается приказом районного управления милиции.	Охрана правопорядка и выполнение указаний вышестоящих органов

Источник: [11, с. 149]

Выводы

Таким образом, в советском строительстве раннего советского периода имели место две тенденции: 1) в борьбе с прежними организационными структурами советы утверждались как оптимальная для большевиков форма организации власти на местах; 2) по мере встраивания местных советов в управленческую вертикаль в них имело место неизбежное свертывание начал самоуправления. В конечном счете вторая тенденция привела к институциональному сужению сферы компетенции советов.

В середине 1920 – начале 1930-х гг. советы преимущественно позиционировались как органы хозяйственного управления. В связи с этим постоянно возникало дублирование функций с номинальными хозяйственными структурами.

Отсутствие реальных управленческих полномочий и финансовой самостоятельности придавало советам статус угасающего

идеологического проекта. Никуда не делся отмеченный еще в начале 1920-х гг. переко́с в сторону исполкомов при игнорировании законодательной функции советов.

Советы плохо вписывались в логику как хозяйственного, так и административного управления, что постоянно порождало споры об их статусе. В определенном смысле советы были полезны как средство регулирования низовой неформальной активности. Это позволяет понять их роль по отношению как к общинным институтам, так и к колхозам.

Логика административных укрупнений влекла за собой кадровую унификацию, способствовала дальнейшей деградации системы выборов в советы и, в конечном счете, снижению роли этого института власти.

Кампании типа «оживления» и «профессионализации» имели целью поднять реальное значение советов, проигрывавших и сельской традиции, и партийным методам администрирования.

Попытка реализовать идеальную модель народного самоуправления не удалась. В 1930-е гг. сельские советы отчасти выполняли управленческие функции (по преимуществу фискальные и регистрационные), но были лишены властных полномочий по управлению территорией, которые, как и финансовые ресурсы, концентрировались в руках вышестоящих органов. Кроме того, советы играли роль идеологического прикрытия диктатуры правящей партии.

Литература

1. Административные реформы в России: история и современность / Под ред. Р.Н. Байгузина. М., 2006.
2. *Безгин В. Б., Юдин А.Н.* Крестьянская община и сельсовет в 1920-е годы // Социодинамика. 2013. № 2. С. 119–160.
3. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М., 2000.
4. *Горбачев О.В.* Теории конструирования социальной реальности в XX в. и советский проект // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2016. С. 29–49.
5. Двенадцатый съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968.
6. Драма российской истории: большевики и революция / Под ред. О.В. Волобуева. М., 2002.
7. *Егоров К.Д.* Районирование СССР. Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 годы. М.; Л., 1926.
8. *Кукушкин Ю.С.* Традиции общинной демократии в формировании и деятельности сельских Советов в 1920-е гг. // Вестник РУДН. История России. 2012. № 4. С. 71–80.

9. Ленин В.И. Государство и революция//ПСС. 5-е изд. М.,1969. Т.33. С.1-120.
10. Ленин В.И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП (б) 8 марта / X съезд РКП (б). 8–16 марта 1921 г. // ПСС. 5-е изд. М., 1970. Т. 43. С. 1–33.
11. Мазур Л.Н. Особенности эволюции сельской бюрократии в советской России // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 146–159.
12. Новокрещенов А.В. От централизации местных советов к централизации местного самоуправления // Развитие территорий. 2018. № 1. С. 22–25.
13. Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 49–66.
14. Пайнс Р. Русская революция. В 2-х т. М., 1994.
15. Пленум ЦК РКП (б) 25–27/X. 1924. Резолюция «Об очередных задачах работы в деревне» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. С. 301–303.
16. Положение о земельных комитетах. Постановление СНК. Не позднее 12 (25) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С.218-224.
17. Саламатова М.С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 12–17.
18. 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: стенографический отчет (5–9 декабря 1919 г. в Москве). М., 1920.
19. Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 т. 1927-1939. М., 1998. Т.1: май 1927–ноябрь 1929.
20. Тропов И.А. Проблемы организации и функционирования волостных органов власти в России в 1917–1918 гг. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 2. С. 38–42.
21. Урал после районирования. Свердловск, 1926.
22. Яхшиян О.Ю. Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 1920-х гг. Дис... канд. ист. наук. М., 1998.
23. Brzezinski Z. The Grand Failure: the Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. N.Y. : Collier Books, 1989.
24. Hirsch Francine. State and Evolution: Ethnographic Knowledge, Economic Expediency, and the Making of the USSR, 1917–1924 // Burbank J., Hagen von M., Remnev A. (Eds.). Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2007. P. 139–168.
25. Hirsch Francine. Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // The Russian Review. 2000. № 59. P. 201–226.
26. Smith S. Writing the history of the Russian revolution after the fall of communism // Europe-Asia Studies, Vol. 46, № 4, 1994. P. 563–578.
27. Tagirova Nailya. Mapping the Empire's Economic Regions from the Nineteenth to the Early Twentieth Century // Burbank J., Hagen von M., Remnev A. (Eds.). Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2007. P. 125–138.

Землепользование колхозов Черноземного Центра России в первые послевоенные десятилетия²

В статье рассматривается землепользование колхозов Черноземного Центра России в первые послевоенные годы. Особое внимание уделяется изучению состояния культуры полеводства, проведения землеустроительных работ, внедрения и освоения севооборотов.

Ключевые слова: аграрная политика КПСС; советское государство; колхозы; культура землепользования колхозов.

Грамотное и рациональное землеустройство, введение научно обоснованных севооборотов и их освоение – это аксиома аграрной экономики. После окончания Великой Отечественной войны в колхозах оказались нарушены границы полей, значительная часть земель перестала обрабатываться, севообороты не соблюдались, существенно снизился уровень агротехнической культуры, оказался расстроеным процесс сортового обновления и воспроизводства семян. Великая Отечественная война нанесла огромный урон сельскому хозяйству страны. Особенно это касается тех регионов, на чьей территории велись боевые действия. Таким оказалось Центральное Черноземье: площадь пашни в обработке за годы войны в районе сократилась более чем на треть. В частности, в колхозах Курской области в 1945 г. посевные площади составили 62 % довоенного уровня, неосвоенными оставалось более одного миллиона гектаров пахотных земель³.

Восстановление сельскохозяйственного производства означало не только восстановление посевных площадей, но и проведение землеустроительных работ, введение и освоение полевых и кормовых севооборотов. Землеустроительные работы в колхозах и введение правильных севооборотов производились параллельно с восстановлением посевных площадей. Работы проводились «наспех», при острой нехватке специалистов. В справке о состоянии дел с введе-

---

¹ Томили Виктор Николаевич, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет, tomilin58@mail.ru, Россия, г. Липецк.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00386.

³ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАО-ПИКО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 64. Л. 34.

нием и освоением севооборотов в Орловском районе Орловской области отмечались серьезные трудности в этом деле. «Введенные севообороты до 1941 г. в колхозах не сохранились. Работа по введению севооборотов в 1945 г. проводилась в соответствии с техническими указаниями по разбивке пашни на поля севооборота упрощенным способом. Работы проводили агрономы-курсанты облЗ[емельного]О[тдела] в порядке прохождения производственной практики с участием колхозных мерщиков. <...> Колхозам никаких документов о введении севооборотов не выдавалось. В настоящее время никаких следов введения и освоения севооборотов за 1945 г. не сохранилось»⁴.

Землеустроительное оформление дел по введению севооборотов постепенно улучшалось. Но недочеты сохранялись. В Орловском районе в 1946 г. работы по введению севооборотов были проведены в 19 колхозах, из которых в 5 колхозах их признали неудовлетворительными. Так, в колхозе «13 лет РККА» проект введения севооборотов не обсуждался на общем собрании колхозников. В результате не были учтены соображения колхозников о нецелесообразности одного общего полевого севооборота для поселков, удаленных друг от друга. Вследствие этого искусственно создавалось «дальноземелье» и поэтому такой севооборот в колхозе не осваивался⁵.

Работа по землеустройству и введению травопольных севооборотов в колхозах Центрального Черноземья в первые послевоенные годы велась активно. Так, в Воронежской области в 1947 г. правильные севообороты были введены в 450 колхозах, в 1948 г. – в 738, а к началу 1949 г. травопольные севообороты существовали уже в 2969 колхозах, или в 68,5 % их численности⁶.

Значимость введения и освоения травопольных севооборотов для увеличения сельскохозяйственного производства осознавалась на государственном уровне. 20 октября 1948 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «О плане полесозащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской

---

⁴ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. П-52. Оп. 4. Д. 335. Л. 25.

⁵ Там же. Л. 26.

⁶ Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 2730. Л. 16.

части СССР». Постановление обязывало Министерство сельского хозяйства СССР, советские и партийные органы республик, краев и областей степной и лесостепной зоны европейской части СССР закончить не позднее 1950 г. введение травопольных севооборотов во всех колхозах, а их освоение завершить в 1955 г.⁷

Работа по внутривоспроизводственному землеустройству и введению травопольных севооборотов в колхозах Центрального Черноземья в конце 1940-х гг. близилась к завершению. По данным областных управлений сельского хозяйства Черноземного центра России к началу 1950 г. в Орловской области было проведено землеустройство и введены правильные севообороты в 80 % колхозов, в Воронежской области – в 88, в Тамбовской – в 98 %⁸.

Из полевых севооборотов наиболее широкое внедрение получил 10-польный со следующим чередованием: 1-е поле – черный пар, 2-е – озимые с подсевом травосемян, 3-е и 4-е – травы, 5-е – яровая пшеница, 6-е – яровые сборные, 7-е – пар, 8-е – озимые, 9-е – пропашные, 10-е – овес. Среди кормовых севооборотов наиболее распространенными были севообороты с 8-польной ротацией: 1-е поле – овес с набором трав, 2-е – травы на сено, 3-е – травы на сено и выпас, 4-е – травы на выпас, 5-е – травы на выпас, 6-е – яровая пшеница, 7-е – корнеплоды и 8-е – однолетние травы на выпас⁹.

Введение травопольных севооборотов в колхозах сводилась к нарезке полей и составлению плана перехода к ним. Это была очень трудоемкая работа, учитывая ее разовый характер и нехватку специалистов. Обкомы и райкомы компартии требовали ее скорейшего завершения. Землеустроители и агрономы в условиях жесткого давления приукрашивали действительность и сообщали вышестоящим партийно-хозяйственным органам завышенные данные.

В январе 1949 г. на имя секретаря Орловского обкома партии Л.И. Крылова и председателя облисполкома А.Е. Плеханова посту-

---

⁷ СП СССР. 1948. № 6. Ст. 80.

⁸ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 692. Л. 90; Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 3. Оп. 25. Д. 3. Л. 27; Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 1045. Оп. 1. Д. 7709. Л. 15.

⁹ Именно о таких севооборотах, введенных во второй половине 1940-х гг. в колхозах Тамбовской области, сообщал в сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б) А.И. Козлову секретарь Тамбовского обкома партии М.К. Крахмалев // ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 7621. Л. 164.

пила докладная записка от орловского межрайонного инспектора по определению урожайности И.С. Левкова. В ней речь шла о масштабных приписках. В частности, в Троснянском районе по данным областного управления сельского хозяйства во всех 105 колхозах были введены травопольные севообороты. Проверка показала совершенно иную картину. В колхозе «Стойкий боец» землеустройство проводилось еще в 1940 г. Введен был 7-польный полевой и 7-польный технический севооборот. На момент проверки переходные таблицы отсутствовали, границы полей севооборотов нарушены, землеустроительные знаки уничтожены. В действительности в колхозе имелся трехпольный севооборот¹⁰.

В 1950 г. произошли события, в значительной мере перечеркнувшие прежнюю работу по землеустройству колхозов. 30 мая 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле». В постановлении особо подчеркивалась необходимость скорейшего проведения в объединенных колхозах внутрихозяйственного землеустройства [2, с. 614–615].

Кампания по укрупнению колхозов проводилась динамично, под сильным нажимом со стороны местных властей. В результате численность колхозов в Орловской области сократилась с 4172 до 1857 (в 2,3 раза)¹¹. Предстояла огромная работа по землеустройству колхозов: следовало определить границы и площади землепользования, изготовить и выдать государственные акты на пользование землей, завести колхозные земельные шнуровые книги, провести нарезку полей, ввести травопольные севообороты.

О масштабах предстоящей землеустроительной работы можно судить по следующим данным. Только в Воронежской области площадь сельскохозяйственных угодий, охватываемая этими мероприятиями, превышала 4,5 млн га. Парадокс данной ситуации состоял еще и в том, что процесс укрупнения колхозов в 1950 г. не закончился, он продолжался и в последующие годы. Так, если на 1 января 1951 г. в Воронежской области насчитывалось 1643 колхоза, то на 21 марта 1953 г. их осталось 1560, т.е. за два года их количество уменьшилось на 83 единицы¹².

---

¹⁰ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 337. Л. 1.

¹¹ Там же. Оп. 5. Д. 7. Л. 132.

¹² ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 28. Д. 3. Л. 118.

Проведение землеустроительных работ в колхозах и введение в них севооборотов – это полдела, необходимо было освоить эти севообороты. И данная проблема оказалась чрезвычайно сложной в решении. В 1953 г. в Воронежской области к началу весенних полевых работ севообороты были введены в 1250 колхозах из 1560, или в 80 %. Областное управление сельского хозяйства планировало завершить эту работу к концу года. Но освоить севообороты, то есть привести в соответствие планы и реальное размещение культур, не удавалось. В 1953 г. только 11 колхозов в области освоили полевые и кормовые севообороты, 25 колхозов освоили отдельные полевые севообороты и 12 колхозов освоили отдельные кормовые севообороты¹³. Фактически за 8 послевоенных лет в колхозном производстве Воронежской области так и не удалось навести порядок в землепользовании. Размещение сельскохозяйственных культур и их чередование на колхозных полях носили бессистемный характер.

Отсутствие материальной заинтересованности в ведении расширенного производства, сильный административный нажим со стороны местных органов власти и постоянные реорганизации породили в колхозах безразличное отношение к делу освоения севооборотов. Непременное условие ведения культурного земледелия – рациональное чередование культур – не соблюдалось. «Севообороты вводятся формально, – отмечалось в справке «О введении и освоении севооборотов в колхозах Тамбовской области» от 1 июля 1953 г. – Никто у нас области, ни в районах не следит и не отвечает за севообороты в колхозах. Это приводит к тому, что введенные севообороты на другой же день нарушаются. Границы полей запахиваются и введенные севообороты остаются на бумаге»¹⁴.

В 1951–1953 гг. практически во всех колхозах Центрального Черноземья были завершены землеустроительные работы и введены правильные травопольные севообороты. Полевые севообороты вводились чаще всего 10–11-польные с двумя полями многолетних трав, кормовые севообороты – 7–9-польные с тремя-четырьмя полями многолетних трав¹⁵.

В самом начале 1954 г. в аграрной политике советского госу-

---

¹³ Там же. Л. 119.

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-3443. Оп. 1. Д. 1189. Л. 33.

¹⁵ Такие севообороты вводились, в частности, в колхозах Курской области. См.: ГАОПИ-КО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2924. Л. 44.

дарства произошел очередной крутой поворот, изменивший всю систему землепользования в стране. Февральско-мартовский (1954 г.) пленум ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель», которое меняло вектор аграрной политики партии и непосредственно затрагивало колхозы и совхозы Центрального Черноземья. В постановлении пленума указывалось: задача увеличения производства зерна требует наряду с освоением целинных и залежных земель в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и Северного Кавказа значительного расширения посевных площадей в других районах страны «за счет распашки неиспользуемых земель, малопродуктивных лугов и пастбищ, расчистки кустарников, лесных зарослей и осушения болот» [3, с. 99].

Работа по претворению партийных решений в жизнь на местах началась незамедлительно. На пленуме Орловского обкома КПСС, состоявшемся 1–2 апреля 1954 г., в докладе первого секретаря обкома партии Ф.Р. Васильева содержались конкретные указания по изменению структуры посевных площадей в колхозах области (таблица). «Более полное освоение старопашотных земель» означало на практике ломку введенных севооборотов: во-первых, сокращалась площадь пашни, отведенной под чистые пары и многолетние травы, во-вторых, увеличивалась доля зерновых культур в структуре посевных площадей. Согласно уже введенным севооборотам, доля зерновых культур в структуре посевов должна была составить 50,4 % в год полного освоения севооборотов. Новые директивы предусматривали увеличение удельного веса посевов зерновых до 61,0 % и еще большее сокращение паров.

Таблица

Рекомендации по изменению структуры посевных площадей колхозов Орловской области на 1954–1956 гг., %

Культуры	На год освоения введенных севооборотов	1954 г.	На год освоения новых севооборотов
1. Зерновые	50,4	58,2	61,0
2. Технические	4,0	2,9	3,5
3. Картофель и овоще-бахчевые	3,8	3,0	6,8
4. Кормовые	28,1	9,7	15,9
5. Пары	13,7	26,2	12,8
Итого	100	100	100

Источник: ГАОО. Ф. П-52. Оп. 9. Д. 8. Л. 13–14.

Таким образом, новая аграрная политика советского государства предусматривала ломку земледельческой системы, которую пытались внедрить в колхозах все послевоенные годы.

Работа по введению и освоению севооборотов в колхозах осложнялась непрекращающимся процессом укрупнения колхозов. В 1954–1955 гг. в Орловской области в результате укрупнения 1026 колхозов их численность сократилась до 622, в Курской области вместо 960 колхозов стало 747¹⁶. Этот процесс продолжался и в последующие годы.

Работы по «совершенствованию» структуры посевных площадей в колхозах Центрального Черноземья в 1954–1956 гг. проводились с огромным размахом. Особый «окрас» ей придавала «кукурузная лихорадка». Посевы кукурузы расширялись с поразительной скоростью. За 3 года они увеличились в Белгородской области в 12 раз – с 17 тыс. га до 200 тыс., в Орловской – в 18 раз – с 8,9 тыс. га до 160 тыс., в Тамбовской – в 126 раз – с 1,3 тыс. га до 164 тыс. В Липецкой области прежде кукурузу совсем не выращивали. Но в результате административного нажима в 1954–57 гг. посевная площадь этой «чудо-культуры» в колхозах была доведена до 167 тыс. га¹⁷.

В директивах по VI пятилетнему плану развития народного хозяйства страны на 1956–1960 гг., в качестве одного из практических средств увеличения производства сельскохозяйственной продукции XX съезд КПСС обязал государственные органы пересмотреть правила ведения сельского хозяйства и внедрять рациональные севообороты. «Рационализация севооборотов» на практике означала расширение посевных площадей под кукурузу и сокращение чистых паров.

Партийно-государственные чиновники на местах стремились выполнить директиву центральной власти. В Воронежской области в 1956–1957 гг. площадь чистых паров сократилась с 465 тыс. га до 308,2 тыс. га, или на 156,8 тыс. га, главным образом для расширения посевов кукурузы. При этом удельный вес чистых паров в структуре пахотных земель снизился с 20,8 до 13,8 %¹⁸.

---

¹⁶ ГАОО. Ф. П–52. Оп. 58. Д. 2. Л. 35; ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2715. Л. 3.

¹⁷ Государственный архив новейшей истории Белгородской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 14; ГАОО. Ф. Р-1200. Оп. 1. Д. 2045. Л. 146; ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 10950. Л. 98; Государственный архив новейшей истории Липецкой области (ГАНИЛО). Ф. 34. Оп. 4. Д. 2. Л. 32.

¹⁸ ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 33. Д. 3. Л. 18–19.

Проблема культурного землепользования в колхозах Центрального Черноземья в 1950-е гг. оказалась неразрешимой. Череда непрерывных укрупнений колхозов привела к тому, что во многих колхозах, в результате механического слияния хозяйств, образовалось по 20–25 (!) севооборотов. Так, в колхозе имени Ворошилова Хомутовского района Курской области в 1956 г. числилось 3 полевых севооборота, 3 кормовых, 3 конопляно-овощных, 2 орошаемых (хотя орошения никогда не было), 2 прифермских¹⁹.

Нарушение введенных севооборотов началось с первых дней их освоения ввиду резкого несоответствия между государственными плановыми заданиями и принятыми схемами севооборота. Огромный ущерб сельскому хозяйству страны нанесла борьба против травополья. «В каком-то выступлении Н.С. Хрущев в присущей ему резкой форме сказал о том, что не травы надо сеять, а выращивать на этих площадях зерно, – вспоминает бывший председатель колхоза П.А. Вислогузov. – И покатило до самых низов. Подхватила наука, а вернее сказать – не наука, а карьеристы от науки. <...> И возникло страшное ругательство – травопольщик!» [1, с. 164–165].

Ошибочная ориентация на использование кукурузы, как предшественника озимых, также способствовала нарушению принятого чередования культур. Вследствие позднего созревания кукурузы, посев озимых по этому предшественнику становился невозможным, и озимые колхозам приходилось срочно размещать в других полях севооборота.

«В результате воздействия всех этих причин, – докладывал секретарю Курского обкома КПСС Л.Н. Ефремову в феврале 1957 г. заместитель начальника областного управления сельского хозяйства В. Золотарев, – севообороты в большинстве колхозов нарушены, землепользование запутано, во многих колхозах зерновые культуры 2–3 года подряд высеваются по зерновым, что приводит к недобору урожая»²⁰.

Власти на местах вконец были запутаны чередой партийно-правительственных указаний, которые нередко приводили к полному абсурду. Яркий тому пример – инициатива управления сельского хозяйства Курской области, которое внесло предложение в обком партии – обеспечить в течение 1957–1958 гг. переход колхозов на

---

¹⁹ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2715. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 45.

новые схемы севооборотов (выделено мною. – В.Т.) без проведения новой кампании по землеустройству. В основу работы рекомендовалось положить *схемы севооборотов, введенные еще в 1951–1953 гг.* (выделено мною. – В.Т.)²¹. Такое предложение фактически означало признание ошибочности правительственного курса по изменению структуры севооборотов в колхозах в 1954–1956 гг.

В середине 1950-х гг. севообороты в колхозах Центрального Черноземья оказались настолько запутанными, что они не соответствовали никаким агротехническим рекомендациям. О сути проблемы и ее значимости очень точно высказался на областной конференции орловских коммунистов 1958 г. один из самых авторитетных руководителей сельского хозяйства области, Герой Социалистического труда, председатель колхоза «Путь к рассвету» Кромского района Н.Е. Лежепеков: «Если мы имеем низкий урожай зерновых культур, то, следовательно, мы получим и низкий урожай кормовых культур. Все это происходит из-за неправильного ведения земледелия. 20 лет, как я помню, мы все время говорим о введении севооборотов, но ведь говорим мы только зимой. <...> Само планирование доводится до колхозов тогда, когда они начинают сеять»²².

Понимание, что низкий уровень агрокультуры тормозит развитие сельскохозяйственного производства конца 1950-х гг. со стороны партийно-хозяйственного руководства на местах было. В 1958 г. совхоз «Петровский» Добринского района Липецкой области собрал очень высокий по меркам тех лет урожай зерновых – 22 ц «на круг». На пленуме обкома партии 9 декабря 1958 г. этот успех оказался в центре внимания. Начальник областного управления сельского хозяйства М.П. Калганов проанализировал слагаемые высокой урожайности указанного хозяйства и отметил «возросшую культуру земледелия». В совхозе «Петровский» была полностью ликвидирована весновспашка, ежегодно поднимались чистые и черные пары, своевременно вносились удобрения, посев производился «хорошими семенами». В связи с этим было сформулировано предложение: «в предстоящей семилетке в каждом колхозе и совхозе ввести правильные севообороты, как важнейшей составной части системы ведения хозяйства, определяющей направленное и рациональное сочетание отраслей производства, а также обеспечить правильную си-

---

²¹ Там же. Д. 2924. Л. 45.

²² Там же. Д. 8. Л. 100.

стему обработки почвы, посев сельскохозяйственных культур сортовыми семенами»²³.

Следует обратить внимание на тот факт, что, во-первых, введение правильных севооборотов в колхозах и совхозах Липецкой области «в предстоящей семилетке» выдвигалась как актуальнейшая и главнейшая задача и, во-вторых, в передовом хозяйстве была хорошо отработана паровая система земледелия.

Порядок в землепользовании колхозов Липецкой области практически отсутствовал. На заседаниях бюро обкома КПСС неоднократно обсуждались вопросы сельскохозяйственного производства. Картина открывалась печальная. «Во многих колхозах, – отмечалось в подготовительных материалах заседания бюро обкома партии от 14 июля 1959 г., – вспашка ведется беспланово, только перед началом пахоты проводится размещение культур. В результате незнания с осени, где будут размещаться сахарная свекла, кукуруза, яровая пшеница, поля под эти культуры пахуются мелко, а часто остаются невспаханными». Такие факты имелись в прошлом 1958 г. в ряде колхозов Лебедянского, Лев-Толстовского и других районов²⁴. На начало 1959 г. только в 143 липецких колхозах были введены севообороты, а освоены – всего лишь в 33²⁵.

Партийно-государственная бюрократическая машина работала на полных оборотах. И решения принимались, вроде, как правильные. В постановлении бюро липецкого обкома КПСС содержится указание по разработке в каждом колхозе и совхозе графика проведения осеннего сева с расчетом, чтобы «рожь была посеяна в сроки с 15 по 25 августа, а озимая пшеница – с 20 по 30 августа». Не допускать посев некондиционными семенами, несортowymi и непроверенными в контрольно-семенных лабораториях. Давались установки по нормам высева семян: обеспечить высев на гектар ржи 5500 тыс. всхожих семян, или не менее 185 кг, озимой пшеницы – 6000–6500 тыс. зерен, или не менее 200 кг первого и второго класса посевного стандарта. И даже было указание по глубине сева озимых зерновых культур: семена ржи должны были заделывать на глубину 4–6 см, а озимой пшеницы – на 7–8 см²⁶.

---

²³ ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 9. Д. 3. Л. 101.

²⁴ Там же. Л. 36.

²⁵ Там же. Л. 90.

²⁶ Там же. Оп. 10. Д. 90. Л. 44–45.

Через год – все те же «рассуждения о главном». «Основная причина низких урожаев заключается в том, – отмечал в докладе на Липецкой областной конференции КПСС 27 января 1960 г. первый секретарь обкома партии К.П. Жуков, – что мы еще не навели еще должного порядка в земледелии. Во многих колхозах нарушаются основные правила агротехники, плохо обрабатывается почва, не ведется постоянная борьба с сорняками, сроки проведения сельскохозяйственных работ растянуты, не уделяется должного внимания использованию местных удобрений и семеноводству»²⁷. Приведенное высказывание руководителя крупного земледельческого региона при определенных обстоятельствах могло бы стать основой для разработки и реализации действенной программой развития производственной сферы деревни. Но это если по здравому смыслу. А этот смысл необходимо было соотносить с аграрной политикой партии и правительства. Отсюда причудливые установки по раскрытию резервов роста.

Во-первых, предлагалось использовать 80–100 тыс. га чистых паров под посев кукурузы и подсолнечника на силос и вико-овсяной смеси в надежде получить 1,5 млн ц кормовых единиц и произвести на их основе 12–15 тыс. т мяса. Во-вторых, это пересмотр структуры посевных площадей, «улучшение ее» путем расширения на 25–30 % посева кукурузы на зерно²⁸.

К концу 1950-х гг. становился очевидным провал программы освоения целинных земель, в связи с ростом городского населения резко выросла потребность страны в продуктах питания, из государственных закромов были выбраны все «неприкосновенные запасы» продовольственного зерна. Хрущевское правительство ищет новые «спасительные меры» по развитию сельского хозяйства. В качестве таковой избирается борьба против травопольной системы земледелия. Ее суть заключалась в том, чтобы из полей севооборота исключить однолетние и многолетние травы, чистые пары. Освободившиеся таким образом поля севооборота следовало занять зерновыми культурами. 8 февраля 1962 г. вышло совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О признании утратившими силу решений ЦК КПСС и

---

²⁷ Там же. Оп. 11. Д. 160. Л. 23.

²⁸ Там же. Л. 29–30.

Совета Министров СССР, предусматривающих внедрение травопольной системы земледелия»²⁹.

Так был дан старт новой кампании в области сельского хозяйства. О ее характере и масштабах дает представление записка Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС от 10 ноября 1962 г. «О подведении итогов 1962 г. и увеличении производства и закупок зерна». В ней, в частности, говорилось о том, что в 1961 г. в стране под многолетними и однолетними травами было занято 36,1 млн га, под овсом – 11,5 млн и под чистыми парами – 16,1 млн га, «а всего, таким образом, бесхозно, малопродуктивно» использовалось 63,7 млн га, или 29 % всей пашни. Конечно же, лидер партии искренне хотел более рачительного отношения к земле как главному богатству государства. Он сетовал на нераспорядительность региональной бюрократии, потому что в 1962 г. не вся площадь многолетних трав и паров была занята зерновыми и техническими культурами. Под травами еще оставалось 28 млн га и под чистыми парами 9 млн, а всего 37 млн га. Если примерно 20 млн га трав и паров занять зерновыми культурами и получить урожай по 10 ц/гектара, рассуждал Н.С. Хрущев, то это будет 200 млн ц, или 1 млрд 200 млн пудов дополнительного хлеба. «Это только при урожае в 10 центнеров. Мы же получаем урожай в значительной части районов гораздо больший. <...> Многие колхозы и совхозы снимают урожай свыше 12 центнеров зерна с гектара» [4, с. 304–305].

С весны 1962 г. закипела работа по выполнению директив партии и правительства. Спустя полгода (4 июня 1962 г.) на пленуме липецкого обкома партии подводились ее первые итоги. Первый секретарь обкома партии С.Т. Пузиков докладывал о результатах работы, проведенной за несколько месяцев по изменению системы земледелия: «В области значительно улучшена структура посевных площадей, ликвидированы чистые пары <...> Среди яровых культур ведущее место принадлежит ячменю, которым занято 336 тыс. га или на 130 тыс. га больше, чем в прошлом году, в два раза против прошлогоднего расширены площади под горохом, бобов посеяно больше на 2 тыс. га. Площади под

---

²⁹ Таким образом, было аннулировано 133 партийно-правительственных решения по травопольной системе земледелия, принятых в период 1934–1954 гг. // СП СССР. 1962. № 3. Ст. 24.

крупяные культуры расширены на 22 тыс. га. <...> Однолетние травы. План их сева был установлен 81,6 тыс. га против 169 тыс. га в прошлом году»³⁰. Итак, в 1962 г. в колхозах и совхозах Липецкой области были ликвидированы чистые пары. А ведь годом ранее они занимали 263 тыс. га или почти пятую часть пашни³¹.

Аграрная политика Н.С. Хрущева «буксовала», в стране остро не хватало продовольственного зерна. Главный «рулевой» дал команду на новый крутой поворот. В 1962 г. произошло полное разрушение структуры прежних севооборотов, из которых изымалось 3–4 поля, ранее отводившиеся под травы и чистые пары. «Агрономические» новации партийно-государственной бюрократии встретили скрытое недовольство и сопротивление в колхозах, там еще пытались, если не сохранить травополье, то хотя бы минимизировать ущерб от принятых решений. И не без успеха. Об этом открыто говорилось в докладе К.П. Пузикова на пленуме липецкого обкома КПСС. «В год сева (1962 г. – *В.Т.*) с руководителями управлений, районными работниками было обусловлено еще сократить площади под однолетние травы и оставить их всего по области 47 тыс. га, остальные перевести в зерновую группу. Однако, некоторые недобросовестные, нечестные работники решили по-своему – оставить на прежнем уровне площади под однолетними травами»³².

Изменения аграрной политики обусловили ликвидацию в системе земледелия страны такой важный элемент севооборота как чистые (или черные) пары. Обоснование подобного мероприятия выглядит на первый взгляд убедительно: пахотные земли не должны пустовать, при хорошей обработке они должны ежегодно засеиваться и приносить урожай. Однако, как показал дальнейший практический опыт, в большинстве земледельческих районов страны без пара не обойтись.

Таким образом, на протяжении почти 20-летнего послевоенного периода вопросы рационального землеустройства, введения и освоения правильных севооборотов в колхозах и совхозах страны решены не были. Всякий раз, когда случался «крутой поворот» аграрной политики советского государства, пересмотру

---

³⁰ ГАНИЛЮ. Ф. 34. Оп. 13. Д. 7. Л. 5–6.

³¹ Там же. Оп. 11. Д. 52. Л. 8–9.

³² Там же. Оп. 13. Д. 7. Л. 6.

подвергалась практика землепользования: укрупнялись хозяйства, пересматривалась структура посевных площадей, менялись севообороты и т.д. В результате культура землепользования находилась на низком уровне, что отрицательно сказывалось на урожайности зерновых культур и эффективности колхозного производства.

Литература

1. *Вислогузов П.А.* Точка опоры: воспоминания председателя колхоза и директора совхоза-техникума. Воронеж, 2002.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. 1917–1967 гг.: сб. документов. М., 1968. Т. 3.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. 1917–1967 гг.: сб. документов. М., 1968. Т. 4.
4. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 7.

Целинная кампания 1950–1960-х гг.: современный научный дискурс

Анализируются вопросы историографии истории освоения целинных земель в СССР. Автор делает вывод о том, что освоение целины не остановило интенсификацию сельского хозяйства, а подготовило условия для поворота к ней на практике, подкрепив созданием мощной зерновой базы в стране.

Ключевые слова: сельское хозяйство; освоение целины; интенсификация; историография; СССР.

За десятилетия, прошедшие после начала целинной кампании, сформировалась обширная историография, накопившая значительный объем эмпирического материала, интересные наблюдения, обобщения, оценки. Конечно, не все выводы и оценки прошлых лет выдержали проверку временем, однако накопленные прежде знания стали основой для дальнейшего поступательного развития аграрно-исторической науки. Вот почему осмысление историографии освоения целины представляет несомненную актуальность. Это тем более важно, что в исторической литературе до настоящего времени сохраняются противоречивые и неоднозначные оценки по широкому кругу вопросов целинной кампании.

В настоящей статье мы остановимся на двух дискуссионных вопросах: а) был ли курс на освоение целины обусловлен потребностями развития сельского хозяйства, интересами государства или выбор predetermined субъективизм тогдашнего политического руководства; б) как освоение целинных земель повлияло на интенсификацию сельского хозяйства СССР/России?

В литературе всегда отмечался переломный характер решений сентябрьского (1953 г) пленума ЦК КПСС в аграрной политике и в развитии сельского хозяйства страны. Автор разделяет данную точку зрения. Не менее широко в литературе представлен и тезис о том, что программа освоения целины противоречила решениям сентябрьского пленума в части интенсификации производства, означала в той или иной степени пересмотр курса пленума на интенсифи-

---

¹ Наухацкий Виталий Васильевич, доктор исторических наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), naukhatskiy@rambler.ru, Россия, г. Ростов-на-Дону.

кацию сельскохозяйственного производства [15, с. 40–41; 1, с. 111–115; 7, с. 88; 2, с. 118–119; 16, с. 124, 129]. Данный тезис в свое время отстаивал В.М. Молотов [13, с. 83–84]. Однако насколько справедливы такие утверждения?

Во-первых, есть все основания утверждать, что освоение целины не означало на практике отказа от интенсификации сельского хозяйства. В научной литературе еще в 1960-е гг. были представлены расчеты, согласно которым рост сельскохозяйственного производства в стране в период освоения целинных и залежных земель обеспечивался за счет сочетания экстенсивных и интенсивных факторов.

Весьма обстоятельный анализ этого вопроса содержится в работах экономиста П.А. Игнатовского. Как отмечает автор, «в 1964 г. на полях страны было собрано 152,1 млн т зерна, или на 70,9 млн т больше, чем в 1950 г. Из них за счет расширения посевных площадей получено 24 млн т, или 33,8 %, а за счет роста урожайности – 46,9 млн т, или 66,2 %. Данный анализ показывает, что рост валового производства зерна был достигнут путем сочетания повышения урожайности зерновых культур и расширения посевных площадей. Важно подчеркнуть еще и другое обстоятельство. Расширение пахотного клина, а, следовательно, и посевных площадей, происходило главным образом в Казахстане, республиках Средней Азии, в Сибири, Поволжье, на Алтае. В районах же сплошных старопашотных земель Украины, Северного Кавказа, Молдавии, Нижней Волги и Черноземного Центра развитие зернового производства шло вглубь, путем подъема урожайности. <...> В послевоенное время сельское хозяйство в нашей стране развивалось как вглубь, так и вширь. Но даже в годы наибольшей распашки целинных земель валовая продукция сельского хозяйства росла преимущественно за счет повышения урожайности полей и продуктивности животных» [9, с. 32–33]. Таким образом земледелие в 1950-х – первой половине 1960-х гг. развивалось на основе сочетания экстенсивных и интенсивных методов.

По словам П.А. Игнатовского, «до 1958 г. молочное производство в колхозах и совхозах развивалось путем расширения стада и повышения продуктивности коров. По сравнению с 1950 г. средний годовой удой молока от одной коровы в колхозах и совхозах повысился в 1958 г. на 75,3 %, а в колхозах еще больше. Однако, начиная с 1960 г., средний удой пошел на убыль и снизился в 1963 г.

по сравнению с 1958 г. на 410 кг, или на 20,6 %. <...> За 5 лет [1953–1958 гг.] валовое производство молока увеличилось на 61%, из них 33% – за счет роста количества поголовья и 28% – за счет высшей продуктивности коров. Впоследствии это соотношение изменилось, так как продуктивность скота после 1959 г. снизилась. Валовое производство мяса росло, в основном, за счет одного источника – расширения стада» [9, с. 74–75].

Точку зрения П.А. Игнатовского разделяли В.П. Данилов [4, с. 10–40], В.С. Долгов [6, с. 30] и др. В 1988 г. Ю.П. Денисов в полемике с И.В. Русиновым подверг сомнению утверждение автора о том, что развитие земледелия Н.С. Хрущев направил по экстенсивному пути [5, с. 62–67].

В многочисленных публикациях 1960–1980-х гг. убедительно отмечалось, что к концу 1950-х гг. в колхозах и совхозах значительно повысился уровень механизации основных сельскохозяйственных работ, развивались процессы интенсификации производства [17, с. 303–307]. При всех проблемах в укреплении материально-технической базы колхозов и совхозов, отмечавшихся в советской исторической и экономической литературе, сдвиг в лучшую сторону в технической оснащенности сельскохозяйственного производства в 1950-е гг. был повсеместным.

Таким образом, отказа на практике от интенсификации сельского хозяйства не было. Имело место сочетание интенсивных и экстенсивных методов. Впрочем, о необходимости сочетания этих методов речь шла и на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС. Что касается традиционных земледельческих районов, то имевшее место на протяжении ряда лет перераспределение ресурсов в пользу целинных районов ограничило возможности освоения интенсивных методов на старопашотных землях, но не отменило их вовсе.

Конечно, сам по себе подъем целинных и залежных земель – это, безусловно, экстенсивный метод развития сельского хозяйства, однако следует подчеркнуть, что освоение целинных земель – это не только экстенсивное расширение посевных площадей, но и освоение (по нарастающей) интенсивных технологий (севообороты, технологии вспашки, современная техника, районирование сортов растений, освоение адаптированных к местным условиям технологий, селекция и т.д.), о чем писала литература еще периода освоения целины. Правда, освоение интенсивных методов на целине сдержива-

лось, прежде всего, по той причине, что ее масштабы превысили научно необоснованные масштабы.

О процессах интенсификации сельского хозяйства в целинных районах говорится и в современной литературе. Как отмечал известный экономист-аграрник, академик А.А. Шутьков, «особое внимание было обращено на укрепление материально-технической базы вновь созданных хозяйств и ее модернизацию, разработку и освоение производства качественно новой техники с учетом особенностей земледелия восточных регионов. Была организована сеть конструкторских бюро и машиноиспытательных станций. За 1950–1965 гг. число тракторов в стране увеличилось в 2,5 раза, зерновых комбайнов – в 1,8 раза» [19, с. 5–6]. Эти и им подобные факты свидетельствовали об усилении внимания к освоению интенсивных технологий на целине.

Более того, А.А. Шутьков делает два, на первый взгляд, парадоксальных вывода. Первый: «Распашка целины в столь короткие сроки позволила не только быстро и значительно увеличить производство зерна в нашей стране, но и избежать длительного периода экстенсивного развития земледелия в осваиваемых районах». Очевидно, имеется в виду тот факт, что если бы целина распаивалась медленно и не имела бы достаточных ресурсов, то такой метод освоения целины затянул бы период ее экстенсивного развития. На наш взгляд, этот тезис заслуживает внимания. Второй: «Восстановление сельского хозяйства страны после Великой Отечественной войны, начавшееся фактически с освоения целинных и залежных земель, по праву можно считать масштабной интенсификацией отрасли» [19, с. 9]. Почему? Прежде всего, потому, что в сельское хозяйство вследствие послевоенного восстановления промышленности и определенного роста капиталовложений в аграрный сектор стали нарастать поставки сельскохозяйственной техники, машин, оборудования. Кроме того, произошли некоторые позитивные перемены в условиях хозяйствования на селе, в подготовке кадров для сельскохозяйственного производства. Машинизация, тракторизация (в терминологии тех лет) – это и есть условие, и отражение процессов интенсификации сельского хозяйства.

Итак, интенсификация сельского хозяйства не останавливалась из-за целины. Более того, целина ускорила интенсификацию, а не затормозила ее. Подчеркнем, что именно в годы освоения целины

активизировалась работа по развитию отраслей сельхозмашиностроения, химии и др., что было непосредственно связано с курсом на интенсификацию сельского хозяйства. Если восстановление сельского хозяйства в первые послевоенные годы происходило в условиях фактически разрушенной индустриальной базы сельского хозяйства, на основе по сути доиндустриальных методов с абсолютным преобладанием ручного труда и мускульной силы животных, то в период освоения целины впервые после войны началось массовое производство и применение сельскохозяйственной техники, машин. Это и была по существу политика интенсификации сельскохозяйственного производства, проводимая в условиях освоения целинных земель.

Во-вторых, как известно, на рубеже 1950–1960-х гг. в развитии сельского хозяйства проявились трудности, связанные с просчетами в освоении целинных земель, с рядом волонтаристских решений Н.С. Хрущева в области аграрной политики. В этих условиях, когда основной массив целинных земель был уже распахан, в аграрной политике актуализируется проблема интенсификации сельского хозяйства.

Н.С. Хрущев в 1962–1964 гг. начал разворот от экстенсивных методов к интенсивным. Декабрьский (1963 г) пленум ЦК КПСС рассмотрел вопрос об ускоренном развитии химической промышленности как важнейшем условии подъема сельского хозяйства. Февральский (1964 г) пленум ЦК КПСС рассмотрел вопрос «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрейшего производства сельскохозяйственной продукции». В постановлении пленума было определено, что интенсификация – генеральное направление в подъеме сельского хозяйства. Она предусматривала развитие отрасли по трем главным направлениям: широкая химизация земледелия и животноводства, всемерное развитие орошаемого земледелия, а также мелиорация заболоченных земель, внедрение комплексной механизации в сочетании с электрификацией производства.

Нетрудно заметить, что на пленуме 1964 г. речь идет о программе интенсификации сельского хозяйства, правда, окончательно разработанной уже после отставки Н.С. Хрущева, тогда как в сен-

тябре 1953 г. озвучивались лишь отдельные тезисы. Декларация о намерениях и программа – вот в чем принципиальная разница между решениями 1953 и 1964-1965 гг. Потребовалось 10 бурных лет и неоднозначных решений в области сельского хозяйства, чтобы осознать, что его перевод на рельсы интенсификации назрел и должен быть переведен в плоскость приоритетной практической политики.

В связи со сказанным представляется обоснованной точка зрения тех историков, которые отмечают, что именно целинная кампания показала ограниченность и исчерпание экстенсивных методов в развитии сельского хозяйства страны к середине 1960-х гг. По мнению И.Е. Зеленина, «в начале 1960-х гг. фактор освоения новых земель, расширения посевных площадей в СССР был исчерпан, дальнейшее развитие сельского хозяйства страны – и это понял Хрущев – могло осуществляться только на основе интенсификации производства» [7, с. 240].

По справедливому замечанию В.А. Ильиных, «противоречивые результаты "целинной эпопеи" наглядно показали, что экстенсивные методы ведения аграрного производства себя исчерпали. В связи с этим мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС принял курс на интенсификацию сельского хозяйства» [10, с. 239].

Из приведенных оценочных обобщений И.Е. Зеленина, В.А. Ильиных следует, что до начала целинной эпопеи и в первые годы её реализации экстенсивные методы в сельском хозяйстве не были исчерпаны, сохраняли определенный потенциал для развития отрасли. Именно освоение целины показало, что экстенсивные методы исчерпаны, что актуализировало перевод сельского хозяйства на интенсивные рельсы.

Таким образом, с одной стороны, реализация программы освоения целины, на наш взгляд, наглядно показала необходимость практического перехода к интенсификации сельского хозяйства. До целинной кампании данная идея не была очевидной для партийно-государственного руководства, хотя нередко декларировалась и в определенной мере реализовывалась на практике. С другой стороны, если экстенсивные методы были исчерпаны только к середине 1960-х гг., то, следовательно, в 1954 г. экстенсивные методы еще не были исчерпаны, что, собственно, и показало существенное увеличение производства зерна в стране в ходе освоения целинных земель. Не использовать очевидный и по преимуществу экстенсивный

источник пополнения продовольственных ресурсов в условиях ограниченности финансовых и иных возможностей государства, остроты хлебной проблемы в стране было бы столь же нелогичным, сколь и недальновидным. Из сказанного можно заключить, что курс на освоение целинных и залежных земель был обусловлен конкретно-историческими обстоятельствами середины 1950-х гг., но осуществлялся со значительной долей волюнтаризма, начальственного произвола.

В-третьих, утверждая, что освоение целины было отходом от решений сентябрьского (1953 г) пленума ЦК КПСС, авторы тем самым предполагают, что курс 1953 г. на интенсификацию производства был научно обоснованным, а курс Н.С. Хрущева на освоение целины был отступлением от этого правильного курса. Однако поставим вопрос иначе: а кто, собственно говоря, доказал, что провозглашенная на сентябрьском пленуме задача перевода сельского хозяйства на рельсы интенсификации – научно обоснованная программа, а не простая декларация? Не имеем ли мы здесь дело с нередким, увы, в деятельности правящей партии благим пожеланием, с маниловскими мечтаниями? В материалах пленума встречаются лишь отдельные пожелания о необходимости интенсификации сельского хозяйства. Никакой программы реформирования сельского хозяйства на основе интенсификации в 1953 г. на пленуме ЦК КПСС представлено не было.

Подчеркнем, что в решениях сентябрьского (1953 г) пленума не было зафиксировано четко выраженного курса на интенсификацию производства (да и слово такое не использовалось). В постановлении пленума говорилось о повышении урожайности зерновых, росте продуктивности животноводства, о расширении производства для села техники, оборудования, строительных материалов и т.д., но одновременно говорилось и о росте поголовья скота, в том числе коров, расширении посевных площадей многолетних и однолетних трав, кукурузы и подсолнечника на силос и т.д. Приоритет курса на интенсификацию сельскохозяйственного производства не акцентировался. Тезисы сентябрьского (1953 г) пленума ЦК КПСС об интенсификации сельского хозяйства представляются правильными лишь с точки зрения будущей стратегии, но не как реальная текущая практика. Кроме того, в постановлении пленума содержались явно нереальные, прожектерские заявления: обеспечить крутой подъем

всех отраслей сельского хозяйства и в течение двух-трех лет резко повысить обеспеченность всего населения страны продовольственными товарами; осуществить в ближайшие два-три года комплексную механизацию всех отраслей совхозного производства.

В середине 1950-х гг. перевод сельского хозяйства на интенсивные рельсы не мог быть и не был реальной альтернативой курсу на освоение целины – по той причине, что в стране еще не до конца завершился послевоенный восстановительный процесс в сельском хозяйстве, не имелось сколько-нибудь развитой структуры АПК, а проблемы в сфере продовольственного обеспечения требовали принятия неотложных решений, которые могли бы в кратчайшие сроки снять остроту социального напряжения в обществе. Хлеб нужен был сегодня, а перевод сельского хозяйства на интенсивные рельсы, который только и может обеспечить устойчивость аграрного развития, – это путь, рассчитанный на длительную перспективу. Весь опыт последующих десятилетий убедительно свидетельствует о колоссальной трудности и длительности процесса перевода сельского хозяйства на интенсивные рельсы.

В связи со сказанным (иллюзорность курса на масштабную интенсификацию) обратим внимание на два обстоятельства. Прежде всего, речь идет о состоянии села и сельского хозяйства к 1953 г. Положение в сельском хозяйстве было критически тяжелым и представлялось хронически безнадежным. В качестве характерного примера отметим положение дел в сельском хозяйстве Ростовской области, длительное время оккупированной в годы войны. В материалах VII пленума Ростовского обкома КПСС (22–24 сентября 1953 г.) приводятся многочисленные данные не только о кризисном положении в сельском хозяйстве области, но и о незавершенности послевоенных восстановительных процессов в деревне [14, с.215-217].

Аналогичные факты можно привести и по другим регионам России. В качестве показательного примера сошлемся на монографию М.Л. Богденко, в которой речь идет, в частности, о преобразовании экономически слабых и не восстановленных (!) к 1954 г. колхозах Ленинградской, Новгородской, Смоленской и Калужской областей [3, с. 144-150].

Таким образом, даже сугубо восстановительные процессы к 1953–1954 гг. не были завершены в полной мере в оккупированных в период войны районах. Спустя 10 лет после освобождения регио-

нов страны от немецко-фашистской оккупации сотни и даже тысячи колхозов (и деревень) не были восстановлены, уровень и масштабы производства в хозяйствах не достигли довоенных показателей, а повседневная жизнь крестьянства была каждодневной борьбой за выживание. В этих условиях нужно было, наконец, элементарно восстановить деревню, более-менее накормить народ, а потом решать вопросы увеличения производства продовольствия за счет интенсивных факторов. Очевидно, именно поэтому вопросы интенсификации сельского хозяйства в партийных документах декларируются, но не ставятся как приоритетная задача. Это задача «второго дня», и начала она решаться, когда, во-первых, экстенсивные методы в результате освоения целины оказались фактически исчерпаны; во-вторых, ситуация в экономике существенно изменилась, что было связано, прежде всего, с восстановлением разрушенного сельского хозяйства и решением ряда острейших организационных и хозяйственных проблем в аграрном секторе. Как свидетельствуют данные по Ростовской области, произошло это только в середине – второй половине 1950-х гг. Перевести сельское хозяйство на интенсивные рельсы, не завершив восстановительных процессов, не представлялось возможным.

Зададимся вопросом: имелась ли финансовая, техническая, технологическая, кадровая, научная (с точки зрения состояния аграрной науки) и иная возможность перейти на путь интенсификации сельского хозяйства СССР/России в середине 1950-х гг.? Если мы признаем, что таковых возможностей у страны не было, то курс сентябрьского (1953 г) пленума ЦК КПСС в части интенсификации сельскохозяйственного производства следует считать лишь благим пожеланием.

В середине 1950-х гг., когда в стране еще не было современной базы по производству минеральных удобрений, не было заводских мощностей по производству специализированной техники и оборудования для интенсификации производства продукции растениеводства и тем более животноводства; когда в большинстве хозяйств в животноводстве абсолютно преобладал ручной труд и присутствовали лишь фрагменты механизации некоторых производственных процессов, отсутствовали в сколько-нибудь достаточном количестве техника и специалисты для проведения мелиорации, как отсутствовали и специализированные организации (ведомства) по

мелиорации; когда в огромном числе регионов страны не были освоены сколько-нибудь современные севообороты, и ощущалась острая нехватка агрономов, инженеров, ветеринаров, зоотехников, экономистов, технологов и др.; когда остро не хватало средств защиты растений и были недостаточно развиты специализированные научные и опытно-экспериментальные учреждения и организации в области селекции, семеноводства, генетики; когда в огромном числе колхозов и сельских населенных пунктах не было электричества, отсутствовали дороги с твердым покрытием, элеваторы и т.д.; когда почти отсутствовали холодильные установки в хозяйствах, ощущалась нехватка грузовых автомобилей, тракторов и зерноуборочных комбайнов; когда огромная часть сельского населения имела лишь начальное образование, – в этих условиях принятие курса на приоритетное освоение интенсивных технологий развития сельского хозяйства следует признать абсолютно малореальным делом, если не сказать – авантюрой.

Без создания соответствующих предпосылок ставить в практическую плоскость перевод сельского хозяйства на интенсивные рельсы – значит заниматься прожектерством не в меньшей, а, на наш взгляд, даже в большей мере, чем строить грандиозные и явно завышенные планы освоения целины. При всех проблемах и невыполненных обязательствах целину все же подняли, производство продукции нарастили, а перевод сельского хозяйства на интенсивные рельсы не завершили и к началу 1990-х гг.

Вот почему представляется обоснованным вывод Л.Н. Мазур о том, что «для реализации задач интенсификации необходимы объективные предпосылки, связанные с созданием определенной материально-технической базы и значительными капиталовложениями в сельскохозяйственную отрасль. Для реализации задач механизации, химизации сельского хозяйства, внедрения новых технологий необходимо было решить целый комплекс проблем на общегосударственном уровне – это развитие химических отраслей, машиностроения, энергетики, расширение научных исследований в области сельского хозяйства. Эти предпосылки в целом складываются в 1950-е гг., что и позволило приступить к комплексной интенсификации сельского хозяйства в 1960-е гг.». И далее: «С 1964 г. лозунг интенсификации стал своего рода знаменем аграрной политики, и это закономерно. Реализация мер по интенсификации была неиз-

бежной, в условиях формирования индустриального общества миновать этот путь было нельзя. В 1960-е гг. складываются необходимые предпосылки для перехода на интенсивные формы хозяйствования, и впервые появляется объективная возможность их реализовать» [11, с. 505].

Интересные суждения по вопросу о предпосылках, условиях и возможностях интенсификации сельского хозяйства в 1950-е гг. содержатся в работах В.А. Шестакова, по справедливому мнению, которого «по существу, освоение целины явилось критическим поворотом в развитии советского сельского хозяйства, переходом от изъятия средств из сельского хозяйства к вливанию их в него из государственного бюджета. Поворот к целине, в целом назревший и оправданный, означал не столько отказ от интенсивных методов ведения сельского хозяйства и усиление административных мер, сколько стратегический поворот в области бюджетной политики советского государства. Возрастающий поток материальных и финансовых ресурсов устремился на село. За 1954-1959 гг. в освоение целины было вложено 37,4 млрд руб. <...> В свете вышесказанного неосновательны упреки в адрес Хрущева в том, что, осваивая целинные земли, он обрек страну на экстенсивное хозяйствование. Выбор в пользу целины был сделан не столько в силу желания осваивать новые земли, сколько из-за невозможности в тех условиях хозяйствовать по-новому» [18, с. 116].

В-четвертых, как показывает исторический опыт, реализация курса на интенсификацию сельскохозяйственного производства требует длительного времени, которого не было при сохранении хронических продовольственных трудностей в стране. Первые реальные и серьезные достижения в интенсификации обозначились только после 1965 г. Опыт аграрной политики Л.И. Брежнева свидетельствует, что перевод сельского хозяйства на интенсивные рельсы оказался делом чрезвычайно трудным и долгим. Что же тогда говорить о временах Н.С. Хрущева? Где гарантии, что курс на интенсификацию мог быть успешным во второй половине 1950-х гг.? Дело не в том, что целина отвлекла ресурсы от реализации курса на интенсификацию. Как показал опыт второй половины 1960-х – 1980-х гг., решить проблему интенсификации не удалось и при существенном росте капиталовложений в аграрный сектор и смежные с ним отрасли. Даже изменений в хозяйственном механизме в ходе реформы 1965 г. и позже

оказалось недостаточно для успешной интенсификации, хотя успехи на этом пути были достигнуты немалые [12].

Как уже отмечалось, перевод сельского хозяйства на интенсивные рельсы возможен исключительно в рамках формирования АПК. Только курс на формирование АПК создавал перспективу для интенсификации. Такой перспективы в 1950-е гг. при отсутствии АПК не было. Между тем, проблема обеспечения страны зерном в середине 1950-х гг. была действительно острой, и решать ее нужно было в кратчайшие сроки.

Как справедливо отмечает Е.Ю. Зубкова, «в решениях 1953 г. по сельскому хозяйству было и весьма серьезное упущение: они, по существу обошли зерновую проблему» [8, с. 306–307]. Таким образом, получается, что постановка на сентябрьском пленуме вопроса об интенсификации сельского хозяйства проходила без учета принципиально важного обстоятельства – остроты хлебной проблемы. Если зерновая проблема приобрела чрезвычайный характер, то она должна быть решена в приоритетном порядке и в кратчайшие сроки. Вопрос интенсификации в этих условиях неизбежно должен быть отойти на второй план. Социальный императив той эпохи был вполне определенным: нельзя откладывать на будущее решение проблемы продовольственного обеспечения населения. Заслуга Н.С. Хрущева именно в том, что решение острейшей продовольственной проблемы, затрагивающей интересы миллионов людей, он поставил на первый план.

Таким образом, можно достаточно обоснованно заключить, что широко распространенный в исторической литературе тезис о том, что сентябрьский (1953 г) пленум ЦК КПСС принял реалистический курс на интенсификацию сельского хозяйства, а освоение целины направило развитие аграрного сектора страны на экстенсивный путь, находится в противоречии с конкретно-историческими условиями развития сельского хозяйства СССР начала и середины 1950-х гг. При отсутствии объективных предпосылок для масштабной модернизации аграрного сектора интенсификация в качестве приоритетного курса аграрной политики в тот период не имела перспектив. С другой стороны, возможности экстенсивного (целинного) варианта развития сельского хозяйства были далеко не исчерпаны, что в сочетании с мероприятиями по углублению интенсификации отрасли открывало перспективу роста аграрного сектора, преж-

де всего, зернового производства. Курс на освоение целины был реалистичен, обусловлен возможностями страны того времени, однако его практическая реализация тормозилась не только объективными трудностями (ограниченность ресурсов, исторически сжатые сроки), известными противоречиями колхозно-совхозной системы, но и была отягощена рукотворными ошибками субъективно-авантюристического толка. Освоение целины не остановило интенсификацию сельского хозяйства, а подготовило условия перехода к ней через создание мощной зерновой базы в стране.

Литература

1. XX съезд КПСС и его исторические реальности / *Н.А. Барсуков, Р.А. Белоусов, В.П. Бокарев* [и др.]. М., 1991.
2. *Андреевков С.Н.* «Целинный проект» и развитие зернового хозяйства Западной Сибири в середине 1950-х – начале 1960-х годов // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2007. С. 116–131.
3. *Богденко М.Л.* Совхозы СССР. 1951–1958. М., 1972.
4. *Данилов В.П.* Проблемы истории советской деревни в 1946–1970 гг. (Очерк историографии) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 10–40.
5. *Денисов Ю.П.* Избегать односторонности // Вопросы истории КПСС. 1989. № 4. С. 62–67.
6. *Долгов В.С.* Колхозный строй в СССР в 50-е годы // Исторические записки. М., 1984. Т. 111. С. 4–65.
7. *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.
8. *Зубкова Е.Ю.* После войны: Маленков, Хрущев и «оттепель» // История Отечества: люди, идеи, решения: очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 284–320.
9. *Игнатовский П.А.* Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966.
10. *Ильиных В.А.* Сельское хозяйство Сибири в XX в.: динамика отраслевой структуры // Сибирская деревня: проблемы истории: сб. науч. тр. Новосибирск, 2015. Вып. 3. С. 214–252.
11. *Мазур Л.Н.* Политика интенсификации сельскохозяйственного производства в СССР в 1960–1980-е гг.; специфика советского опыта // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок: Материалы ХХІХ сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С. 498–512.
12. *Наухацкий В.В.* Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: проблемы разработки и реализации. Ростов н/Д., 1996.
13. Письмо В.М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) // Вопросы истории. 2012. № 1. С. 67–89.

14. Ростовская область – 70 лет (1937–2007 гг.): сборник документов. Ростов н/Д., 2007.
15. *Русинов И.В.* Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35–49.
16. *Томилин В.Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009.
17. *Шарова П.Н.* Колхозы РСФСР в 1953–1958 гг. // Исторические записки. М., 1984. Т. 110. С. 295–311.
18. *Шестаков В.А.* Политика Н.С Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6. С. 106–120.
19. *Шутьков А.А.* Целинная эпопея, ее эффективность и уроки // АПК: Экономика. Управление. 2014. № 3. С. 3–13.

К вопросу о поведенческих моделях руководителей передовых колхозов (микроисторический подход)²

Статья отвечает рецепции субъектности социальной составляющей советского периода аграрной истории. Проанализированы две поведенческие модели председателей колхозов-миллионеров, сложившихся в условиях идентичной культурной конгруэнтности.

Ключевые слова: аграрная политика; колхозное строительство; председатели колхозов; аграрная бизнесфера. Татарская АССР.

В рамках изучения советского периода аграрной истории России проблема руководящих кадров нашла определенное отражение. Наиболее радикальный подход в интерпретации ее различных сторон предпринят ведущими специалистами вологодской школы аграрной истории М.А. Безниным и Т.М. Димони. Переоценивая базовые основы сельской бизнесферы советской эпохи, они предложили собственную концепцию социального устройства деревни. Проанализировав различные количественные и качественные характеристики корпуса руководителей советских форм организации аграрного производства, М. Безнин и Т. Димони пришли к выводу о том, что председатели колхозов, директора совхозов и директора МТС представляли собой советскую сельскую протобуржуазию [1].

При этом их анализ произведен без рецепции субъектности, которая нашла отражение, к примеру, в труде Ю.В. Костюшова «Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946 – 1953 гг.». Один из разделов указанного труда посвящен анализу типажей председательского корпуса [3, с. 166–183]. Ценной частью данного раздела является краткий обзор историографической ситуации по рассматриваемому сюжету [3, с. 166]. В вопросе структурирования председательского корпуса автор проявил неоправданно суженный подход, фокусируя внимание на негативных чертах. Костюшев выделяет семь базовых типов: пьяниц, «случайных поневоле на должности», «кабинетных» руководителей, «самоснабженцев», коррупцио-

---

¹ Галлямова Альфия Габдульнуровна, доктор исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, alfiya1955@gmail.com, Россия, г. Казань.

² Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-11-16014 «Производственные отношения в советское время: содержание и трансформационные процессы. 1920–1980-е гг. (на примере Татарстана)».

неров, ставленников сверху, временщиков и авторитарных руководителей.

Перебрасывая мост от предложенной схемы к суждениям вышеупомянутых вологодских аграрников, следует отметить, что они фактически свели весь председательский корпус к одному-двум из выделенных Ю. Костюшовым типам: «самоснабженцам» и в определенной степени к актерам складывавшихся коррупционных схем. Именно эти складывавшиеся в позднесоветский период группы, очевидно, могли потенциально реферировать протобуржуазные отношения. Такой подход, на наш взгляд, страдает некоторым упрощенчеством. Ведь среди руководителей колхозов и совхозов были и те, кто не представлял собой акторов новых отношений, сложившихся в постсоветское время.

Это, в частности, подтверждается уже упомянутой работой Костюшева. Но и предложенная им типизация, на наш взгляд, является далеко не полной. Как уже отмечено выше, автор подошел к характеристике председательского корпуса с негативистской меркой. Симптоматично уже то, что первый выделенный им тип – это пьяницы. Не отрицая массовости явлений пьянства, в том числе и в среде сельского руководства, при конструктивном подходе к анализу вопроса, в первую очередь, целесообразно было бы начать с выделения положительного типажа, ведь отрицать его наличие невозможно. В советской системе аграрного производства было немало успешно функционировавших колхозов и совхозов и во главе каждого из них находился конкретный руководитель. При вертикальном устройстве советской системы трудно предположить, чтобы успехи того или иного предприятия не были напрямую связаны с деятельностью его руководителя.

В данной статье предпринята попытка разобраться в существенных характеристиках руководителей передовых колхозов Татарской АССР. При этом изначально мы предполагали рассмотреть деятельность всех работавших в послевоенный период успешных председателей и директоров предприятий аграрного сектора экономики Татарской АССР. Благо, за многолетнюю работу удалось не только вникнуть в факторы и обстоятельства успешного развития руководимых ими хозяйств, но и с некоторыми встретиться лично. Архитектонику текста при этом, мы предполагали построить в соответствии с принципом бинарности, т.е. подразделить результатив-

ных руководителей колхозно-совхозной системы на приверженцев традиционализма и модернизма.

Но из дальнейшего анализа стала понятна уязвимость подобного подхода, ведь порой в решающей степени внешние объективные условия определяли парадигму действий, стиль профессиональной реализации руководителей колхозов и совхозов. Скажем, легендарный председатель колхоза-миллионера «Искра», Файзи Галеев жил и работал в сугубо аграрном Атнинском районе. Он находится на севере Татарской республики, и можно сказать, в советское время, был на обочине цивилизации, где течение крестьянской жизни, пожалуй, в наибольшей степени определялись сменой времен года. Здесь на протяжении всей советской эпохи наблюдалось наиболее устойчивое сохранение традиций татарского народа. Социально-политические реалии, отражались больше в вывесках официальных учреждений, несущественно меняя менталитет и внутридеревенские отношения.

Другой же, к примеру, не менее легендарный председатель Назип Зиатдинов пика своей успешной карьеры добился в Камской агропромышленной зоне во время становления КамАЗа и Набережных Челнов. В этот период в формирующемся Камском территориально-промышленном комплексе не только индустриальные гиганты являлись экспериментальной площадкой всего СССР для освоения новых методов и технологий, но и пригородная агропромышленная зона развивалась ему под стать. Камский АПК рассматривался руководством республики как место, где в первую очередь разворачивалось крупномасштабное строительство животноводческих комплексов и тепличных сооружений, оснащенных по последнему слову научно-технологических достижений в области растениеводства и животноводства. Обусловленная этим интенсивная урбанизация превратила северо-восточный регион республики из мононациональной (татарской) аграрной в многонациональную промышленно-аграрную агломерацию, круто изменив судьбу многих его жителей и в городе, и в селе.

И здесь «на передовой» находился вышеупомянутый Н. Зиатдинов. Понятно, что провозглашенный курс на концентрацию и специализацию сельскохозяйственного производства на основе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции для Назипа Зиатдиновича Зиатдинова не были простой декларацией. Сами обстоятельства определяли в качестве мейнстрима его

деятельности модернизационные преобразования. В отличие от него выше упомянутому Ф. Галиеву, чтобы обеспечить успех в производстве при условии отсутствия должного уровня развития социально-инфраструктурного спектра бизнессферы, приходилось в первую очередь думать о сохранении локуса. Это легче и эффективнее было сделать, придерживаясь принципов преемственности опыта, культивируя уважение к традиционалистским устоям.

Исходя из изложенного, мы пришли к выводу, что резонно остановиться на двух поведенческих моделях руководителей сельского хозяйства, сформировавшихся в условиях идентичной культурной конгруэнтности или в одинаковых социально-нормативных условиях. Это позволяет свои суждения вписать в контекст рецепции субъектности, суть которой сводится к тому, что персональные действия актора далеко не полностью детерминированы внешними условиями. В основу анализа мы взяли две очень яркие личности в аграрной истории республики, которые являются выходцами из одного села, превратившиеся в руководимые ими хозяйства колхозы-миллионеры, находившиеся по соседству.

Речь о Хады Рахманове и Шамиле Надырове, уроженцах села Новое Надырово Альметьевского района ТАССР. Опыт изучения этого села, на основе которого было создано солидное научно-краеведческое издание, я уже делилась на рязанской сессии симпозиума [2]. Основано было это татарское село в начале XVIII в. весьма колоритной исторической фигурой Надыром Уразметом, многогранной личностью, (он был и военным старшиной, и муллой, и первым нефтепромышленником края). Он сам и весь его род верой и правдой служил царю, за что уже его внук Мунасып Юсупов с учетом заслуг перед троном его отца и деда род Надыра Уразметова был возведен в дворянское достоинство. В советский период село прошло путь от первого в республике колхоза-миллионера (став им в первом послевоенном 1946 году) до села, одним из первых в республике распустивших колхоз, и стало почти пригородом нефтяной столицы Татарстана – Альметьевска.

Один из рассматриваемых в статье субъектов имеет самое непосредственное участие к славной истории села в советский период, а именно к обретению статуса первого в республике колхоза-миллионера. Это Хады Рахманов. Председателем в родном селе он стал в 33-летнем возрасте. Он принял активное участие в массовой коллективизации в масштабах всего района. В 1930-е гг.

Х. Рахманов работал в районных управленческих структурах: ВЛКСМ, ВКП(б), НКВД. Затем был фронт. Вернувшись в 1943 г. после тяжелого ранения, он стал председателем колхоза, сплотив вокруг себя команду из вернувшихся фронтовиков [4, с. 102]. По современным меркам это были недостаточно грамотные, но дельные, работающие и упорные люди, знавшие цену четкости выполнения руководящих указаний и распоряжений.

Вспоминая в 2000-е гг. о методах организации, условиях и результатах работы в колхозе, бывшие его члены стабильно высокие результаты связывали в первую очередь с сверхнапряженным физическим трудом, который они напрямую соотносили с личностью овеянного в советское время славой председателя. С ним же связывали причины своей тяжелой жизни. «Новому Надырову, как и России в целом, никогда не везло с царями», «Где они были наши миллионы? Мы их не видели, не ощущали!», «Мы были миллионерами, но хлеба досыта, как в соседней Мактаме не ели», «Хады Рахманов был сталинистом по убеждениям, из-за него люди тяжело жили, рано умирали», – так в устной беседе говорили новонадыровцы [4, с. 127]. Безусловно, за этими словами стоит боль за поколение, которое напрасно верило в высокий смысл своей жертвенности, за поколение своих отцов и матерей, боль за земляков, которые, добросовестно выполняя указания сверху, не щадя своего здоровья и даже жизни, трудились, но не имели достойных условий жизни.

В подтверждение своих слов все, как один, пожилые надыровцы (а их было опрошено около 100 человек) с горечью вспоминают, что газ в их село пришел на 20 лет позднее, чем могло бы быть. Дело в том, что в конце 1960-х гг. в республике было принято решение о выделении нескольким передовым колхозам щедрого социального пакета. Селу Новое Надырово его предложили одному из первых в республике. Он включал крупные мероприятия по созданию мощной социальной инфраструктуры, серьезному улучшению бытовых условий жителей за государственный счет. В первую очередь это означало заветную мечту крестьянства: проведение природного газа. Однако легендарный председатель Х. Рахманов, тогда депутат Верховного Совета СССР, от социального пакета отказался. Голубое топливо ушло тогда в другое село района. Новонадыровцы, добивавшиеся самых высоких показателей в производстве, по их справедливому мнению, были достойны первоочередного доступа к жизненным благам. Но авторитет колхозного председа-

теля был непререкаем. Хади-ага твердо верил, что нравственное, правильное строить фермы, склады, амбары, а чрезмерно думать об удобствах – транжирить государственные деньги.

По этой же причине Х. Рахманов отказался и от сооружения водопровода в середине 1960-х гг., когда работавшие близ села нефтяники сообщили, что «добрались до хорошей воды» и предлагали провести трубы за полцены. Между тем в Новом Надырове вопросы водоснабжения населения качественной водой стояли весьма остро. В 1970 г. вода не была проведена на такие важные общественные объекты, как школа, клуб, многие колонки находились в запущенном состоянии, вода пахла железом.

Нерешенные проблемы быта новонадыровцев не были следствием пренебрежительного отношения руководства колхоза к своим обязанностям. Слова «Раньше думай о Родине, а потом о себе» определяли образ мыслей многих руководителей. Это отчетливо проявлялось даже в этике поведения в повседневной жизни. Х. Рахманов и себя без остатка отдавал сельскохозяйственному труду. Многие отмечают, что в быту он был аскетичен, неприхотлив. Мог с бутылкой молока и куском хлеба целый день носиться по полям в своем служебном «Москвиче». На протяжении десятков лет ему не приходило в голову пересесть в более комфортабельную машину. Сын Хади Махмурахмановича Ильгиз вспоминает: «Мы росли, отца не видели: он уходил на работу, мы еще спали, он возвращался, мы уже спали» [4, с. 129]. Его жене, работавшей в этом селе учительницей, самой приходилось заниматься заготовкой дров и другими традиционно считающимися мужскими делами. Не воспользовался своим авторитетом Х. Рахманов и тогда, когда у его дочери возникли сложности при поступлении в Казанский университет. Со своими детьми он был строг и требовал от них предельной честности и скромности. Сын Х. Рахманова Марсель вспоминает, как однажды отец увидел у него, ученика первого класса, возвращавшегося с поля горсть конопляного семени, и заставил его отнести назад, а путь был неблизким – около километра.

Являясь председателем одного из сильных колхозов, Х. Рахманов постоянно думал о его развитии, расширении, совершенствовании общественного производства. А до нужд людей, также как до своих нужд, руки не доходили. И это тоже отразилось в высказываниях о легендарном председателе. Справедливости ради надо сказать, что среди высказываний о нем были не только отрица-

тельные мнения. Наряду с ними, пусть и в меньшем количестве, высказывались и такие оценки: «Это был один единственный настоящий коммунист, которого я знала», «Это был настоящий человек, думающий о деле, а не о собственном кармане» [4, с. 129].

За отказом председателя колхоза от газа и водопровода для родного села скрывается, на мой взгляд, еще одна коллизия. Возможно, в приходе городских удобств в село Х. Рахманов видел признаки проникновения в сельскую жизнь новых, тревожных, с его точки зрения, явлений. Судя по его выступлениям на собраниях и рассказам о нем односельчан, Х. Рахманов противился разрушению традиционных устоев сельской жизни. К примеру, выступая в 1959 г. на Альметьевской партийной конференции, он выразил тревогу о том, что в комплексных бригадах, пришедших на смену мелким, старые активисты находятся в стороне. При этом он высказал сожаление об утрате традиции решать все вопросы коллективно на сходах [4, с. 129].

Осмысливая образ руководителя первого в республике колхоза-миллионера с позиций сегодняшнего дня, понимаешь, что он относился к тем, про кого говорят: государственный человек. Понятно, что, находясь почти 30 лет на посту руководителя хозяйства, успешно развивавшегося в условиях советской аграрной политики, Х. Рахманов, не мог бы добиться этого, будучи мягким к людям. Хады Махмурахманович Рахманов, всего себя без остатка отдавая нелегкому сельскохозяйственному труду, требовал этого и от своих земляков.

Теперь о другом председателе соседнего колхоза «Ярыш», уроженце села Новое Надырово, прямом потомке Надыра Уразметова Шамиле Надырове. В биографии обоих председателей было много схожих моментов. Оба выросли в нужде в многодетных семьях, у обоих жены работали учительницами. У того и другого дети получили высшее образование. Ни у одного из них дети не связали свою судьбу с сельским хозяйством.

Но дальше о различиях. Во-первых, у них была разница в возрасте. Первый председатель родился в 1910 г., второй – в 1921 г. По-разному начиналась их трудовая биография. Если первый в 1930-е гг. прошел свои университеты в районных органах власти, НКВД в условиях массовой коллективизации, то Ш. Надыров начал свой трудовой путь после окончания педагогического института в школе учителем физики и математики. Далее, начиная с хрущевского пе-

риода, также были районные структуры власти. Сначала он стал секретарем горкома по одной из МТС, которая обслуживала 14 колхозов. Затем его ненадолго перебросили в соседний район председателем исполкома.

В 36-летнем возрасте (Х. Рахманов как указано выше стал председателем в 33-летнем возрасте) его избирают председателем отсталого колхоза «Ярыш», находившегося в 10 км от родного села. За 2 года колхоз превращается не просто в передовое хозяйство, но в опытно-показательное. По всей республике в то время было всего 3–4 таких хозяйства.

«Ярыш» выступал новатором в перестройке внутриколхозной организации труда. Прежде чем перейти к новым методам хозяйствования, Шамиль Хазиевич решил лично изучить передовой опыт. За этим он отправился в Рязанскую область, взявшую высокие обязательства по осуществлению лозунга «догнать и перегнать Америку по производству мяса». Поездка показала, что рязанские достижения – фикция. Однако неудачная поездка на Рязанщину не остановила Ш. Надырова. Он решил попасть на родину первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева в с. Калиновка Курской области. С этой целью Ш. Надыров попросил путевку в находившийся неподалеку санаторий ЦК КПСС «Марьино». Увиденное в Курской области его впечатлило. Детально вникнув в практику известного на всю страну колхоза, Ш. Надыров первым в районе решительно внедряет полный хозрасчет. И уже в «Ярыш» – не только из Альметьевского района, а со всей республики – едут за передовым опытом. В 1963 г. в центральной усадьбе колхоза состоялся зональный семинар, на который собрались руководители хозяйств со всего юго-востока республики. Практика «Ярыша» стала также предметом изучения экономистов-ученых Казанского сельскохозяйственного института и была рекомендована ими к широкому применению [4, с. 129].

Придавая первостепенное значение материальной заинтересованности работников хозяйства, Ш. Надыров проводил большую работу по совершенствованию материально-технической базы производства. За 7-летний срок пребывания Ш. Надырова на посту председателя в «Ярыше» было построено 26 хозяйственных объектов, полностью обновлены животноводческие помещения. Решимость, смелость принимать нетривиальные решения проявилась во внедрении специализации производства, налаживании партнерских отношений с городскими торговыми организациями.

Большое внимание Ш. Надыров уделял и благоустройству сел. При нем в селах, которые входили в колхоз, первыми в районе началась газификация. Одним из приоритетных направлений деятельности председателя было предоставление крестьянам максимальных возможностей для образования и культурного развития. При нем были построены невиданная для того времени двухэтажная каменная школа на 280 учеников, один из лучших Домов культуры и такой редкий социальный объект в сельской местности даже для более поздних времен, как гостиница. В 1966 г. труд Шамиля Хазиевича Надырова был отмечен высокой наградой: орденом Ленина. Кстати, заметим, что Х. Надыров не был удостоен такой награды.

Необходимо отметить, что при большом внимании к развитию социальной инфраструктуры сел, в вопросах пользования общественными благами в личных целях Ш. Надыров был весьма щепетилен. При интенсивном строительстве в селе семья председателя ютилась в тесной комнатухе при школе. Мясо, другие продукты питания Шамиль Хазиевич не покупал в своем колхозе. При всей любви к детям баловать их было не принято. Уже будучи крупным руководителем Ш. Надыров никогда не подвозил детей до школы, и они добирались вместе со всеми. При этом он был весьма лоялен по отношению к тем, кто допускал некоторые проступки, закрывал глаза на факты мелких хищений другими, не сдавал в руки правосудия тех, кто, скажем, попадался с одним-двумя бревнами, незаконно прихваченными из леса [4, с. 181–182].

Волевая натура, сильный характер Ш. Надырова проявились при серьезнейшем испытании для любого человека: он заболел раком дыхательных путей. После длительного лечения, снова вернулся к серьезной руководящей работе. В 1970 г. он возглавил самое отстающее хозяйство в районе совхоз «Нефтяник», в который незадолго до этого был преобразован колхоз «Урняк», объединивший остатки сильно урезанных в результате разработки нефтяных месторождений колхозов в Альметьеве, Нижней Мактаме, Миннибаеве, Тихоновке и др. Фактически Ш. Надыров стоял у истоков формирования новых отношений между аграрной и нефтяной отраслями в крае. Совхоз «Нефтяник» в 1967 г. стал первым хозяйством, которое «взяли под свое крыло» нефтяники. Как нерентабельное хозяйство он был передан в управление рабочего снабжения (УРС) «Татнефти», после чего здесь развернулся масштабное производственное строительство. За 1970–1975 гг. В «Нефтянике» было сооружено

более 30 объектов, осуществлены крупные проекты по водоснабжению, газификации во входивших в него селах: Нижняя и Верхняя Мактама, Тихоновка. Опираясь на поддержку нефтяников, Шамиль Хазиевич с присущим ему новаторством внедрил много принципиально нового в сельскохозяйственное производство, превращая «Нефтяник» в хозяйство высоких технологий.

Быстрый и стремительный, он никогда не сидел на месте. О нем в шутку говорили, что он даже в тарантасе не может ездить сидя. Видимо, поэтому жизнь перед ним ставила все новые задачи. Наладив хозяйственную деятельность в совхозе «Нефтяник», Ш. Надыров был выдвинут на более высокий пост. В 1975 г. он становится заместителем начальника УРСа объединения «Татнефть» по сельскому хозяйству, транспорту и МТС. В его подчинении оказываются все подсобные хозяйства «Татнефти». В отличие от Хады Рахманова, отправленного в 1970 г. на пенсию, Шамиль Надыров до смерти оставался на руководящем посту.

Важно отметить, что после ухода на пенсию Х. Рахмонова колхоз «Зай» быстро вышел из разряда передовых. Колхоз «Ярыш» до конца советской эпохи оставался сильным хозяйством. Это наводит на мысль, что в позднесоветский период более живучими становились методы управления, в основе которых были предприимчивость, новаторство, искусство компромисса по сравнению с ортодоксальной приверженностью аскетизму, в основе которых был принудительный чрезмерно напряженный крестьянский труд. Интерпретируя позицию Х. Рахманова можно было привести слова одного из героя фильма Марка Захарова «Убить дракона»: «Что я мог сделать, меня еще в молодости завербовали. Нас так учили». Но ответные слова Ланцелота «Всех учили. Но почему ты оказался первым учеником», приводят к следующему резюме: какой бы бесчеловечной и, казалось бы, строго форматной и моноритмичной не была бюрократическая система, она все-таки многомерна и не лишает возможности для самоконструирования, для превращения своего жизненного пути в поле для творчества.

Таким образом, углубленное зондирование темы руководящих кадров села на основе микроисторического исследования, позволяет сделать вывод о том, что не все их действия определяются неким скрытым личным интересом, позволяющим однозначно репрезентировать их как протобуржуазный слой. Иногда их поступками двигала, казалось бы, пресловутая пропагандистски клиширо-

ванная фраза «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Для некоторых она являлась истинным жизненным кредо, объясняющим их самоотверженный труд во имя высоких, пусть и недостижимых идеалов. Были в среде сельской верхушки и яркие представители, решительно выступавшие за модернизационные изменения. Очевидно, они представляли собой наиболее перспективных акторов трансформации советского аграрного строя. Но и это вовсе не означало, что в основе их бизнеса был сугубо рациональный посыл, сводившийся к арифметически высчитываемой выгоде, что, наверное, в первую очередь характеризует протобуржуазную реферативную группу. В кооптации имевшихся у них возможностей присутствует и раскрывающееся в широком спектре иррациональное начало: творческий азарт, не обязательно декларируемая любовь к родине, трудоголизм и др.

Литература

1. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов. Вологда, 2008.
2. *Галлямова А.Г.* Новое Надырово как показательный системоген модернизации аграрной сферы в советский период // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 376–383.
3. *Костяшов Ю.В.* Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М., 2015.
4. Новое Надырово: древняя столица края / Отв. ред. А.Г. Галлямова. Казань: Рухият, 2010.

Summary

Shveikovskaya Ye.N. Problems of agrarian and social history of Russia in the proceedings of the Symposium on agrarian history of Eastern Europe: to the 60th anniversary of activity

The article describes the problems of the Symposium sessions on the agricultural history of Eastern Europe from the mid-1990s to 2018, traces the principles of its work.

Keywords: Symposium on agricultural history of Eastern Europe, studied topics, sessions, sections.

Khitrov D.A. Studies of piszovye knigi of the Moscow state of XV–XVII centuries at the sessions of the Symposium on Agrarian History of Eastern Europe

The article gives a brief overview of the main works devoted to the analysis of the piszovye knigi of the Moscow state of the XVI–XVII centuries, presented at the sessions of the Symposium on Agrarian History of Eastern Europe from its foundation (1959) to the present time. It is shown that in all periods of its history the Symposium was the most important platform on which the main significant events in historiography were discussed.

Keyword: Symposium on Agrarian History of Eastern Europe, piszovye knigi, historiography.

Shinakov E.A. Ways to replenish the number of dependent rural population average in Desna region in the Old Russian period: a comprehensive analysis of the sources

The article discusses the demographic aspect of socio-agricultural history of Kievan Russia. When the boyar patrimonies began to appear massively, they were partially populated by the people trapped in dependency for the debts, partially (but initially – only in the princes settlements) – “smerds”. Archaeological materials of the Middle Desna Region testify about one more way – resettlement of prisoners of war from the Baltic region in the princely and boyar “villages”.

Keywords: demography, archaeological sources, the Middle Desna Region, Baltic region, prisoners of war.

Dmitrieva Z.V. From sokha taxation to yard taxation: transformation of fiscal system in Muscovy, 16–17th centuries

The article deals with the main stages of Russian tax system development and the influence of geo-political, economic and social factors on its transformation.

Keywords: taxation system in 16–17th centuries; Russia; units of taxation; sokha; vyty; obzha; peasant community; communal apportionment of taxes.

Sokolova N.V. Half a century at the turn of epochs: the domain lands as a tool of "big politics" (1578 – 1628)

The article attempts to trace the half-century history of the domain possessions in Nizhny Novgorod district, identify the stages of granting the domain lands to nobility, assess the impact of this practice on the structure of land tenure in the district, analyze what is common or peculiar about it in the Nizhny Novgorod Volga region.

Keywords: land tenure, Time of Troubles, "domain lands distribution", Nizhny Novgorod uezd.

Papkov A.I. The church landowning in the South of Russia in the first quarter of the XVIIth century

The author characterizes the Church land ownership as one of the major sources for the Russian Orthodox Church maintenance, reveals the main stages of the State-Church interactions on the matters of the Church land ownership.

Keywords: Russian Tsarstvo; South of Russia; Russian Orthodox Church; state; feudal estate; eparchy; Church; monastery.

Chernikov S.V. «Division of fathers' landed estates among children brings a great harm in our State ...»: revisiting influence of demographic factor on the development of patrimonial property (1700–1762)

The article shows that sustainable development of patrimonial property of families whose representatives were part of Russian ruling elite in the 17th-18th centuries was largely due to demographic factors. A large number of relatives facilitated to expand marriage ties with other influential families and probability of staying in power, moreover, chances of clans extinction were reduced and chances of preserving patrimonial property were increased.

Keywords: nobility; ruling elite; landownership; patrimonial property; demography; partible inheritance.

Smirnov Y.N. The formation and the current state of the source base on the history of the settlement of the South-East of European Russia, 18th mid-19th century (on archival materials)

The settlement and the development of the Volga, Transvolga and Southern Urals regions were reflected in numerous documents that were deposited in the capital, republican and regional archives. Local historians, including those working in Samara, paid much attention to searching and working with these sources. The article provides an overview of the identified historical sources in the archives and shows the most interesting results of their using by modern researchers.

Keywords: Russian History in the 18th-19th century, agrarian relations, colonization; source studies; archives.

Aleksandrov N.M. Evolution of landowner economy of the Upper Volga region after the abolition of serfdom

The article considers the process of evolution of landowner economies of the Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces after the abolition of serfdom. The fac-

tors affecting the pace of development of capitalist relation in estates are determined. The local specifics of the development of capitalism in the rural areas are shown.

Keywords: landowner economy, Post-reform Period, capitalism development, the Upper Volga region.

Budkina Yu.B. Credit cooperation in the pre-revolutionary Russia: the main directions of the contemporary studies

The author of the paper analyses the contemporary studies of the credit cooperation in pre-revolutionary Russia. The article determines the main achievements and the prospects of further studies of the problem.

Keywords: credit cooperation; pre-revolutionary Russia; contemporary research; peasantry; modernization.

Karpachev M.D. «The Tsar-Famine» of 1891–1892 in Voronezh region and its consequences

The article analyses the origins of the great famine in the Voronezh region of Russia at the times of the crop failures in 1891 and 1892. The author describes the effectiveness of the central and local administration activities at the campaign to save the peasant population during the times of starvation. The consequences of the great famine are also under consideration.

Keywords: peasantry; the Voronezh Region; crop failure of the 1891–1892; famine; administration; local self-government, measures.

Nikulin V.N. Peasant trades and industries in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries in the modern national historiography

This article analyses the works published by modern Russian historians, which studied different aspects of peasant trades and industries in the post-reform period. It is concluded that the interest of researchers to the history of peasant nonagricultural activities increases. The article also defines achievements as well as gaps in the modern historiography.

Keywords: historiography, agricultural sector, peasantry, peasant trades, seasonal work.

Os'kin M.V. Food question in Russia during the First World War: Production and supplies (on the discussion on the welfare of the population of Russian Empire in the early XX century)

The article deals with the problem of the food supplies in Russia during the First World War, namely the production of all food products, and the supply of them to the army. The aggravation of the food crisis was due to the insufficient food production, which grew as the war dragged on.

Keywords: food question, army supply, military rations, grain harvest.

Rynkov V.M. Siberian grain market in the late 19th and early 20th centuries: results and perspectives in the studies

The article analyzes prerevolutionary, soviet and post-soviet historiography of agriculture and grain trade in Siberia in the last decade 19th – early 20th century, and reveals problems demanding further study.

Keywords: Siberia, grain production, trade, market, historiography, statistics.

Zhitin R.M. Some features of the economy of large noble landowning at the end of the XIX – beginning of the XX century (based on the materials of Yusupovs' Rukityan estate of the and Orlov-Davydovs' Novo-Pokrov estate)

The article discusses the features of the modernization of the large landownings in the Tambov province. The problems of technical intensification, industry specialization are considered, as well as data on the capitalist forms of managing two estates.

Keywords: landlords; large landownings; Rakityan estate; Novo-Pokrovskoe estate.

Babashkin V.V. Peasant studies as a theoretical and methodological approach in the field of agricultural history

The article deals with the circumstances under which the Russian word “krestianovedenie” appeared in our agrarian historiography and rural sociology as a term similar to Peasant Studies of Western social science. Some immanent contradictions of this interdisciplinary field of the Humanities have been especially distinct when we turn to Russian-language academic publications. Thus it is even possible in a way to speak about “personalized” krestianovedenie.

Keywords: peasant studies, methodology, community, rural settlement network, peasant memoirs, collectivization.

Kornilov G.E. Historiographical situation in the historical and agrarian studies of Russia: the end of the twentieth – the beginning of the twenty-first century

The article analyzes the current state of historical and agrarian research in Russia in the twentieth century. The main attention was paid to the search for methodological approaches to the study of the history of agriculture and rural society, three concepts were analyzed: the agrarian transition, the nationalization of the collective-farm and state-farm system, and the capitalization of agriculture.

Keywords: agrarian history of Russia; historiography; methodological approach; agrarian system.

Kondrashin V.V. «Danilovsky sector» of the Institute of Russian history of the RAS: a breakthrough in the research of agrarian history of Russia of the first half of the XX century

The article is devoted to the analysis of the creative activities of researchers of the Center for Agrarian Studies of the Institute of Russian History of the Russian

Academy of Sciences, who, under the guidance of V.P. Danilov achieved outstanding results in the study of the history of the peasantry and agriculture in Russia.

Keywords: agrarian history of Russia; Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, V.P. Danilov.

Safonov D.A. From the “class struggle” to the peasant ideas: the development of the theme of the peasant social protest in the post-Soviet era

The article traces the dynamics of development of the problems of studying peasant social protest after the disappearance of the dogmatic approaches of the Soviet period. Based on the analysis of the topics of the symposium and a number of other agrarian forums, the author draws attention to the tangible glow of research interest in this topic, proving the opinion by analysis.

Keywords: historiography; social protest; peasant ideas; Symposium on the agrarian history of Eastern Europe.

Koznova I.E. Rural Soviet and Post-Soviet everyday life in the latest Russian research

The article deals with the main tendencies of studying rural Soviet and post-Soviet everyday life and the main approaches to it in the works of Russian researchers of recent years.

Keywords: culture; everyday life; peasantry; Soviet; collective farms.

Semerikova O.M. Agricultural Communes in 1917 – early 1930s: reasons for creating and joining

The article discusses the main reasons for the organization of agricultural communes in the Soviet village in 1917 – early 1930s. Presents the categories of the population who have expressed a desire to join the commune, and their motives. The significant role of the state in stimulating the communal communist movement in the village is shown.

Keywords: agricultural commune; communist project in the village; Soviet Russia in 1917 – early 1930s.

Gorbachev O.V., Solovyova T.V. Village Councils in the context of early Soviet engineering

In the article the evolution of the role of village councils (soviets) in the 1920–1930s is considered. It is shown that the sphere of competence of the local authorities was narrowed, and they had to limit themselves by the current economic and cultural development under the strict control of the ruling party.

Keywords: village councils, soviets, administrative-territorial structure, community, Soviet Russia-USSR in the 1920–1930s.

Tomilin V.N. The land use of the collective farms of the Black soil center of Russia in the first postwar decades

The article considers the land use of the collective farms of the Black Soil Center of Russia in the first postwar years. Special attention is paid to the study of the state of crop production, land management, implementation and development of the field crop rotations.

Keywords: agrarian policy of the CPSU; Soviet State; collective farms; land usage culture of the collective farms.

Naukhatskiy V.V. Virgin soil campaign of the 1950s–1960s: modern scientific discourse

The questions of historiography of the history of virgin lands development in the USSR are analyzed. The author concludes that the development of virgin lands did not stop the intensification of agriculture, but prepared the conditions for turning to it in practice, supported by the creation of a powerful grain base in the country.

Keywords: agriculture; the development of virgin lands; intensification; historiography; USSR.

Gallyamova A.G. The question of behavioral patterns of advanced collective heads (micro-historical approach)

The article addresses the acceptance of subjectivity of the social component of the agrarian history during the Soviet period. The article analyzes two behavioral models of the chairmen of millionaire collective farms, formed in the conditions of identical cultural congruence.

Keywords: agricultural policy; collective construction; the collective farm-the millionaire; rural life sphere; the Tatar ASSR.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>Швейковская Е.Н.</i>	
Проблемы аграрной и социальной истории России в трудах Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: к 60-летию деятельности	7
<i>Хитров Д.А.</i>	
Изучение писцовых и переписных книг Московского государства на сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	19
<i>Шинаков Е.А.</i>	
Способы пополнения численности зависимого населения Среднего Подесенья в древнерусский период: комплексный анализ источников	25
<i>Дмитриева З.В.</i>	
От посошного к подворному налогообложению: трансформация фиска в Московском государстве XVI–XVII вв	33
<i>Соколова Н.В.</i>	
Полвека на сломе эпох: дворцовые земли как инструмент «большой политики» (1578-1628)	45
<i>Папков А.И.</i>	
Церковное землевладение на южной окраине России в первой половине XVII в.	61
<i>Черников С.В.</i>	
«Разделением имений после отцов детям недвижимых великой есть вред в государстве нашем...»: к вопросу о влиянии демографических факторов на развитие родовой собственности (1700–1762 гг.)	68
<i>Смирнов Ю.Н.</i>	
Формирование на архивных материалах источниковой базы современных исследований по истории заселения юго-востока Европейской России с 18-го до середины 19-го столетия	77
<i>Александров Н.М.</i>	
Эволюция помещичьего хозяйства в пореформенной России (по материалам Верхнего Поволжья)	87
<i>Будкина Ю.Б.</i>	
Кредитная кооперация в дореволюционной России: основные направления современных исследований	96
<i>Карпачёв М.Д.</i>	
«Царь-голод» 1891-1892 гг. в Воронежской губернии и его последствия	103
<i>Никулин В.Н.</i>	
Крестьянские промыслы в России второй половины XIX – начала XX века в современной отечественной историографии	117

<i>Оськин М.В.</i> Продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны: (к дискуссии о благосостоянии населения империи в начале XX века)	130
<i>Рынков В.М.</i> Хлебный рынок Сибири в конце XIX – начале XX вв.: итоги и перспективы изучения	140
<i>Житин Р.М.</i> Некоторые особенности экономики крупногопомещичьего хозяй- ства в конце XIX – начале XX в. (по материалам Ракитянского имения Юсуповых и Ново-Покровского имения Орловых- Давыдовых)	153
<i>Бабашкин В.В.</i> Крестьяноведение как теоретико-методологический подход в области аграрной истории	162
<i>Корнилов Г.Е.</i> Историографическая ситуация в историко-аграрных исследованиях России: конец XX – начало XXI в.	175
<i>Кондрашин В.В.</i> «Даниловский сектор» Института российской истории РАН: прорыв в исследованиях аграрной истории России первой половины XX века	187
<i>Сафонов Д.А.</i> От «классовой борьбы» к крестьянским представлениям: развитие темы крестьянского социального протеста в постсоветскую эпоху	196
<i>Кознова И.Е.</i> Сельская советская и постсоветская повседневность в новейших российских исследованиях	208
<i>Семерикова О.М.</i> Сельскохозяйственные трудовые коммуны в 1917 - начале 1930-х гг.: причины создания и вступления в коллектив	221
<i>Горбачев О.В., Соловьева Т.В.</i> Сельские советы в контексте раннесоветского проектирования	229
<i>Томилин В.Н.</i> Землепользование колхозов Черноземного центра России в первые послевоенные десятилетия	242
<i>Наухацкий В.В.</i> Целинная кампания 1950-х – 1960-х гг.: современный научный дискурс	256
<i>Галлямова А.Г.</i> К вопросу о поведенческих моделях руководителей передовых колхозов (микроисторический подход)	270
Summary	281

CONTENTS

Introduction	5
<i>Shveikovskaya Ye.N.</i>	
Problems of agrarian and social history of Russia in the proceedings of the Symposium on agrarian history of Eastern Europe: to the 60th anniversary of activity	7
<i>Khitrov D.A.</i>	
Studies of pizhovye knigi of the Moscow state of XV–XVII centuries at the sessions of the Symposium on Agrarian History of Eastern Europe	19
<i>Shinakov E.A.</i>	
Ways to replenish the number of dependent rural population average in Desna region in the Old Russian period: a comprehensive analysis of the sources	25
<i>Dmitrieva Z.V.</i>	
From sokha taxation to yard taxation: transformation of fiscal system in Muscovy, 16–17th centuries	33
<i>Sokolova N.V.</i>	
Half a century at the turn of epochs: the domain lands as a tool of "big politics" (1578-1628)	45
<i>Papkov A.I.</i>	
The church landowning in the South of Russia in the first quarter of the XVIIth century	61
<i>Chernikov S.V.</i>	
«Division of fathers' landed estates among children brings a great harm in our State...»: revisiting influence of demographic factor on the development of patrimonial property (1700–1762)	68
<i>Smirnov Y.N.</i>	
The formation and the current state of the source base on the history of the settlement of the South-East of European Russia, 18th mid-19th century (on archival materials)	77
<i>Aleksandrov N.M.</i>	
Evolution of landowner economy of the Upper Volga region after the abolition of serfdom	87
<i>Budkina Yu.B.</i>	
Credit cooperation in the pre-revolutionary Russia: the main directions of the contemporary studies	96
<i>Karpachev M.D.</i>	
«The Tsar-Famine» of 1891–1892 in Voronezh region and its consequences	103
<i>Nikulin V.N.</i>	
Peasant trades and industries in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries in the modern national historiography	117

<i>Os'kin M.V.</i>	
Food question in Russia during the First World War: Production and supplies (on the discussion on the welfare of the population of Russian Empire in the early XX century)	130
<i>Rynkov V.M.</i>	
Siberian grain market in the late 19th and early 20th centuries: results and perspectives in the studies	140
<i>Zhitin R.M.</i>	
Some features of the economy of large noble landowning at the end of the XIX – beginning of the XX century (based on the materials of Yusupovs' Rukityan estate of the and Orlov-Davydovs' Novo-Pokrov estate)	153
<i>Babashkin V.V.</i>	
Peasant studies as a theoretical and methodological approach in the field of agricultural history	162
<i>Kornilov G.E.</i>	
Historiographical situation in the historical and agrarian studies of Russia: the end of the twentieth – the beginning of the twenty-first century	175
<i>Kondrashin V.V.</i>	
«Danilovsky sector» of the Institute of Russian history of the RAS: a breakthrough in the research of agrarian history of Russia of the first half of the XX century	187
<i>Safonov D.A.</i>	
From the “class struggle” to the peasant ideas: the development of the theme of the peasant social protest in the post-Soviet era	196
<i>Koznova I.E.</i>	
Rural Soviet and Post-Soviet everyday life in the latest Russian research	208
<i>Semerikova O.M.</i>	
Agricultural Communes in 1917 - early 1930s: reasons for creating and joining	221
<i>Gorbachev O.V., Solovyova T.V.</i>	
Village Councils in the context of early Soviet engineering	229
<i>Tomilin V.N.</i>	
The land use of the collective farms of the Black soil center of Russia in the first postwar decades	242
<i>Naukhatskiy V.V.</i>	
Virgin soil campaign of the 1950s–1960s: modern scientific discourse	256
<i>Gallyamova A.G.</i>	
The question of behavioral patterns of advanced collective heads (micro-historical approach)	270
Summary	281

Научное издание
**Ежегодник по аграрной истории
Восточной Европы. 2018 год**
Итоги и перспективы исследования
аграрной истории России X–XXI вв.
Отв.ред.: Елена Николаевна Швейковская

*Компьютерная верстка А.А. Чубур
Корректор Г.Е.Маханова*

РИО Брянского государственного университета,
241036, Брянск, ул.Бежицкая, 14